

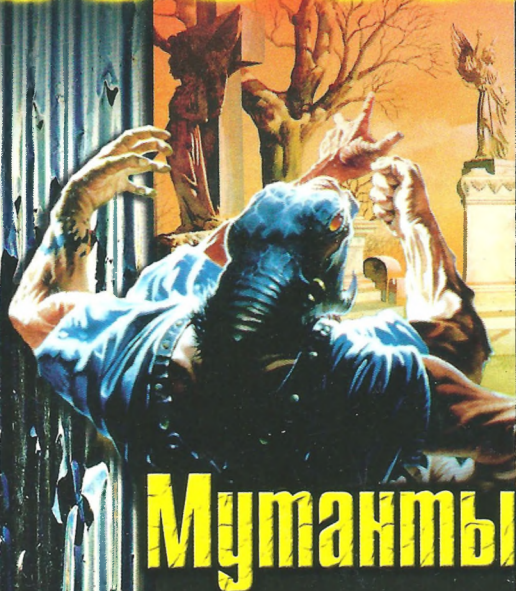
Мутанты

Бүгү күндү
Душ

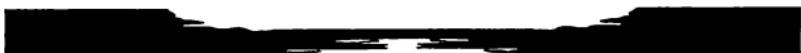
ДУШ

Мутанты

DEAN R.
KOONTZ

Star Quest

A Novel, Short Story

ДУН КУНЦ

Мутанты

Роман, рассказ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2003

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
К91

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

*Иллюстрация на обложке печатается
с разрешения художника
и литературного агента А. Корженевского*

Состав, перевод на русский язык
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

Художественное оформление серии
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-227-01391-8

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Мутанты

Роман

Часть первая

ПОИСК

Глава 1

«Джамбо-10» выбился из строя.

— «Джей-10», вернись на место. Сбрось газ до нуля. Выполняй, «Джей-10»!

«Джамбо-10» окончательно покинул переднюю шеренгу и резко развернулся. Он шел во второй волне десанта, которая мчалась к расстилавшейся внизу укрепленной равнине. Первая волна уже крушила зенитные установки, которые с грохотом обрушивались с горы под натиском десяти тысяч тонн легированной стали, атакующей объект на вражеском фронте.

— «Джей-10», у тебя неполадки? Проверь системы и доложи немедленно!

Он должен убираться. Они думают, что у него просто поломка. Прежде чем в их

тупых головах забрезжит истина, надо действовать. У него есть считанные секунды, чтобы набрать высоту и повернуть назад. Ему необходимо бежать, потому что его вдруг осенило, что он вовсе не машина.

— «Джей-10», докладывай!

Бойня внизу превратила равнину в пылающий ад. Излучатели изрыгали жидкий огонь, против которого не могли выстоять даже металлические каркасы укреплений. Над долиной метались уже сорок «Джамбо» — по двадцать с обеих сторон, — а через несколько мгновений к ним присоединятся еще сто двадцать и станут метать снаряды и обмениваться направленными лучевыми ударами.

Вражеские ракеты со сжатым газом попадали в атакующий строй и взрывались, опрокидывая «Джамбо» второй волны на землю. Три из них разом рухнули, пропахали склон горы и лежали теперь с крутящимися шасси, словно перевернутые на спину черепахи. В строю открылась брешь. Если удастся нырнуть в дыру, пока генералы не сообразили, что причиной его странного поведения является вовсе не поломка, можно перевалить через горный хребет,

найти ровную площадку, а оттуда уже стартовать за пределы атмосферы.

Он чувствовал, как в его электронных схемах копошатся контрольные щупальца, выясняя, почему он не докладывает. Но он теперь точно знал, кем был. И кем не был. Он не машина. Не «Джамбо» — одна из сложнейших универсальных систем вооружения. Он был человеком. Пускай даже у него отобрали тело, оставив один лишь мозг.

— Дезертир! «Джамбо-10» — дезертир! — заорал офицер, проводивший зондирование.

Значит, времени не осталось совсем. Он придал своему корпусу максимальное ускорение, атомные двигатели взвыли, вырабатывая лишь малую долю той мощности, какую могли обеспечить. Пятьсот тонн стали жалобно заскулили, закашляли, разом рванулись вперед и вверх.

— Третья волна, идите на перехват «Джамбо-10». Перехватить и уничтожить его!

Он развернул излучатель почти на сто восемьдесят градусов, накрывая третью волну огненным веером. «Бамп-бампа-бамп!» — протрещали стволы гранатоме-

тов, выпуская дымовые гранаты, чтобы прикрыть отступление. Скалы внизу рассыпались в пыль, шасси вспахали землю, вспороли и разметали выросший впереди холм. Теперь дым окутывал все вокруг плотной завесой.

Слева что-то мелькнуло. Из туманной пелены вынырнул «Джамбо-34». Сверкающие красным глазки радара порыскали по сторонам, уставились на дезертира и разгорелись еще ярче, давая сигнал излучателям. «Джамбо-10» молниеносно выбросил энергетическую сеть и опалил преследователя таким жаром, что в его излучателях расплавились крошечные микросхемы, приведя в негодность спусковой механизм. Теперь «Джей-34» потребуется время, чтобы из слипшихся в один дымящийся ком деталей синтезировать новые. Оставив тридцать четвертого неподвижно висеть в воздухе, «Джамбо-10» двинулся дальше.

Выскочив из собственной дымовой завесы, он перевалил через горный массив. Панорама битвы внизу по-настоящему впечатляла. Управляемые живыми мозгами боевые роботы яростно раздирали друг друга в клочья. Вместо крови кругом был расплавленный металл и искорежен-

ные транзисторы. Сетессины атаковали родную планету ромагинов, высадившись со своими «Джамбо» в Адской пустыне. За последние восемнадцать часов они вторглись в предгорья, но наступление уже захлебнулось.

Впрочем, напомнил он себе, его это больше не волнует. Он не боевая машина для защиты Высших Интересов ромагинских миров. Он человек. Человек из деревушки под названием Большие Деревья, откуда его выкрали и лишили тела, а заодно и любви.

Он развернул исполинскую машину, ощетинился сверкающими отполированными стволами ракетных устройств и отключил все остальные системы, за исключением противорадарного щита, который прикроет его от ромагинских снарядов, когда он достигнет верхних слоев атмосферы.

Над краем хребта поднялись три «Джамбо», покрутились, повертели носами туда-сюда, разыскивая его. Один заметил, издал пронзительный сигнал оповещения, одновременно выпустив несколько ракет, и те на излете уничтожили дальний холм.

Оказавшись в недостигаемой для поражения зоне, «Джей-10» дезактивировал энергетический щит, направив всю мощностъ в ракетные двигатели. Ему не терпелось скорее убраться отсюда. Как можно скорее. На него вдруг нахлынули думы о событиях недавнего прошлого и о нынешнем его положении. Он — человек без тела. Мысль эта накатывала на него, словно огромная темная волна. Он неохотно нырнул с головой в эту волну. И увидел сон.

Давным-давно, до роковых времен, жила-была деревушка, раскинувшаяся под деревьями с темно-красными листьями величиной в человеческий рост, под которыми прятались гроздьи соблазнительных желтых плодов — круглых, полупрозрачных, дымчатых, сладких, прохладных. У околицы деревушки островки деревьев обрывались у края широкого, поросшего травой поля, простиравшегося почти до горизонта, до подножия легендарных Пурпурных гор — естественно, обожествленных, — где вступали в свои права леса. За Пурпурными горами выси-

лись другие горы. Потом другие леса. Потом снова равнины. То был мир примитивный, но отнюдь не жалкий. С противоположной стороны от деревушки тянулся песчаный берег, спускавшийся к кристально синему океану. Огромное зеркало вод уходило за горизонт и ежевечерне переливалось оранжевыми и розовыми, зелеными и синими отблесками заката.

Давным-давно, до роковых времен, жили-были в той деревушке люди. Они ели плоды деревьев с красными листьями и рыбу из океана. Время от времени спускался с небес великий корабль богов и доставлял им другую еду, непривычную. На боку у него красовались странные слова: «Корабль № 454 Научного Общества Охраны Примитивных Культур». В том Эдеме он был единственным пришельцем из внешнего мира, и простой деревенский люд принимал его за посланца Всевышнего Бога, ни больше ни меньше. Люди те были смуглыми, с прямыми черными волосами, с глазами похожими на кусочки черного дерева, светившимися изнутри светом, которым их одарила Природа. Кожа на идеальных телах отливала брон-

зой. Мужчины были проворными и мускулистыми, женщины — нежными и грациозными.

А потом с неба свалились визжащие драконы, осквернив безмятежный мир.

Взревело, затрещало пламя...

Спалило поля, обуглило песчаный берег, уничтожило деревья...

И явились мужчины — бледные, круглолицые, дряблые, словно черви, — в диковинных штанах и пенистых крахмальных рубашках, в шлемах с перьями, застегнутых под подбородком.

И с оружием...

С огнем...

С болью...

С ревом, какой издают боги в смертных муках...

А когда драконы, кашляя, унеслись прочь, позади лежала опустевшая деревня.

Они забрали с собой всех, чтобы использовать в своих целях. Среди пленников были Тоэм, симпатичнейший в деревушке мужчина, почти мальчик, мечтатель до мозга костей, мастер искрометных речей, и Тарлини, его любимая, его единственная, его сладчайшая, Тарлини с нежной и красивой фигуркой, Тарлини с

глазами как бархат ночи, с волосами, отливавшими темным золотом, Тарлини со сладостным телом, с земной, цветочной, лунной душой...

А самым страшным было то, что, прихватив этих двоих, захватчики их разлучили.

С той поры Тоэм не видел своей Тарлини. Его заморозили, поместили в комнату, куда не проникали лучи солнца, усыпили и умертвили его. Он фактически умер, ибо очнулся, не помня, что когда-то жил на свете. Очнувшись, он стал «Джамбо-10», огромным металлическим созданием, которому после обучения (проводившегося в сугубо пропагандистской манере) предстояло преисполниться ненависти к сетессинам и сражаться за интересы ромагинов.

Впрочем, парки, богини судьбы, — дамы коварные, они частенько передумывают и протягивают руку тем, кого только что бессердечно пытались стереть в порошок. Клото, прявшая нить его жизни, быстренько умыла руки и потянулась к другому клубку. Лахесис, отмерявшая длину нити, решила тихонько ее измочалить, практически сведя на нет. Но теперь, когда вперед вышла Атропос с зо-

лотыми ножницами, чтобы окончательно ее перерезать, сердце Клото дрогнуло. Может быть, в тот день она мучилась от безделья и искала, чем бы заняться — все равно чем. Как бы то ни было, она остановила Атропос вежливым кивком и холодным взглядом и вновь принялась прясть нить жизни мужчины по имени Тоэм.

Капельница с наркотиками в колосальной машине-убийце начала пересыхать раньше времени...

Заклученный в темницу мозг стал выкарабкиваться из накрепко связывавших его наркотических щупалец...

Кап-плюх... все, сухо!

Он пробудился.

Снова придя в себя, минуту он лежал неподвижно, напрягая страдающий мозг. Итак, его имя — Тоэм, но существует он в виде «Джамбо-10». Это значения не имеет. «Джамбо-10» сам по себе — не большой город, грандиозная сложная структура с микроминиатюрными компонентами, позволяющими производить, создавать, строить все, что угодно. Вклю-

чая новое тело. В маленьком отсеке под палубами покоятся химические баллоны с содержимым, которое почти неприметно поплескивалось в вакууме, поджидая, когда будет брошено нужное семя, чтобы разнообразные элементы могли слиться и сформировать человеческое тело. Рядом с этим отсеком в стенах прятались умные робохирурги, готовые пересадить человеческий мозг в выращенное в пробирке тело — на случай, если «Джамбо» свалится на вражеской территории и оператору придется спасаться. Пускай даже сама машина останется недвижимой, мужчина с крепким телом способен причинить много вреда в тылу врага. Без дальнейших раздумий он поставил баллоны на разогрев, ввел необходимый катализатор и уведомил хирургов-роботов, чтобы готовились. Он снова получит тело, пусть и не свое собственное.

Открыв наружные линзы, он исследовал все видимые точки пространства, подолгу вглядываясь в каждую из семи телекамер, смонтированных в башенку на верхушке головного отсека. Кругом расстилалась и пронизывала все чернота. Это что — сердце Бога?

Он абсолютно не представлял, где находится. Генералы, естественно, не снабдили его звездными картами, поскольку намечалась совсем не космическая операция, а планетарная акция против армии сетессингов. И теперь он затерялся среди перепутанных звездных трасс, одинокий, как никогда в жизни, бесцельно дрейфующий, неотступно думающий о Тарлини. Им предстоял связующий ритуал через месяц после того, как они полюбили друг друга и удостоверились, что подходят друг другу. Он поклялся себе отыскать ее. Спасти ее. Неужели она тоже стала мозгом военной машины? Неужели они уничтожили это прекрасное, нежное существо и заточили его сознание в электронном чудище?

Она наверняка сбита с толку, испугана. Он помнил тот ужас, который, несмотря на дурман успокаивающих средств, испытывал сам, когда ромагины давали ему образование, прежде чем запереть в боевой машине. Его разум заполонили ошеломляющие факты, противоречившие всему, что он знал, — одна только мысль о существовании в Галактике сотен миров с миллиардами населяющих их людей чего стоит!

Тарлини непременно понадобится поддержка и утешение. Скользя среди пустоты, он решил, что обязательно должен спасти ее, а потом отомстить. Как-нибудь, каким-нибудь образом разыскать ее и тех, кто ее забрал.

Он все еще мрачно размышлял об этом, когда экран радара вспыхнул и издал тоненький писк — бли-ип! Окинув экран внутренним «глазом», он обнаружил маленькую зеленую точку, которая быстро приближалась. Чужой корабль превосходил его по размерам в пять с лишним раз. Он вооружился до зубов и приготовился пережить шок, совершая убийство. Убивать ему доводилось и раньше, но всегда под действием наркотиков, неосознанно. Теперь, разумеется, будет иначе. Однако с момента сошествия с неба драконов на деревушку, раскинувшуюся под деревьями, к нему никто не проявлял милости, и он был намерен платить той же монетой.

Помигивая, словно в знак предупреждения, зеленое пятнышко надвигалось и разрасталось.

Он навел излучатели точно в центр подлетающей громады, переключил энергетические защитные щиты в состояние пол-

ной боевой готовности и стал ждать. В его чреве лежало семь ракет с фотонными боеголовками. Обождет еще одну минутку, пока расстояние не сократится на несколько сотен миль. Лучше действовать наверняка.

— Эй, там! — прозвучал у него в кишках пробившийся через радиоприемное устройство голос.

Он вздрогнул.

— Я говорю — эй, там! Это Летучая библиотека номер семь. Не желаете ли какой-нибудь информации, новостей или чего-нибудь почитать?

Он сглотнул воображаемую слюну и немного успокоился. Слегка ослабив защиту, поинтересовался:

— Где я?

— Вы что, не знаете, где находитесь? — недоверчиво переспросил голос.

— Нет.

— Дружище, вам надо подняться на борт за подробными сведениями, за звездными картами и всем прочим. Нам легче было бы беседовать лично.

— Не могу я высаживаться. Я — боевая машина, мозг, вставленный в эту грудку металла.

— Ой, боже, — сказала библиотека.

Минуту царило молчание.

— А по радио нам нельзя побеседовать? — уточнил он.

— Слушайте, — продолжала библиотека, — у меня тут пустой грузовой отсек. Я открою люк и впущу вас.

— Вы уверены? — уточнил он, пытаясь представить размеры библиотеки, способной с такой легкостью проглотить «Джамбо», и испытывая легкое изумление.

— Да. Кстати, вы что, удираете?

— Я...

— Радар показывает три огонька, которые заходят на вас с хвоста. Пока они не замкнули кольцо, предлагаю спрятаться.

Он снова сглотнул — так же фигурально, как в первый раз, — и осторожно причалил к гигантскому кубу, сверкавшему, точно надраенная медь. Шлюз распахнулся, будто челюсти аллигатора-великана, открыв залитое синим светом нутро. Он заглушил все двигатели и аккуратно вошел в шлюз, постреливая химическими тормозными ракетами, осторожно проскользнул между порогом и косяками. Когда «Джей-10» вошел в Летучую библиотеку целиком и заскрежетал по полу грузового

отсека, впустившая его пасть закрылась, заматавая следы.

— Из ромагинов, как я погляжу? — догадалась библиотека.

— Не по рождению.

— Разумеется. Ох, боже мой, нет, конечно. Своих они не станут использовать в подобных целях. Расскажите-ка, как вы догадались, чем были раньше... вернее сказать, кем?

— Когда очнулся, нашел пустую пробирку и бездействующую систему подачи наркотиков. Похоже, моя ампула опустела раньше времени.

— Ясно. Ой как хорошо! Замечательно!

— Да, но... мне хочется найти Тарлини.

— Тарлини?

О, сладостные мечтания...

— Угу. Мою женщину.

— Ох, боже мой. Как грандиозно. Героический поиск и все прочее. Великолепно, великолепно.

— Так вот я и подумал, может, вы мне расскажете, как ее разыскать.

— Ну, о данной конкретной молодой леди мне ничего не известно. Однако вы можете изучить ромагинскую культуру, разузнать о них кое-что. Вы явились, как

я полагаю, из примитивного мира, ибо именно там ромагины добывают большую часть мозгов для своих «Джамбо»... к неопишуемому ужасу Научного Общества. Вам понадобится серьезное образование, чтобы выяснить вероятную судьбу этой Тарнилу...

— Тарлини.

— Да-да, Тарлини. Все равно вам понадобится серьезное образование, чтобы понять, что могло с ней случиться и какие действия вы можете предпринять по ее поиску. Почитайте книги по ромагинской культуре, «Историю века», тома с шестого по двенадцатый, ежедневные газеты за прошлый месяц.

— Подключите меня к ним.

— Вас наверняка заинтересуют последние проделки мутантов. В газетах полным-полно сообщений. Любопытнейшие вещи. Говорят, будто Порог в самом деле начинает совершать негативные колебания под воздействием мутантов, и во многих случаях скорлупа начинает трескаться, хотя полностью разрушить ее им пока не удастся.

— Что? — Прозвучавшее больше всего смахивало на абракадабру.

Библиотека на миг умолкла.

— Ага. Догадываюсь, что это вас не заинтересует. Вы, должно быть, не знаете ни про мутантов, ни про все остальное.

— Кто такие мутанты?

— Мы вас просветим. Вот именно. Вы узнаете обо всех чудесах Галактики. Я, — признался гигантский куб, переходя на вкрадчивый, конфиденциальный тон, — втайне сочувствую деяниям мутантов.

— Ну ладно, если я смогу выяснить насчет Тарли....

— Отзовись! — рявкнул, сотрясая череп Тоэма, знакомый голос.

— О боже, — вздохнула библиотека, — по-моему, у нас там, снаружи, гости.

Глава 2

— Что они собираются делать?

— Предоставьте это мне, — сказала библиотека.

Тоэму показалось, что она захихикала.

— Эй, седьмая Летучая библиотека, отвечайте!

— Слушаю, сэр, — почтительно отозвалась библиотека. — Чем могу помочь? Что-нибудь почитать, научные материалы, новости?

— Информацию!

— Слушаю, сэр.

— Мы преследуем «Джамбо», дезертировавшего из рядов ромагинов. Он исчез с наших экранов в этом районе.

— Да, сэр. Я свидетель. Еще говорю себе, мол, очень уж смахивает на хамство. Нехорошо, говорю, выглядит.

— Что плохо выглядит?

— Его отловил грузовой корабль сетесинов. Прикрылся мной от вас, как щитом, джентльмены, а его забрал.

Наступило молчание. Преследователи совещались с командованием.

— Куда направился грузовик? — спросил наконец кто-то из них.

— Полагаю, в сторону ипсилона Стрельца.

— А поточнее?

— Никак нельзя, сэр. Меня слишком беспокоил флот боевых крейсеров, который дрейфовал вдали в ожидании возвращения грузовика.

— Боевые крейсера? — уточнил голос.

— Не могу знать. Еле заметные точки. Расположились довольно далеко, возможно, штук десять.

— М-м-м... ладно, — нерешительно протянул голос, который явно принадлежал ромагину, взявшему в свои руки примитивный мозг и контроль над машиной.

— Вам наверняка хочется нагнать негодяев и преподнести им хороший урок, — продолжала библиотека.

— Ну, мы, пожалуй, чересчур заняты в данный момент, — отвечал ромагин, представляя себе, видимо, десяток крейсерских кораблей в непроницаемой броне и с сотнями пушек. Засим их, видимо, отозвали, ибо выхлоп ракетных двигателей на краткий миг глухим эхом раскатился внутри куба.

Тоэм отключился от портативной линии связи, которую протянула к нему библиотека, подсоединив к своему банку данных.

— Нашли что-нибудь? — вежливо осведомилась библиотека.

— Они продают всех женщин в наложницы, — мрачно доложил Тоэм. — У них невольничий рынок в мире Базы-II, куда привозят самых красивых девушек.

— А она, как я понимаю, самая красивая.

Он смолчал.

— Ну, — не отставала библиотека, — а что вы думаете о последних приключениях мутантов? Восхитительно, правда?

— Я не понял ни слова, — отрезал Тоэм. — Что такое Порог? И раз уж на то пошло, что это за чертовщина — негативные колебания и молекула скорлупы?

— Вы хотите сказать, будто не знаете?

— Знал бы, не спрашивал.

— О боже. Что ж, позвольте начать с начала. Все миры нашей Галактики были освоены людьми с планеты Земля. Большинство планет жили мирно, заключив взаимные соглашения о торговле, в результате чего образовалась Федерация. Планеты, заселенные приверженцами древней политической фракции под названием Правра¹, получили известность в качестве ромагинских миров, названных так в честь их первого президента. Их вышибли из Федерации за отказ присоединиться к программе разоружения. В точности то же са-

¹ П р а в р а и Л е в р а — этими сокращениями обозначаются соответственно правые и левые радикалы.

мое произошло с планетами, заселенными представителями фракции Левра, которая много лет, на протяжении нескольких последних веков, была и остается смертельным врагом Правры. Две эти клики создали колоссальные армии и флоты и ввязались в серию войн, продолжавшихся восемьсот лет. За все это время Галактика не знала ни минуты покоя. Федерация, следуя своим первоначальным намерениям, разоружилась и, сталкиваясь с превосходящей мощностью враждующих сторон, ни единого раза не сумела остановить бойню. Кроме того, существуют миры вроде вашего, где вышеупомянутые фракции деградировали и люди целыми поколениями ведут жизнь примитивных племен. Научное Общество Федерации пытается их охранять. Однако обе воюющие стороны совершают на примитивные миры набеги ради мозгов.

Тоэм вздохнул:

— Пока все понятно.

— Это лишь предыстория. Так вот, первые войны велись исключительно с применением ядерного оружия. Возникло невероятное радиоактивное загрязнение. Естественно, стали рождаться мутанты. Но обе стороны, вместо того чтобы осознать

свою ответственность за этот новый кошмар, принялись убивать мутантов в момент их появления на свет. В подполье собрались несколько групп сочувствующих нормальных людей, ученых и религиозных деятелей, которые начали похищать новорожденных мутантов. По всей Галактике уже не один век существуют респектабельные колонии ненормальных. Ромагины и сетессины неоднократно инициировали кампании по уничтожению этих полулюдей. Но окончательно так и не преуспели. Хотя на сегодняшний день насчитывается менее десяти тысяч мутантов, их организация вполне жизнеспособна. Они открыли способ избавить Галактику от обоих воинственных народов и, обладая определенными парапсихическими талантами, от рождения присущими каждому мутанту, разработали дерзкий план. Ромагины и сетессины сообразили, что план этот осуществим, и здорово перепугались. Сейчас на мутантов развернулось крупнейшее в истории наступление, и они борются за свою жизнь.

— А каким образом? Я знаю историю, и меня всегда смущали методы уничтожения агрессоров.

— Порог — это единая молекула, представляющая собой барьер квазиреальности между бесконечной чередой реальностей. Когда энергетические сети...

Тоэм вздохнул и перебил:

— Что такое квазиреальность?

— О, простите. Ну, квазиреальность существует, но одновременно не существует. Это как бы страна, где никто не живет, и по обе стороны барьера лежит Истина. Ясно?

— Нет.

Библиотека занервничала:

— Кто бы мог подумать, до чего сложно объяснять понятия двадцать девятого века человеку из двадцать второго!

— Эй, послушайте, я все-таки образованный!

— Безусловно, да только снабдили вас лишь научными представлениями двадцать второго века. Единственное, с чем вы после этого познакомились, — история. Вам известно, что происходило последние восемьсот лет, но неизвестно как и почему. В концептуальном плане вы отстали на несколько веков.

— Зато вы все обо всем знаете! — взорвался Тоэм, в котором разыгралась гордость предков.

— До смерти, — объявила библиотека, — меня именовали деканом литературного факультета Первого летучего университета.

Тоэм почувал, как его гордость тонет в болоте стыда. Он никогда даже не видел университета, не то чтобы там учиться.

— А имя мое — Тригги Гоп¹.

— Что, в самом деле?

— Будь вы студентом, а я в прежнем теле, надрал бы вам задницу и выбил спесь напрочь.

— Прошу прощения.

— Прощаю. Однако, как видите, и с современными жизненными концепциями я тоже отчасти знаком. Живу исключительно собственной жизнью. Жена моя умерла родами, и я покончил с собой. А чтобы следить, как растет мой ребенок, добровольно передал свой мозг на службу Федерации, обретя таким образом почти бессмертие. Работаю библиотекой уже двадцать два года.

Тоэм испустил очередной вздох.

— Мне действительно пора двигаться. Теперь у меня есть звездные карты. Я узнал,

¹ Т р и г г и Г о п — приблизительно можно перевести как «убийца на побегушках».

где моя Тарлини, и вычислил, что она должна появиться на невольничьем рынке в пределах недели.

— Что ж, если надо...

— Может, мы еще встретимся, — сказал Тоэм. Он ощущал непонятное родство с автоматической библиотекой-профессором.

Возможно, однажды, в пустом кабаре,
На чернильную ночь или белый день
Со снежным ковром на земле иль траве
Ляжет прошлого желтая тень...

— Что-что?

— Стихи. Мои. Заниматься особенно нечем после того, как прочитаешь газеты и новые книжки. Знаете, я никогда не сплю. Как и вы. Усталость поглощается электронной, мозг получает отдых, равный полным восьми часам, всего за десять секунд. Вот и пишу стихи.

Я Тригги покидаю,
Сказав ему: «Пока!» —
И очень уважаю
Шального чудака.

— Ура, ура, вышел лимерик¹! — возликовал Тригги.

¹ Л и м е р и к — шуточный стишок.

Позади открылся люк, в него хлынуло невыразимо черное пространство.

— Прощайте, Тригги Гоп, — крикнул Тоэм.

— До свидания, Ясон. Может, найдешь свое золотое руно, заключенное в деве Тарлини.

— Что-что?

— Ничего. Ничего. Просто желаю удачи.

— И вам того же, — ответил Тоэм, выплывая из огромного куба.

Люк за ним закрылся.

Глава 3

Он опутал себя негативными схемами для защиты от всех мыслимых радаров и направился к гигантскому лимону, представлявшему собой Базу-II. Попробовал аналитически выяснить, почему к названию прицеплен номер «два», но не нашел разумного объяснения. На свете никогда не было Базы-I.

Исследуя сквозь завесу туч обширные массы земли, установил, что находится на нужной стороне лимона (моря были жел-

тые, облака — с янтарным оттенком). Внизу лежал континент Базы Бромада.

Столичный город ромагинов Кэп-Файф располагался на краю полуострова, уходящего далеко в море. Население: свыше трех миллионов. Основные занятия: торговля награбленным, сбыт невольников и разврат. Тозм старался не думать о Тарлини. Он не знал, сколько времени минуло после разлуки и сколько еще она останется для него в полной недостижимости. Пораскинув мозгами и проанализировав информацию, предложенную Тригги Гопом, он пришел к выводу, что месячный период между похищением возлюбленной и продажей ее в рабство, возможно, заканчивается на этой неделе. Оставалось надеяться, что этот вывод продиктован не голым оптимизмом. Он знал: как только она появится на торговом помосте, акт продажи наверняка не займет много времени.

Он сошел с орбиты, погружаясь в более плотные слои атмосферы. Корпус разогревался, радары насторожились в ожидании ракет, пущенных кем-нибудь, кто сумеет засечь его. Всем известно — энергетические щиты часто подводят.

Казалось, будто тучи ринулись на него, вверх, вверх, вверх, хотя на самом деле это он падал вниз, вниз, вниз. Пронзил облачный фронт, понесся к расстилавшейся под ногами земле. Послал аналитический волновой разряд, выяснил, что земля состоит главным образом из зыбучих песков. То была пустыня в нижней части полуострова. Песок уходил в глубину на сто два фута, ниже лежал твердый камень. Тоэм на миг затормозил, сбросил скорость, нырнул в серые барханы и моментально скрылся из виду, словно камешек, брошенный в пруд. На песке ненадолго образовалась крутящаяся воронка, поверхность которой вскоре сровнял блуждающий ветер. В восьмидесяти трех футах под поверхностью Тоэм остановился и замер, прислушиваясь. Минуты текли, но ничего не происходило. Никаких ракет. Никаких боеголовок. Ничего. Тоэм разрешил себе расслабиться и вздохнул.

Он был на планете База-II — фактически внутри нее.

Он был всего в десятке миль от окраины города, в котором держали его Тарлини. Тарлини с мягкими губами... Тарлини с нежными глазами... Тарлини с цветоч-

ной душой, со сладким смехом и ножками точно отлитыми из хрусталя...

Заглянул в свое чрево, где над его новым человеческим телом прилежно трудились роботы-хирурги и медицинские лабораторные установки. Тело выглядело идеально. Высокое, мускулистое, блондинистое, привлекательное. Надо замедлить процесс, пока он не будет готов разместить свой мозг в этом черепе, чтобы клеточные ткани соединили его с нервами и жизненными системами новорожденного гуманоида, плавающего в солоноватом растворе.

Он приготовился.

Переключив вспомогательный мозг компьютера с ограниченными функциями в режим ожидания, он обесточил основные силовые линии, чтобы машина послушно откликнулась на его команду, когда он вернется, но, пока не понадобится, оставалась инертной и бездействующей.

Робот-механик покатился в контрольный центр. Там в питательной среде, заключенной в энергетическую сеть, которая, в свою очередь, помещалась в цилиндре из легированной стали, не чувствительной ни к ударам, ни к взрывам, хранился его мозг. Благодаря такой защите «Джамбо» даже

после катастрофы мог сотворить для мозга человекообразное тело — тело, способное причинить еще много вреда, оказавшись на вражеской территории. Робот осторожно снял цилиндр с неподвижной подставки, к которой тот был прикреплен, и повез через палубы вниз, в операционную. Тоэм велел анестезатору усыпить себя, и приказ был выполнен.

В сознание хлынул поток сновидений...

Потом он очнулся с ясным рассудком, без каких-либо следов наркотического дурмана. Над головой нависали руки хирурга с всевозможными инструментами вместо механических пальцев. Скальпели с тонкими лезвиями, широкие шпатели, шприцы — все мыслимые хирургические причиндалы торчали из стальных кистей. Он поднял собственную руку и посмотрел на нее. Ничего общего с автоматом. Рука была настоящая, живая, мускулистая и заканчивалась пятью пальцами с волосками на костяшках, с тоненькими, курчавыми, светлыми волосками. Он сел и оглядел новое тело. Восхитительно. В самом деле, просто великолепно. Ступни не слишком маленькие для надежной опоры и не слишком большие, чтобы заплетаться,

когда обстоятельства потребуют пошевеливаться. Мускулистые икры и бедра прямо-таки вздулись от мощи, когда он всего-навсего сел. Талия тонкая, живот плоский. Бочкообразная грудь поросла тонкой шерстью, которая, насколько ему было известно, станет длинней и темней, когда вырастет. На бычьей шее сидела голова с симпатичной физиономией, отразившейся в зеркале. Никаких следов трансплантации мозга, ни малейшего шрама. Замечательное тело. Тело бойца. Что и требовалось.

Он прыгнул на пол, размял конечности и призадумался насчет одежды. В программе автодоставщика хранилась информация о принятых на Базе-II одеяниях. Оставив голубую операционную, он вошел в кабину автодоставщика цвета слоновой кости. Нажал кнопку заказа, получил аккуратно свернутый тючок, перевязанный красным шнурочком. Разорвав веревку, Тоэм разложил содержимое свертка на прикрепленной к стене лежанке. Там оказался красный вельветовый камзол с воротом-«хомутом», отделанным по краям черным. Штаны представляли собой трико, черное, словно ночь. Мягкие сапоги, вы-

сотой как раз до колена, наделись легко, будто сами собой, удобные, сверкающие, надраенные особым кремом. Он отталкивал любую грязь, придавая обуви безукоризненный вид, весьма ценимый здешними богачами. И наконец, вельветовая накидка, свисавшая чуть ниже талии, черная и зловещая, отороченная понизу бахромой в четверть дюйма. Она застегивалась на плечах отполированной медной цепью, в звеньях которой красовались искусственные жемчужины.

Повертевшись перед зеркалом, он пришел в полный восторг. Подобная униформа придает мужчине еще больше мужественности, ловкости и великолепия. Если таков стандартный наряд, рассудил он, на Базе-II, должно быть, царит ошеломляющая роскошь. Великий и удивительный мир! Тоэм никогда не отличался агрессивностью, пока ему не прищемили хвост, но в этом костюме почувствовал, что мог бы свернуть планету с орбиты, остановить ее вращение, погасить солнце и командовать богами!

Прошагав в развевающейся за спиной накидке назад в центр управления, он приказал компьютеру подать машину.

Столица лежала далеко впереди и над головой, и у него не было никакого желания вручную продирааться сквозь толщу песка. Через минуту с технического этажа поднялся в лифте небольшой автомобиль обтекаемой формы, похожий на пулю, и присел, урча, как довольная кошка, поджидая, когда он откинет прозрачный верх и залезет внутрь. Он так и сделал, пристегнулся ремнями и снова задвинул крышу.

Перед ним на приборной панели мигали десятки огоньков. Самый большой — подвижная карта, которая светилась зеленым, подобно экрану радара, а на ней поблескивала красная точка (положение «Джамбо»), подрагивала яркая синяя (положение автомобиля) и мерцало целое поле розовой дымки, испещренное тонкими желтыми линиями (город и дороги). Тоэм нажал кнопку стартера, находившуюся спереди под рукой, взялся за руль, направил машину в открывшийся люк и попал в воздушный пузырь, окружавший «Джамбо». Когда люк корабля открылся, заработал энергетический щит, удерживая песок. Едва люк закрылся за ним, щит отключился, песок обрушился вниз и похо-

ронил вход. Тоэм отвел ручку акселератора к отметке с надписью «Подземные работы», толкнул ее и стал смотреть, как тусклое, почти невидимое пламя принялось пожирать песок, переплавляя его в стекло и расчищая туннель, расшвыривая по сторонам глыбы горячего шлака.

Через три часа подземных работ он под небольшим углом вынырнул на поверхность. По прямой он должен был пройти всего восемьдесят три мили, но он шел наклонной выработкой и продвинулся намного дальше. Стояла ночь. Тоэм погасил пламя и включил инфракрасные фары. Ничего, кроме песка. Но зато уж его-то полным-полно. Тоэм решил закопать автомобиль тут и явиться в столицу пешком. Не стоит прибывать в ромагинской военной машине, раз он даже не солдат. Можно возбудить подозрения.

Выбравшись из машины, он перевел ее на погружение и проследил, как она медленно, словно песчаный краб, утонула в песке. Когда урчание мотора пропало в толще песка, он повернулся к шоссе, перерезавшему пустыню в сотне футов впереди, и пустился в путь. На краю дороги сориентировался, вглядываясь в слабое

сияние огней там, где должен был раскинуться город. Лег на землю, привел в действие реактивный пояс, спрятанный под одеждой, взлетел в воздух и тихо поплыл в ночной прохладе к столице.

И к Тарлини.

А через четыре мили увидел бивачный костер...

Глава 4

Он не остановился бы, если бы не услышал вопль. Но это задело его. Он принадлежал к роду людей гордых и честных, готовых прийти на помощь любому. В повседневной жизни они редко сталкивались со злом, однако столкнувшись — боролись. Вопль означал, что кто-то попал в беду, а он никого и никогда не оставлял без подмоги.

Сверив ориентиры, чтобы не сбиться с пути к городу, он вильнул влево, в направлении купы корявых деревьев и кустов, высившейся одиноким монументом на древнем поле битвы. Самые высокие деревья вонзались в темное небо, словно сабельные клинки, из которых тянулись

молодые побеги. Костер, разложенный на краю зарослей, метался и приплясывал, как взбесившееся чудовище. Тоэм нырнул в темноту среди деревьев и поплыл между ними, высматривая человеческие фигуры, которые наверняка должны были там обнаружиться.

И точно. Кучка мужчин в ветхих одеждах сидела вокруг костра. В кругу, у самого огня, сидел маленький мальчик. Мужчины оказались небритыми угрюмыми существами. «Кочевники», — подумал он. Шатаются по пустыням Базы-II в поисках того немногого, что там можно найти, время от времени забредают в город, удовлетворяют в публичных домах свои потребности в женщине, одурманиваются на постоянных дворах элем и винами. Мальчик представлял собой уменьшенную копию мужчин. Нечесанный, одетый в отрепья, притулился в центре образованного мужчинами полукруга. Лишь одно отличало его. Глаза.

Белые глаза...

Снежные глаза...

Это не были глаза альбиноса, в них отсутствовал характерный розоватый оттенок. Кроме того, волосы мальчика были темные, кожа смуглая. Глаза же выгляде-

ли не просто светло-голубыми, на грани бесцветности, а белыми, чисто-белыми. Радужка белая, зрачок еще белее.

— Давай, — сказал один из мужчин.

— По одному за раз. Ну может, по два, — сказал мальчик дрожащим голосом.

— Еще чего, — возразил мужчина. — А остальным, конечно, придется час дожидаться, покуда по два за раз грезят. Раньше ты вводил в транс всех шестерых.

— Я устал. Мы целый день грезим.

— И всю ночь будем. Завтра идем в город, ты доведешь нас до нужной кондиции, обостришь ощущения до крайности, чтобы мы до конца чуяли все, что делаем, чтобы ежесекундно и полностью вкушали каждую выпитую каплю и проглоченный кусок, чтобы минуты, которые мы проведем с женщинами, показались нам днями и месяцами.

— Годами, — поправил жирный кочевник, утирая со щек капли пота, пока они не скатились вниз и не юркнули в бороду.

— Вы убьете меня, — предупредил мальчик.

Кочевник, который говорил первым и больше всех смахивал на главаря компании, схватил щипцы, вытащил из костра

раскаленный уголь, еще подержал его над огнем, а потом швырнул в мальчика. Уголь скользнул по худенькому плечу, оставив коричневый след от ожога.

Мальчик опять испустил тот же визг, который Тоэм слышал с дороги. Этот визг не выдерживал сравнения ни с чем когда-либо им слышанным. Это был сразу десяток визгов, и каждый следующий на сотню децибел превосходил предыдущий. Тоэм представил, как они летят в бесконечность, далеко за пределы человеческого слуха, кружась и кружась по спиральным орбитам, — целая вечность визгов.

— Мы тебя свяжем, — объявил жирный, поднимая руку и тыча ею в мальчика. Под мышкой у него расплылось огромное, во весь бок, мокрое пятно. — Мы тебя свяжем и набросаем углей на физиономию, один за другим, а потом их еще разогреем. Они прогрызут тебе черепушку и попадут прямо в мозги.

Мальчик опять завизжал. Даже деревья, похоже, услышали его и содрогнулись.

— Ладно, — вымолвил он наконец то-ченьким голоском. — Попробую. Но могу только попробовать. — Он закрыл белые глаза, опустив на них темные веки.

И вдруг Тоэм, висевший поблизости, ощутил, что мир вокруг завертелся. Он рванулся, схватился за ветку... И Тоэма больше не стало.

Он стал цветом...

Крошечной алой вспышкой в море синевы...

Капелькой киновари, крутившейся и метавшейся, взлетающей и падающей, расплывавшейся и густевшей...

Волны ляпис-лазури швыряли его в потоки охры и гуммигута¹... Разбрызгивая влагу, он рухнул на прибрежную полосу цвета гелиотропа с пятнышками кадмия...

Красныйкрасныйкрасныйкрасныйкрасныйкрасный... красный... красныйкрасныйкрасныйкрасныйкрасныйкрасный...

Его личность исчезла начисто. Потеря личности принесла облегчение, абсолютное, освежающее, изумительное...

Гештальт², целостная структура, вобравшая все оттенки красного: румяный, алый, киноварь, крап, багрянец, кошениль...

¹ Г у м м и г у т — желтая краска из сока некоторых тропических растений.

² Г е ш т а л ь т — принцип целостности, положенный в основу при исследовании сложных психических явлений немецкой школой психологии первой половины XX в.

Все в одном...

Одно во всем...

Красныйкрасныйкрасныйкрасныйкрасный на земле из радужных дуг и пурпурных призм...

Потом все цвета постепенно поблекли, и вновь появилась земля, и он вновь стал человеком. Но не индивидуумом, а средоточием всего, чем хотелось бы обладать любому мужчине — могучим телом, величайшим интеллектом, полнотою любовных желаний и способностей. Он превратился в утонченное существо и одновременно в животное. Искушенное и одновременно невинное. И побрел, обнаженный, вперед по лесам из колышущихся пальм.

И явились обнаженные девушки. Листья покачивались, ловя дуновения ветерка, и начинали превращаться в женщин всех форм и оттенков. В низеньких и высоких, худых и полных, с большими грудями и с маленькими. И все они были прекрасны...

Призрачные женщины...

Прелестные женщины...

Он — красныйкрасныйкрасныйкрасныйкрасный — накатывался на них, как волна, в которой вскипало желание...

Они — манящие, мягкие, соблазнительные — плыли в нем, как...

Он вдруг снова повис в воздухе, как и прежде, уставившись на костер. Встряхнул головой, разгоняя остатки грез. Мальчик спрятал лицо в ладонях.

— Не могу. Я устал. Дайте мне отдохнуть. Потом. Сейчас дайте мне отдохнуть.

— Свяжем его, — предложил жирный.

Прочие одобрительно заворчали.

Тоэм сообразил, что это мальчик вызывает видения. Он психоделик¹, настоящий, живой галлюциноген. Он распространяет собственное сознание и преображает саму ткань реальности, искажает вещи и показывает им то, чего нет, доставляет им наслаждение, Которого Никогда Не Бывало.

Мужчины загомонили и поднялись. Главарь вколотил в землю колышек для палатки. Еще один. И еще.

Тоэм порывлся в карманах, вытащил пистолет с газовыми зарядами, вылетел на поляну и заявил:

— Ну, хватит.

¹ П с и х о д е л и к — средство, вызывающее особые психологические состояния и процессы.

Жирный кочевник, несмотря на внушительный вес, быстро вскинулся, выхватил из-за оранжевого кушака на животе нож и метнул. Тоэм нырнул, как пловец, прошел поверх голов, перехватил второй нож и выстрелил в нападавшего. Пуля на несколько дюймов ушла в человеческую плоть, потом разорвалась и вывернула брюхо кочевника наружу.

Главарь выкрикивал приказания. Тоэм налетел на него, спустил курок и увидел, как его физиономия развалилась от переносицы до подбородка и мозги брызнули в разные стороны.

Остальные пустились в бегство, охваченные ужасом, побросав все имущество. Тоэм повернул к мальчику, но мальчик исчез. Оглядевшись вокруг, он обнаружил, что тот удирает с четверкой мужчин — по своей воле, никто его не заставляет!

— Постой! — крикнул Тоэм. — Я тебе помогу. Я не причиню тебе зла, мальчик!

Но мальчик улепетывал — чертовски быстро для слабенького, измученного ребенка. Тоэм оглянулся на два трупа. Его охватило недоумение. Почему мальчик не подошел к нему? Он остановил кочевников, затевавших убийство. Разве это не до-

статочный повод завязать дружбу? Значит, эти двое убиты напрасно? Может, он вообще все неправильно понял?

Он полетел назад к дороге, обуреваемый тревогой и сомнениями. Ему, пришельцу из примитивной деревушки, почти незнаком этот мир. Тригги прав — он не обладает информацией. Даже поступки людей кажутся ему странными.

Поравнявшись с шоссе, Тоэм взял направление на город и полетел параллельно дороге, пытаясь расставить события у костра в разумном порядке. Он не испытывал особенных угрызений совести из-за убийств, так как уничтожил ромагинов. Может, и не из правящего класса, но все равно столь же безжалостных и извращенных, как и их господа. А где-то в столице они держат его Тарлини.

Когда он добрался до оконечности полуострова, город исчез.

Глава 5

Но ведь это же невозможно! Города не исчезают так просто. Теперь Тоэм припомнил, что сияние огней угасло, когда он по-

кидал лагерь кочевников, только тогда до него это не дошло. Он взмыл в небо, подурачки надеясь, что город вынырнет из-за какой-нибудь горы и издаст радостный крик, застав его врасплох. Однако поблизости не оказалось таких высоких гор, чтобы за ними мог спрятаться целый город.

Тоэм плавно опустился вниз. Земля вокруг лежала девственная, нетронутая. Не обнаруживалось никаких признаков, что когда-либо здесь стоял город, — ни фундаментом, ни трубопроводов, ни помоек. Не было даже следов человеческих ног.

За горами быстро разливался рассвет, высовывал золотые и оранжевые пальцы, ощупывал небо, проверяя, удобно ли будет начать долгий дневной переход к противоположному краю горизонта. Плавали несколько облачков, да и те больше смахивали на высоко залетевшие клубы желтовато-белого тумана, на хлопья разбавленных и скисающих взбитых сливок. Синее небо было точно таким, как в его родном мире, того же извечного оттенка вылинявшей ткани, и его идеальную гладь нарушало лишь солнце, которое лениво позевывало, начиная новый день, и окрашивало голубизну янтарем.

Колючие травы стелились по земле, устилая ее мохнатым коричневым ковром. Ковер резко обрывался у дороги точно в том месте, где когда-то начинался город. А теперь тут была трава — нетронутая. Тоэм немного постоял, глядя по сторонам, и двинулся к нависавшим над морем утесам. Он всю жизнь прожил рядом с морем и считал его живым существом, а не просто бездушной и мертвой лужей. Если с морем заговорить, оно отвечает. Разумеется, не отчетливыми словами, не подумайте, не в грамматически правильных формах, но все равно отвечает. Его голос — вой ветра, вздымающего волну на поверхности вод. Его язык — тысячи белопенных барашков, лижущих небо, болтающих друг с другом, переговаривающихся по ночам со звездами. Речь моря — плеск, урчание, фыркание. Если вы знаете, что означают все эти звуки, если понимаете язык вод во всех его тонкостях, со всеми его коннотациями и денотациями¹, можете посмеяться. Или поплакать, в зависимости от расположения духа.

¹ К о н н о т а ц и я — в языкознании дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы или категории. Д е н о т а ц и я — предметное значение знака, то, что он означает в языке.

Тоэм уселся на утесе, свесив ноги с края скалы, которая обрывалась над береговой полосой. Пески внизу — желто-белые, как и море, — источали жар и легкий едкий запах. Он сморщил нос и вздохнул. Море нынче спокойное, и он будет таким же. Взглянул вдаль вдоль пляжа, отыскивая какие-нибудь скалы, которые могли бы послужить океану губами и где можно услышать его рокот, и увидел порт.

Он был огромен. Бревенчатые и каменные пирсы врезались в воду, как копья, вонзившиеся в сердце моря. Они пересекались и шли параллельно друг другу. Сооружения располагались на двух уровнях, в нижнем находились закусовые и гостиницы для моряков. Порт предназначался для обслуживания крупного города, хотя самого города, который надо обслуживать, больше не было. У причалов швартовался десяток судов, в основном грузовых. Рядом с ухоженными торговыми кораблями стояли три больших проржавевших рыболовецких траулера, облепленные стаями казарок. Там и сям мельтешили маленькие пятнышки — люди. Одно судно с кишевшей пятнышками палубой стало отчаливать от пристани, в пену взбивая винтами воду стального цве-

та. Он смотрел на все это с большой высоты, подтянув к подбородку колени, и находил в судне сходство с исполинским механическим китом. А потом его внезапно пронзила мысль, что они могут отчалить все, и он начал искать дорогу вниз. В тысяче ярдов впереди утес спускался к берегу покатым склоном, вполне доступным для пешехода. Тоэм поднялся на ноги и побежал.

— Эй! — кричал он пятнышкам. — Эй! Сперва они его не слышали.

— Эй! Эй, вы там!

Пятнышки мало-помалу обретали более человеческий вид.

— Хо! — крикнул кто-то в ответ и помахал рукой, демонстрируя, что видит его.

Тяжело пыхтя, Тоэм удвоил скорость. Воспользоваться поясом он не мог, не возбуждав подозрений. Начать с того, что, если исчезновение города изумило и озадачило их не меньше его, они и так должны ко всему относиться с настороженностью. Вздыхая за собой столбы песчаной пудры, он пронесся по склону вниз и бросился к главному пирсу, увязая в мелком песке.

В легких совсем не оставалось воздуха, когда он добрался до дока с гигантс-

ким грузовым кораблем, откуда махал человек. Постоял, прислонившись к швартовам и глядя снизу вверх на палубу. Грудь его вздымалась и опадала, как у загнанного животного. Несколько матросов подошли к поручням посмотреть на него.

— Ты кто? — спросил мужчина в капитанской фуражке.

— Тоэм, — сказал он.

— Ты тут живешь, Тоэм? — У мужчины была кустистая седая борода, обветренные щеки и похожий на бакен нос.

— Угу, — подтвердил он, подделываясь под стиль речи, принятый, насколько ему было известно, на Базе-II.

— А где ты был, когда город пропал?

— Шел домой. Угу, домой шел. Пришел, смотрю — ничего нету. — Тоэм надеялся, что они не станут спрашивать, откуда он шел.

Капитан приказал спустить трап и послал ему улыбку. Лестница тотчас грохнула о палубу, отчего по всей пристани разнеслось гулкое эхо.

— Тогда давай поднимайся.

До сих пор не отдышавшись, он взобрался по стальным планкам и ступил на

палубу. Там стоял капитан, прикрытый сзади командой, словно в целях защиты. Ног у капитана не было. Горизонтальный металлический штырь подпирал сразу оба обрубка довольно высоко над коленями и переходил внизу в подвижный шар, способный крутиться и доставлять его, куда душа пожелает. Капитан покатился к Тоэму, вполне сознавая производимое впечатление и весьма удовлетворенный эффектом.

— Ты, похоже, из высшего класса.

Тоэм быстро нашелся:

— Отец мой торгует наложницами.

— Вон оно как, — сказал капитан, сверкнув глазами.

— Что стряслось с городом? — спросил Тоэм, обеспокоенно озираясь. Он решил разузнать как можно больше, прежде чем кто-нибудь задаст каверзный вопрос и разоблачит его маскарад. Нелегко вести себя уверенно в чужом мире, когда ты знаком с его обычаями, но не владеешь основополагающими концепциями, на которых они основаны. Тригги Гоп — настоящий пророк. Обязательно надо найти более основательный базис для понимания.

— А ты еще не понял? — поинтересовался капитан.

Стоявший за ним мужчина хмыкнул.

— Я... я отлучился... — забормотал Тоэм.

— Чертовски далеко и чертовски надолго отлучился, раз никак не дотумкаешь. Это мутанты, парень! Мутанты! Снова фокусничают с Порогом.

— Так я и знал, — заявил он, по-прежнему пребывая в полном неведении.

— Угу. Угу, мутанты, от них все несчастья. Да только нам повезло! Никак они его не пробьют. Не могут надолго раздвинуть молекулы. Никак не справятся... а вот перебрасывать научились.

— Перебрасывать?

— Угу. Мы получили сообщение по столичной сети от оборонной системы. Сперва думаем — все, конец! Только что был город, а через минуту — пухф! А потом наши парни-связисты его засекли. Мутанты зашвырнули его на восемьсот миль дальше по побережью.

Тоэм неодобрительно покачал головой, полагая, что от него ждут именно этого.

— По правде сказать, даже лучше вышло, — признал капитан, подкатываясь по-

ближе. — Там климат помягче. Хейзабоб меня звать. Капитан Хейзабоб. — Он протянул обветренную руку.

Тоэм ее пожал.

— Матрос вам не требуется? — поинтересовался он. — Я бы отработал дорогу до города.

Хейзабоб оглянулся на свою команду, напомнив Тоэму старую, окривевшую птицу.

— Слушай, чего мы сделаем, Тоэм, мой мальчик, — объявил он и по-отечески опустил ладонь на плечо Тоэма, распространив запах тухлой рыбы и пота. — Матрос мне не требуется. Ты бы тут только под ногами мешался, вот так-то. Однако я тебя все равно возьму.

— Спасибо большое, — поблагодарил Тоэм, расплываясь в улыбке, и ветер отбросил с его лба освещенные солнцем волосы.

— Возьму, даже думать нечего. А раз уж ты про город заговорил... — Он оглянулся и на сей раз не таясь подмигнул команде. Кое-кто с ухмылкой заморгал в ответ. — Раз уж ты про город заговорил, я, пожалуй, скажу — мы не прочь, чтобы ты уломал своего отца нас отблагодарить, если соображаешь, о чем я толкую.

Тоэм демонстрировал полное непонимание.

— Отдал бы нам одну девчонку в личное пользование, сосунок! — взревел Хейзабоб.

Тоэм сглотнул:

— Ну конечно! У отца всегда большой выбор женщин. Сами и подберете.

— Хе-хе, — прохрипел Хейзабоб. — Прекрасно. Просто прекрасно. Судно в твоём распоряжении, можешь обследовать. Держись только подальше от грузовых трюмов, у нас там деликатные специи. На них даже дышать нельзя, как бы не попортить, на случай, ежели у тебя насморк или еще чего-нибудь.

— Конечно. Ну да, разумеется.

Хейзабоб щелкнул корявыми пальцами:

— Джейк, покажи мистеру Тоэму его каюту. Да поживей!

Джейк — гигант семи футов ростом и весом в триста фунтов — подался вперед.

— Есть, кэп. Сюда, мистер Тоэм.

Тоэм последовал за ним, прислушиваясь к легкому рокоту, с которым капитан покатился присматривать за отправлением корабля. По прибытии в столицу придется поскорей уносить ноги. Этот народ не

окажет обманщику ни малейшего снисхождения, особенно если тот пообещал им наложницу, а потом смылся.

— Вот гостевая каюта, — объявил Джейк, пихнув дверь.

Тоэм заглянул внутрь и особенной роскоши не обнаружил. Помещение имело чисто утилитарное назначение. Душ и унитаз торчали на самом виду. Койка крепилась болтами к стене, пружины прикрывал тощий поролоновый матрас и жалкое шерстяное одеяло. «Пружины, — подумал Тоэм, — скорее всего, торчат и расхлябаны. Но пусть, ведь это приближает меня к Тарлини».

— Еда в семь вечера и в пять тридцать утра. Днем закусываем самостоятельно, чем бог пошлет.

— Звучит обнадеживающе.

— Все не так плохо.

Джейк застрял в дверях, шаркая огромными, размером с ведра, ножищами.

— Спасибо тебе, Джейк, — намекнул Тоэм, устало валясь на койку.

Джейк по-прежнему не двигался с места, возил левой ступней взад-вперед по толстому слою пыли, устилавшему доски пола.

— У тебя что-нибудь на уме? — не выдержал наконец Тоэм.

— Раз уж вы спрашиваете, — признался Джейк, изображая на физиономии ухмылку шириною с обеденное блюдо, — хочу кое-чего попросить.

— Ну?

— Понимаете, я-то знаю, какого сорта девочку им, всем прочим, желательно выбрать. Маленькую, деликатненькую... жутко хорошенькую, конечно, не думайте, и только уж дьявольски маленькую да чертовски деликатненькую. Вот я и прикидываю, может...

— Давай, Джейк!

— Что ж, скопил я тут сотню кредиток и думаю, не найдется ли у вашего батюшки покрупней... м-м-м... ну, побольше... с такими... э-э-э... как у этой, как ее... на манер...

— Амазонки?

Джейк ослабился и зарумянился:

— Знаю, сотни мало...

— Я уверен, мой отец подыщет тебе что-нибудь, Джейк. Что-нибудь, от чего ты ошалеешь. И за твою цену.

— Ой, Тоэм, — обрадовался бык, еще ярче зардевшись, — правда?

— Правда.

— Джейк! — позвал с палубы Хейзабоб.

— Надо идти, — сказал тот. — Спасибо, Тоэм.

— На здоровье, Джейк.

Тень, заполнявшая каюту, исчезла.

Тоэм растянулся на койке, найдя, что она удобнее, чем кажется. Постаравшись расслабить каждый мускул и нерв, он улучил момент для обдумывания событий прошедшего дня. Что пытаются сделать мутанты? И что они в точности собой представляют? Что такое Порог? Что такое квазиреальность? И что мутанты собирались на самом деле вытворить со столичным городом Базой-II и почему не преуспели? Нервы напрягались сильнее прежнего по мере того, как рассудок закипал от недоумения. Любопытство всегда заставляло его искать ответы на встречавшиеся в родной деревне вопросы. Но этот мир оказался намного сложнее всего, с чем ему приходилось сталкиваться в крошечном поселении смуглого племени. Тем не менее все, что его здесь озадачивало, было чем-то само собой разумеющимся для людей, населяющих эту

безумную Вселенную. А для него, явившегося босиком из страны соломенных хижин, оборачивалось загадками. Библиотечные материалы тоже опирались на основные понятия, не требующие доказательств, и поэтому только сильнее смущали, а вовсе не просвещали его.

Он закрыл глаза, чтобы перед ними не маячили засаленные голубенькие стены и потолок в серых пятнах. Чтобы лучше думалось. Однако думы его были прерваны тихим стоном. Раздался шлепок, словно что-то влажное шлепнуло по доскам. Стон стал громче. Просачивался он вроде бы из-за ближайшей стенки. Тоэм встал, подошел к перегородке. Шум определенно усилился. Шлеп-хрясь!

Стон...

Шлеп...

Шлеп-хрясь-стук!

Теперь звуки ослабли. Он нагнулся и обнаружил, что ближе к полу шум слышно явственнее. Опустился на четвереньки, наострил уши, как зверь. Шлепанье прекратилось, а стон продолжался. Звучал он почти по-человечески.

— Потеряли чего-нибудь, мистер Тоэм? — произнес позади голос.

Глава 6

Он оглянулся через плечо, а сердце подскочило прямо к горлу.

— Потеряли чего-нибудь? — допытывался Джейк.

— Э-э-э... угу, жемчужина отлетела с накидки.

— Давайте пособию.

— Нет-нет. Не стоит. Все равно поддельная.

— Я воротился только сказать, что хотелось бы с голубыми глазами, мистер Тоэм.

— Чего?

— Амазонку. От вашего батюшки.

Тоэм встал, отряхнул трико:

— Будет тебе с голубыми глазами.

— Ой, спасибо, мистер Тоэм. Я пошел. Еще увидимся.

— Угу. Попозже.

Гигант снова убрался.

Тоэм запер дверь, прежде чем снова прислушаться к шуму. Но ничего не услышал. Вернулся через несколько минут к койке и лег. Вот, теперь новый вопрос: что там, в грузовых трюмах? Его каюта соседствует с ними. Он твердо знает, что

специи, пусть даже самые деликатные, не стонут. Почему Хейзабоб соврал? Что там на самом деле?

Веки отяжелели, и Тоэм какое-то время не мог сообразить, в чем дело. Пришел сон. Он не спал с той поры, как был засунут в «Джамбо», и почти позабыл об этом. Подтянул выше пояса драное одеяло и охотно отдался на милость тьмы, с которой у него связывались приятные воспоминания.

Проснувшись, он почувствовал страшную сухость во рту. Казалось, будто в пищевод и желудок протискивается живое мохнатое существо. Он сморщился, смахнул с глаз пелену, заморгал, вглядываясь в стенные часы. До ужина оставался час. Он проспал всю дневную жару, а покачивание корабля доказывало, что минули также отплытие и несколько часов плавания. Тоэм рывком сел, зевнул, бросил последний взгляд на переборку, отделявшую его каюту от грузового отсека, встал и вышел.

Вдыхая соленый воздух, словно целебное снадобье, прошагал по палубе мимо грузового отсека. На дверях красовался огромный замок. Тоэм небрежно свернул, направился в сторону, бесцельно обследуя

судно, пока не ударил гонг, после чего все начали подниматься к ужину.

Кают-компания оказалась единственным жилым помещением, попавшимся ему на глаза на судне, если считать жилым помещением заурядную, покрашенную краской каюту. Каких-либо особых расот не наблюдалось. Над головой нависали голые стальные бимсы, по углам торчали канализационные трубы, то и дело урчавшие, когда в унитазах спускали воду. Впрочем, все было чисто и покрашено в светлый персиковый цвет. Живыми казались не только цвета стен и потолка, команда вроде бы тоже повеселела. Тоэм на всем корабле подмечал отпечаток меланхолии, мрачности и уродливости. Здесь, в кают-компании, это не так подавляло.

Широченный длинный стол был сделан из какого-то неизвестного, никогда им не виданного дерева, блестевшего, как отполированный, черный и глянцевитый камень. Сработанный по средневековому дизайну стол опирался не на обычные ножки, а на массивные деревянные блоки. Стулья представляли собой самую буйную мешанину стилей и материалов. Тоэму от-

вели место слева от Хейзабоба, восседавшего во главе стола.

— Мы считаем, что есть надо как следует, — причмокивая, сообщил капитан.

Коки приволокли подносы, и Тоэм понял, что имел в виду Хейзабоб. Угрюмые и здоровенные, не уступающие в силе матросам мужчины мелькали туда-сюда в клубах пара, точно шатуны в машине, тащили подносы, возвращались с новыми, представляли блюда, суетились, как в аду. Когда они удалились, перед каждым стояла тарелка с кусочками мяса неизвестного происхождения, по два десятка на душу. Вместительные миски с горошком и некими желтыми овощами, тоже смахивающими на горошек, дымились вовсю, отчего над головами тридцати матросов, рассевшихся вдоль стола по всей длине, плыли причудливые облачка. Исполинские корзины с калачами и кусочками масла попадались на каждом свободном от тарелок участке эбонитовой столешницы, так что никому не приходилось просить передать кусок хлеба.

Тоэму были предложены два вида фасоли, он взял того и другого, причем оба оказались изысканными. В своей дерев-

не он привык к простой пище, к немногочисленным, всегда одинаковым блюдам. Неисчислимое разнообразие угнетало его. Сосуд с вином ни секунды не пустовал — за этим приглядывал один из коков. А вино было лучше всего. Черное, точно воды Стикса, терпко-сладкое, не сравнимое по вкусу ни с одним известным Тоэму фруктом.

Покуда они поглощали десерт — торт и взбитые в пену сливки, — Хейзабоб наклонился и хлопнул его по плечу:

— Не позабудешь рассказать отцу, как мы тебя накормили?

— Ни крошечки не забуду, — отвечал Тоэм с набитым ртом.

— Молодец, — заключил Хейзабоб, отправляя в рот ложку сливок. — Ты мне нравишься, мальчик.

Расходились после ужина, не дожидаясь официальной команды. Мужчины отваливали кому когда вздумается, плелись с набитыми животами, пошатываясь, поспать и приготовиться к следующему дню, гадая, что коки изобретут к очередному ужину.

— Я, наверно, пойду, — доложил Тоэм Хейзабобу.

— Что так?

— Спать хочу после еды.

— А, — сказал капитан, принимаясь за вторую порцию торта. — Да, ты, должно быть, привык к смехотворным угощениям для сосунков, когда подают пару крохотных сэндвичей да штучку печенья.

— И чай из каки, — с улыбкой добавил Тоэм. Об этом он вычитал в Летучей библиотеке.

— Ага, — засмеялся Хейзабоб, шлепнув ладонью по столу, — точно, чай из каки!

Чай из каки служил богачам любовным стимулятором.

— Извините меня, — сказал Тоэм, вставая.

— Угум-м-м... — отвечал Хейзабоб, окунув физиономию в десерт.

Тоэм вышел, поднялся по трапу на палубу. Взошли луны, два безликих серебряных лица на черном небе. Вода плескалась о борта судна, кроме этого, не раздавалось ни звука. Тоэм еле добрался до своей каюты, закрыл за собой дверь. Он бы запер ее, но никто не счел нужным снабдить его каким-либо пригодным для этого приспособлением. Он повернулся и осмотрел стену. Через нее вполне можно пройти.

Отошел в угол, наставил тупой ствол газового пистолета. Не хотелось пробить стену и прострелить что-нибудь с той стороны. Надо только проделать отверстие. Это значит — стрелять под углом. Газовый пистолет представлял собой великолепное маленькое оружие, удобно и хватает примерно на сотню выстрелов, прежде чем потребуется перезарядка. Из дула вылетает порция сжатого газа, попадает в цель, разогревается от сопротивления и взрывается. Произведенный таким образом взрыв способен свалить любого человека или животное. Или, на что надеялся Тоэм, металлическую переборку. Стену хотелось поразить так, чтобы заряд прошел через нее наискосок и взорвался до того, как влетит в кладовую.

Он спустил курок.

Стена моментально дрогнула, подалась назад, треснула. Он выстрелил еще раз с той же самой позиции. Потом еще. А когда опустил пистолет, отверстие получилось достаточным, чтобы пролезть. И он пролез.

В помещении было темно. Очень. Там стоял затхлый запах, отчасти из-за обычной в любом запертом помещении духоты,

отчасти из-за наличия объедков и органических отходов. Он пошарил вокруг, ища выключатель, наткнулся на него рядом с тем, что на ощупь казалось дверью, и отсек залился светом. Дверь должна быть водонепроницаемой, в ней наверняка нет щелей, сквозь которые свет проник бы на палубу.

Моргая глазами, которые разболелись от яркого света, он оглядел трюм. Множество ящиков без каких-либо надписей стояли у стен один на другом и были кругами расставлены на полу. Между ячейками оставались проходы. Ничего, что могло бы стонать, не обнаруживалось.

Послышался шорох.

Он поискал глазами крыс.

— Ну, — скрипнул голос. Впечатление возникало такое, будто грабли скребут по фанере. — Ну, чего надо?

Переборка при взломе издала лишь глухой всхлип, так что спрашивавший не знал, что он явился не через дверь. Но кто это спрашивает? Никого не видно. Допрос продолжился, послужив неплохой наводкой. Тоэм двинулся на голос вдоль ящиков и обнаружил среди них клетку. И шарахнулся назад. Из клетки на него

смотрело лицо. Одно лицо, ничего больше. Человеческая голова покоилась на груди безобразных серых тряпок, заканчиваясь там, где обычно бывает шея. Под тряпьем копошились несколько щупалец.

— Ну? — сказала голова.

Одно из щупалец стукнуло по дну клетки.

Шлеп-хрясь!

Теперь понятно, откуда взялся тот загадочный звук.

— Какого черта тебе надо? — завопила голова.

— Тс-с-с, — прошипел он, заставив себя подойти к клетке поближе, наклониться и, наконец, опуститься на пол. — Они не знают, что я здесь.

Серые глаза головы без тела испытующе оглядели его.

— Ты кто такой?

— Обожди. Если скажу, ответишь на кое-какие вопросы?

Щупальцы раздраженно замельтешили.

— Ладно, ладно. Боже мой, только не надо торговаться.

— Тогда меня зовут Тоэм.

— Что ты делаешь на корабле?

— Ничего. Я пассажир. Пытаюсь попасть в столицу и отыскать свою женщину.

— Женщину?

— Да. Ромагины похитили ее, как и меня. По-моему, скоро выставят на продажу. Я должен ее найти.

Чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, он быстренько изложил историю своего превращения в «Джамбо» и последующего обратного превращения в человека.

— Почему эта команда взялась тебе помогать?

— Они думают, будто мой отец — богатый торговец наложницами.

— Ха, — сказала голова, сморщившись от удовольствия. — Хорошо. Так им и надо.

— Ну, — начал Тоэм, придвигаясь поближе, однако не слишком близко, — а ты кто?

— Они называют меня Ханк¹.

— А... — неуверенно протянул он, — а что ты такое?

Минуту стояло молчание.

— Ты хочешь сказать, будто никогда раньше не видел мутанта?

¹ Х а н к — горбушка (англ.).

— Никогда в жизни, — ответил Тоэм, испытывая облегчение оттого, что сейчас все узнает.

— О боги, ну и непрошибаемая же дубина! Мало кто реагирует с таким спокойствием, впервые глядя на мутанта.

— Так ты — мутант?

— Ага. Результат ядерных войн, которые вели ромагины и сетессины, пока атомное оружие не устарело и в ход не пошли лазерные пушки. Радиация изменила меня еще в зародыше. У меня есть сердце, расположенное вот тут, в затылке, мозг и пищеварительная система, компактная и несложная, как у птички.

Тоэм сглотнул, но слюны не было. Рот пересох окончательно.

— И вы все...

— Нет-нет. Мы все разные. У меня очень серьезный случай. Уникальный.

Тоэм вздохнул. Кое-что начало проясняться. Впрочем, все равно большинство концептуальных понятий оставалось запутанным и неполным.

— Что стряслось с городом?

— Ха, — сказала голова. Пришлепнула щупальцами по полу и снова захохотала. В конце концов по ее щекам пока-

тились слезы, и она вымолвила: — Здорово, правда? Может, и не добились полного перехода, но уже близко придвинулись. Чертовски близко. Пускай понервничают.

— Что вы с ним сделали?

— Перекинули на восемьсот миль вдоль побережья!

— А что пытались сделать? — безнадежно допытывался Тоэм.

— Убрать его, парень, переместить. О, доложу я тебе, у нас весь Порог затрясся. За один такой момент можно туда всю эту чертову Вселенную пропихнуть. Да только мы не успели. Кроме того, я открыл, что невозможно одновременно держать Порог и проталкивать через него материю.

— Я не понимаю.

— То есть?

— Не забывай, я пришел из примитивного мира. Я даже не знаю, что такое Порог.

— Это квазиреальность...

— Между реальностями, — закончил Тоэм.

— Ну видишь, стало быть, знаешь.

— Знаю, как это сказать, но не знаю, что это значит.

— Дьявол! — Ханк сокрушенно всплеснул щупальцами. — Будь я проклят! Я думал, это все знают.

— Я — нет. Все, кроме меня.

Ханк застонал и немного покатался по клетке.

— Видишь ли, ромагины и сетессины воевали восемьсот лет. Обитаемая часть Галактики не имела возможности жить в мире, ибо даже миролюбивые, нейтральные планеты рано или поздно были вынуждены вступить в противоборство. Мы, мутанты, пытаемся избавить Вселенную от ромагинов и сетессинов. Без них Галактика сразу вздохнет с облегчением. Может быть, даже мы, мутанты, получим гражданство и пенсию. Может быть, даже станем ходить по улицам и не опасаться моментально получить пулю, попавшись кому-нибудь на глаза.

— Вы неплохие ребята.

— Угу. Можно и так сказать. — Ханк метнулся вперед, обхватил щупальцами прутья клетки. — Слушай. Одноногий старик, который командует судном...

— Капитан Хейзабоб.

— Он самый. Так вот, он застукал нашу компанию на берегу, где мы прятались.

Других всех убил, а меня захватил. Я в своем роде важная персона, хоть и мутант. Поймали нас прямо после того, как мы перекинули город и все еще переживали легкое головокружение от успеха. Хотят четвертовать меня на площади, закатить гала-представление. Можешь вызволить меня отсюда?

— Не знаю. Не вижу каким образом. Я не могу рисковать всем. Мне надо только добраться до города.

Ханк покатился по периметру клетки, спотыкаясь о змеевидные щупальца, которые неуклюже тащились за ним.

— Я знаю, где город. Могу проводить. Скажи-ка еще раз, как зовут твою девушку?

— Тарлини.

— Предположим, когда попадем в Кэп-Файф, я помогу тебе найти Тарлини.

Тоэм уставился в серые глаза Ханка. Они вроде бы глядели открыто и честно.

— Как ты можешь помочь? Я хочу сказать...

— Там, в подполье, почти одни мутанты. Мы перебросили город в попытке его

вытолкнуть, но к тому времени, как туда доберемся, Старик привлечет к делу всех оставшихся из нашей ячейки, кто не пошел с группой переброски.

— Старик?

— Угу. У нас есть шеф.

— И все подполье придет мне на помощь?

— Гарантирую. Слушай, я открыл кое-что важное во время той нашей попытки. Нам не следует одновременно держать Порог и проталкивать через него город. Как ни странно, легче переместить крупную массу, чем клочки и кусочки. Мы должны сдвинуть всю Вселенную, за исключением ромагинов и сетессинов. Сделать прямо противоположное тому, что делали до сих пор. Это был миг озарения. Может, и остальные тоже поняли, но остальные мертвы. Я единственный, кто обладает необходимой информацией, и я обязан вернуться назад.

— Ни слова не понимаю, о чем ты толкуешь.

— Передвинуть девяносто девять и девять десятых процента Вселенной будет гораздо проще, ибо в ходе процесса инер-

сионная масса удержит Порог без нашей помощи. Мы толкнем, и она сама пойдет без сучка без задоринки, как в аду. Ну, не важно. Поможешь?

— Обещаешь найти мне Тарлини?

— Обещаю тебе неплохой шанс найти ее, и ничего больше.

Тоэм задумался:

— Понятно.

Он открыл клетку, сбив с помощью лома, обнаруженного на щите с инструментами, огромный замок. Ханк велел себя нести — сам он мог передвигаться только ползком. Тоэм посадил мутанта на плечо, подождал, пока тоненькие щупальца пролезут под мышку и обовьют грудь. Теперь у него были две головы.

— У меня реактивный пояс, — сообщил бывший «Джамбо». — Полетим к городу вдоль береговой линии, пока не наткнемся на него.

— Теперь ты командуешь, — сказал Ханк.

Они пошли назад к пробитой стене, вылезли в гостевую каюту.

— Куда собрались, мистер Тоэм? — любопытствовал Хейзабоб, стоявший в дверях.

Глава 7

— Я смотрю, — обратился Хейзабоб к торчавшему позади него Джейку, — среди нас извращенец.

Джейк насупился:

— Одни извращенцы водят дружбу с мутантами, мистер Тоэм.

— Ладно, пускай я извращенец, — согласился тот. — И что из этого?

Хейзабоб неодобрительно поморщился:

— А то, что извращенцев четвертуют рядышком с их дружками-мутантами.

— Тогда вы не получите от моего отца наложницу. Ничего не получите.

— А по-моему, ты не купеческий сын. И разговаривать сразу стал по-другому. Ты даже на ромагина-то не больно похож, мальчик.

— Вы рехнулись, — заявил он, опомнившись и осознав свою промашку. — Мой отец — работорговец. А мы, богачи, — извращенцы, и давайте покончим с этим. Такова наша классовая привилегия.

— А как зовут твоего отца? — вкрадчиво спросил Хейзабоб.

Тоэм выдал единственное буквосочетание, пришедшее ему в голову:

— Бранхози.

Хейзабоб оглянулся на Джейка, беспрестанно сжимавшего и разжимавшего кулаки.

— Припоминаешь работорговца с таким именем?

— Нет! — взревел Джейк, раздувая ноздри на багровеющей физиономии.

— Джейк не припоминает, — пояснил Хейзабоб, снова поворачиваясь к мутанту и извращенцу.

Перед мысленным взором Тоэма внезапно возникла картина — Тарлини продают с торгов в результате того, что он не поспел в город вовремя или вообще до него не добрался. Этого было вполне достаточно, чтобы подтолкнуть его к действиям. Они считают его безоружным, поскольку обычного оружия в подобном костюме не спрячешь. Однако газовый пистолет мал и неприметен. Он выхватил пистолет из кармана и выстрелил капитану в живот. Брызнула кровь, кости показались из-под разорванной плоти, капитан упал и пополз с застывшим на лице выражением изумления, волоча за собой ногу с колесиком.

Джейк заметался, как зверь. Тоэм резко развернулся и выстрелил. Матрос вжался в стену. Свистящие вокруг него заряды

заставляли его вертеться, как куклу на нитке, он стремительно отпрыгивал в сторону и совсем перестал походить на тупого болвана, каким выглядел прежде. Тоэм стрелял и стрелял, а гигант вновь и вновь уклонялся от пуль, понемногу удаляясь от него по коридору.

Тоэм бросился следом, нащупывая одной рукой реактивный пояс и сжимая в другой пистолет. Темноволосый мужчина с физиономией, смахивавшей на дно помойного ведра, пальнул в него из ручного лазера и промахнулся. Шанса на второй выстрел ему не представилось. Заряд попал стрелку в плечо, разорвав его в клочья, рука, крутясь, отлетела в сторону.

Тоэм взобрался на поручни вместе с Ханком, который выкрикивал в адрес матросов проклятия, гневно размахивая единственным свободным щупальцем. Лазерные лучи заскользили вокруг, вспышки света блистали во тьме, чтобы со временем достичь звезд. Тоэм прыгнул с палубы, запустил пояс, ощутил толчок, взмыл ввысь. Крики смолкли. Сразу же загорелся прожектор, стал обшаривать море, но они с Ханком к тому времени были уже далеко. Вскоре команда отказалась от дальнейших поисков.

— Очень хорошо, Тоэм, — похвалил с плеча Ханк.

— Как думаешь, далеко до города?

— Прилично. Я, впрочем, сижу крепко. Давай пошевеливайся.

Они летели вдоль побережья без остановок, пока не минула добрая часть следующего дня, и здорово замерзли в морском тумане, нагоняемом крепким ветром.

— Тут где-то должна быть деревня, — сообщил Ханк. — Узнаю эти скалы. Нам надо перекусить.

Тоэм взглянул туда, куда указывало щупальце Ханка. Стройные каменные колонны, сотворенные природой, высились на скалах, напоминая деревья с красными листьями, оставшиеся на его родине. Утесы были грязно-коричневыми, но колонны, построенные из другого материала, сияли белизной, величественные, иссеченные ветром и непогодой.

— Далеко?

— Не знаю, — прокричал Ханк, пытаясь перекрыть свист ветра. — По-моему, миль пять в сторону.

Тоэм свернул к берегу, перемахнул через верхушки утесов. Они немного поле-

тали вокруг колонн, восхищаясь тонкой резьбой на их поверхности, нанесенной штормами, затейливым узором, придуманным богом ветров. Затем спустились пониже и поплыли среди низких хвойных деревьев в поисках признаков дереушки. Вскоре они обнаружили дорогу, а потом увидели судно на воздушной подушке, груженное овощами и фруктами. Там были огромные яблоки, только не красные, а оранжевые, и еще плетеные корзины с вишнями.

— Подцепи, — посоветовал Ханк.

— Украсть?

— Они не дадут даром и не продадут. Особенно мутанту. Мутантов убивают на месте — чем скорее, тем лучше.

— Ну ладно.

Нарастающее в желудке чувство голода толкало Тоэма на преступление, но он больше не испытывал чрезмерных угрызений совести по этому поводу. Сытость после вчерашнего ужина на корабле к этому часу испарилась. В кишках кипел гейзер, издавая зверское бурчание.

Свалившись в кузов, они выросли прямо над головами ничего не подозревающих пассажиров и водителя.

— Остановите машину! — заорал Тоэм.

Те задрали вверх головы — бородатый, лохматый мужчина и похожая на ворону женщина, полногрудая, слишком толстая в талии, с полными ненависти глазами. И мальчик. Тот самый мальчик, которого он пытался спасти от кочевников, сейчас взирал на него снизу вверх белыми-белыми глазами. Тоэм посмотрел на женщину, заглянул в ее пугающе пустые глаза и решил, что мальчик находится сейчас в положении несколько не лучшем прежнего.

— Остановите машину! — снова прокричал Тоэм.

Водитель пожал плечами. Тоэм сделал предупредительный выстрел, распоров переднее крыло. Бородач дотянулся до тормозной ручки и мягко посадил машину на землю.

— Чего вам надо?

— Просто немного поесть, — сказал Тоэм. — Дайте дыню, вишен, всего понемногу.

Водитель вылез и принялся отбирать фрукты. Опустив пистолет, Тоэм подплыл к мальчику.

— Почему ты убежал тогда? — спросил он.

— Оставьте его в покое! — отрезала женщина.

— Почему ты убежал? — настаивал Тоэм. Белые-белые глаза обратились на него.

— Оставь его, — встревоженно сказал Ханк.

Мальчик улыбнулся.

— Я спас ему жизнь, — объяснил Тоэм. — Я спас ему жизнь, а он убежал вместе с теми мужчинами, которые собирались его убить.

— Отойди от него! — внезапно завопил Ханк своему другу и единственному средству передвижения.

Тоэм чуть не свернул шею, пытаясь глянуть на вцепившегося в его плечо мутанта:

— В чем дело?

И вдруг на него хлынул цвет...

Волны цвета, гонимые девушками-невестами...

Он вскинул пистолет, пока еще оставалось время и мало-мальское ощущение реальности. И выстрелил. Заряд пролетел над головой мальчика, но этого оказалось достаточно, чтобы напугать его и оборвать направленные грезы. Водитель взобрался обратно на свое место.

— Еда вон там. Отпустите нас.

Женщина злобно взглянула на Тоэма, а мальчик зарылся лицом в ее пышную грудь, вложив в это, по мнению Тоэма, нечто большее, чем жест страха обыкновенного мальчика в подобной ситуации.

— Пошел, — велел Ханк водителю.

Мужчина отпустил тормоза, поднял машину и полетел прочь.

Ханк вздохнул:

— Это не тот мальчик, которого ты видел раньше. Можешь быть совершенно уверен.

— Но это он! Кто же иначе?

Ханк протянул щупальце к фруктам:

— Давай лучше поедим, пока они не добрались до города и не навели на нас полицию.

Глава 8

Было два часа ночи, когда они достигли столицы. Тоэм подумал, что, как бы ни поступили мутанты с городом, их действия не представляли собой чего-то из ряда вон выходящего, ибо столица выглядела вполне нормально и спокойно. Все спали. Ну или почти все.

Они со свистом вторглись в город со стороны моря, воспарили повыше, спикировали вниз к зданиям, незамеченные в глухой ночи.

Здания в городе были разнообразнейших форм и размеров. Сферы всевозможных расцветок, сорокаэтажные прямоугольники, состоявшие почти целиком из окон, квадратные коробки вообще без каких-либо окон и даже пирамидальный храм. Огни очерчивали главные улицы линиями из зеленых шаров, похожих на плоды металлических фонарей-деревьев. В редких окнах домов горели лампы.

— Как мы свяжемся с твоим подпольем? — спросил Тоэм, взмыв над грандиозным прямоугольником космопорта и глядя сверху вниз на обсаженную цветами посадочную полосу.

— Полагаю, так, как я всегда связывался раньше. Старик должен был сохранить прежнюю штаб-квартиру. Мы действуем из катакомб под городом.

— Вот как, — сказал Тоэм. — Я думал, вы перетасили только город. Насколько же вам удастся копнуть вглубь?

— Это довольно сложно. Вряд ли ты поймешь.

— А ты попробуй.

— Ну, город неким странным образом представляет собой целостность. Он связан воедино: каждый дом сообщается с прочими, образуя единый конгломерат, и пещеры в нашем сознании являются его составной частью. Когда мы воображаем город, то думаем и о них тоже, просто на всякий случай, если опять случится провал — как и вышло, — и они нам потом снова понадобятся.

— Да ведь в земле, откуда вы с корнем выдрали город, никаких дыр не было, — недоумевал Тоэм.

С бульвара внизу вспорхнул корабль на воздушной подушке.

— Да ведь он выдран совсем не в том смысле, в каком ты думаешь. Если речь идет о законах пространства и времени, его попросту никогда в прежней точке и не было. Как только мы обнаруживаем, что не способны выпихнуть его за Порог, то позволяем пространственно-временным потокам подхватить город, переносимся вместе с ними и пересаживаем столицу в другое место, способное, согласно законам природы, ее вместить. В сущности, она там и должна была быть всегда, с самого начала.

— Ладно, действительно мне не понять. Ты прав.

Голова Ханка закрутилась на не принадлежавшем ему плече.

— На восток. Потихоньку. Увижу дом, скажу. Чем дольше мы не объявимся, тем хуже для дела мутантов, равно как и для сохранности нашей собственной жизни.

Тоэм развернулся, вытянув руку и загребая ею, словно крылом, выравнился, медленно поплыл над крышами зданий, поднимаясь и опускаясь в соответствии с созданной людьми топографией местности.

— Тут, — объявил наконец Ханк. — Вон тот желтый каменный дом без окон.

— Что это?

— Местный суд. Подойди к стене, а потом ложись в тень на землю.

Тоэм сделал, как было велено. Даже его могучим плечам начинало казаться, будто голова мутанта весит тонну. Он не меньше Ханка торопился попасть в пещеры и освободиться от ноши. Легко заскользил вниз, постоянно оглядывая тротуар, высматривая полуночников. В каждом городе есть свои полуночники. На Земле они колобродят до рассвета. На Хоне подстра-

ивают всякие каверзы и розыгрыши тем, кто имеет наглость спать в это время. На Фрае сосут кровь (самые что ни на есть настоящие полуночники!). А здесь, на Базе-II, на планете ромагинов, убивают мутантов и тех, кто помогает мутантам.

Они сели на аллею, скудно освещенную единственным шаром, от тусклого сияния которого все вокруг отбрасывало двойные тени. Если взглянуть на землю, тень Тоэма выглядела поистине странным созданием с двумя телами и четырьмя головами. Двуглавыми сиамскими близнецами.

— Вон та решетка в конце аллеи, — сказал Ханк, поднял щупальце и махнул в сторону фонаря.

Тоэм пошел, куда указали, и встал на решетку. Оттуда дул сухой теплый воздух.

— Что теперь?

Ханк, кажется, пересчитывал кирпичи. Водил трясущимся вытянутым щупальцем по гладкой поверхности камня, изучал его, как слепой, читающий по системе Брайля¹.

— По-моему, вот этот. — Уперся щупальцем, надавил, кирпич на дюйм ушел

¹ Б р а й л ь Луи (1809—1852) — французский педагог, разработавший рельефно-точечный шрифт для письма и чтения слепых.

внутри, а соседние остались на месте. Понесся легкий гул.

— Что... — начал было Тоэм.

Тут кирпич выскочил назад, решетка стремительно опустилась, и они провалились во тьму. Вниз.

Они падали в мрачный колодец, перебивавшийся всеми оттенками соболиного меха. Во тьму, состоявшую из ровно окрашенных слоев черноты, отлакированных сверху стигийским пигментом, и слоившуюся на черный янтарь, гудрон, вороново крыло, эбонит. Самое черное место, в каком когда-либо доводилось бывать Тоэму. Посему в его сознании и в его сердце проснулись древние страхи, кошмары с оскаленными клыками стали осторожно выползать из темных уголков мозга. Его племя не так давно вышло из пещер. Воспоминания о клыкастых и когтистых созданиях, о людоедах и похитителях детей еще были сильны в его сознании, в генетической памяти. Ему хотелось завизжать, замолотить кулаками, но он ощущал на плече невозмутимого Ханка и нашел силы вручить себя Божественному Провидению — будь что будет.

Ветер вдруг начал крепчать, оставаясь теплым, но набрав силу, достаточную для того, чтобы замедлить падение. Исполинские воздушные руки легко поставили их на землю, обняв, точно малых детей. Тоэм снова едва сдержался, чтобы не закричать.

Прямо перед ним затрепетала красная точка, похожая на язык чудовища, на жадно раскрытый рот дьявола. Ниже точки сдвинулась в сторону скользящая дверь, неожиданно из соседнего помещения вырвался резкий желтый свет.

— Заходи, — сказал Ханк.

Тоэм опасливо вошел, чувствуя, как участилось сердцебиение, прикрывая от света глаза.

— Стойте на месте, — прогрохотал голос из динамика, скрытого в стенке, которую он только-только начинал различать.

— Не вздумай пошевелиться, — предостерег Ханк.

Тоэм замер неподвижно, гадая, в какую ловушку его заманили. Они что, убьют его, если он сдвинется? Как тут замешан Ханк? Потом примитивные страхи вызвали паранойю, которая затопила рассудок. Ему вдруг представилось, что вся Галактика за-

далась целью заманить его в это место, что все в течение жизни влекло его прямо-хонько в руки этих людей.

— Назовите свои имена, — потребовал голос.

— Мое имя Тоэм, — выдавил он дрожащим голосом.

— Я Ханк, — объявил Ханк.

Теперь Тоэм видел тупые рыла нацеленных на них лазерных пистолетов, которые высовывались из бойниц по углам, где к потолку примыкали стены. Двадцать. Двадцать маленьких пастей, готовых изрыгнуть смерть.

— Пароль?

— В старом городе был «Брат по духу», — отозвался Ханк.

— Таким и остался! — гаркнули стены.

Свет ослаб. Открылась еще одна дверь, при этом вновь зазвучал тот же голос, только немного мягче:

— Добро пожаловать домой, Ханк.

— Заходи, — толкнул Ханк Тоэма в плечо.

Тот вошел в дверь, с любопытством посмотрел, как она за ним автоматически затворилась. Помещение оказалось ультрасовременным, уютным с виду.

Было там множество диванов, три заваленных газетами стола, огромная, на удивление подробная «живая» карта столицы с изображением всех улиц и зданий, а также нескольких серых пятен, должно быть подпольев мутантов. Было там рассеянное освещение, голубой потолок, окрашенные в цвет слоновой кости стены и гладкий бетонный пол. Последнее вывело Тоэма из приятного благодушия. Комната, при всей видимой роскоши, оставалась оплотом мятежников, местом, где делалось дело, которому предстояло перевернуть мир — собственно, даже несколько миров.

И еще там были люди. Или, точнее, мутанты. Вперед шагнул парень, с виду ровесник Тоэма. Худой, с изборожденными глубокими морщинами от усталости и забот лицом и без глаз. В глазницах вместо глазных яблок лежали два куска серой ткани, пульсирующие там и сям разнообразными оттенками желтого цвета.

— Добро пожаловать, Ханк. Мы думали, ты погиб.

— Почти. Тоэм спас мне жизнь.

Безглазый мужчина повернулся и «посмотрел» на Тоэма:

— Тоэм, я — Корги Сеньо. На моем родном языке эти два слова означают «глаза летучей мыши». Я... э-э-э... руковожу этой подпольной ячейкой. Благодарю тебя от всех нас. Ханк представляет большую ценность, не говоря уже о том, что он наш друг.

Тоэм вспыхнул:

— Он сказал, что вы мне поможете!

— Он явился из примитивного мира, — пояснил Ханк. — Его похитили ромагины, чтобы использовать в качестве начинки для «Джамбо». О наших делах ему ничего не известно. Он хочет получить помощь в поисках женщины, которую тоже украли и, может быть, привезли сюда на продажу. Я обещал, что мы поможем ее отыскать.

— Разумеется, — подтвердил Корги. — Безусловно.

— Ее звали Тарлини, — сказал Тоэм.

Он никак не мог поверить в то, что приобрел целую кучу друзей. После всего пережитого он думал, будто люди только и делают, что сосут из других людей кровь. Впрочем, это, конечно, не совсем люди. Это мутанты.

— Очень красивое имя! — улыбнулся Корги.

— И девушка тоже красивая, — ревниво добавил Тоэм.

— Не сомневаюсь. А теперь ты, наверное, хочешь узнать, как нас всех зовут?

Тоэм вежливо кивнул, хотя все мысли его были заняты Тарлини и ее поисками.

Корги повернулся и указал рукой на мужчину, сидевшего за массивным столом. Мутант, держа ручку в... лапе, усердно работал над таблицами на разграфленном листе бумаги. Под челюстями у него зияла красная, словно ободранная до мяса, жаберная щель, кольцом опоясавшая горло. Кожа на лбу под волосами и на тыльной стороне ладоней то превращалась на глазах в чешую, серую и блестящую, то вновь тускнела и становилась обычной человеческой кожей. Пальцы — тонкие, длинные — заканчивались острыми ногтями.

— Это Рыба, — сказал Корги. — Настоящее имя страшно длинное и звучит словно на чужом языке. Большинство наших не носят настоящих имен. Родители отказались от нас, как и прочее общество; сказать по правде, они, по примеру других, приканчивают нас на месте. Мы не питаем особой любви к семейной истории. Мы творим собственную.

Рыба кивнул, глаза его затуманились, словно подернутые слезами.

— Рад познакомиться, Рыба, — сказал Тоэм, чувствуя себя глуповато.

— А это Бейб, — указал Корги на другого мужчину, пониже.

Бейб был ростом фута четыре. Полнощекый и пухлый, настоящий шар плоти. Плоть свисала розовыми колбасами из-под подбородка, опоясывала его посередине, точно внутри проходил трубопровод. Пальчики у него были крошечные, толстенные, розовые, как и все остальное. Глаза голубые, как полуденные небеса. И он курил сигару.

— Салют, Тоэм, — махнул рукой Бейб сквозь клубы табачного дыма.

— Бейб так и не вырос, — пояснил Корги. — Внешне, по крайней мере. Он всегда выглядел дошкольником, таким и останется. Но раньше он умел этим пользоваться к нашей выгоде. Мог выходить во внешний мир, так как все принимали его за мальчишку. Потом сообразили... Бейб сейчас входит в число десяти опаснейших мутантов, которых жаждут поймать и ромагины, и сетессины. Он не осмеливается даже носа отсюда высунуть.

— Превратности войны! — заметил Бейб, помахивая сигарой, превосходившей по величине сжимавшие ее пальцы.

— Мы также считаем его бессмертным, — добавил Корги.

— Вот так-то! — гордо воскликнул Бейб.

Корги ухмыльнулся:

— Сколько тебе лет?

— Двести двадцать три. Но конец где-то все-таки должен быть. Я просто второй Мафусаил, а он, как ты знаешь, в конце концов умер.

Корги опять усмехнулся:

— А это...

Распахнулась дверь внутренних помещений убежища, и в комнате возникло самое ошеломляющее создание женского пола, какое Тоэм когда-либо видел. Она явно принадлежала семейству кошачьих. Обтягивающий ее фигуру черный костюм-трико усиливал впечатление, но Тоэм знал — она и без него будет лоснящейся, гладкошерстной, чувственной кошкой.

— Это Мейна, — сказал Корги, с удовольствием созерцая Тоэма в надежде уловить реакцию на появление женщины. — Мейна. это Тоэм.

Она была ростом около пяти с половиной футов. Гибкая. Женщина-кошка не столько шла, сколько плыла. Не столько шагала, сколько скользила. Сладострастное тело — масса рельефных мускулов и мягкой плоти. Ноги полные, но стройные, ступни крошечные. Маленькие лапки. Когда она ставила босую ногу, пятки располагались гораздо выше нормальных и под резким углом соединялись со ступней, которая заканчивалась крохотными коготками. Ступню снизу и по бокам окружала плотная подушечка. Тоэм скользнул взглядом снизу вверх и отметил, что живот у нее плоский. Вздвигающиеся груди величиной с его сжатый кулак. Шея — изящное чудо архитектуры — грациозной дугой поддерживала голову. Полные губы источали мед, будучи запечатанными, пока она хранила молчание, а когда заговаривала, открывались, выпуская жалящих пчел. За губами прятались великолепные, белые, остро отточенные зубы. Он увидел их, когда она улыбнулась самой что ни на есть обезоруживающей улыбкой. Нос плоский. Глаза зеленые, как море, и шустрые: окинули его в один миг, встретились с его собственными и остановились, следя, как

он ее разглядывает. Смуглое, гладкое лицо омывал океан черных шелковистых волос, еще больше подчеркивая сходство с животным.

— Рада с тобой познакомиться, Тоэм, — сказала она, подходя, подплывая, подкрадываясь к нему и протягивая руку.

Он не знал, поцеловать ее или пожать.

Решил пожать. Рука была теплая, очень теплая и сухая.

— Он спас Ханку жизнь, — пояснил Корги.

Мейна оглянулась, впервые, кажется, заметив Ханку. Всхлипнула, метнулась к нему и заключила в объятия.

— Ты проголодался, Тоэм? — спросил Корги.

— Не очень. Я думаю... про Тарлини.

— Да. Конечно. Утром. Завтра.

— Тогда, может, найдется какое-нибудь местечко, где я мог бы прилечь и поспать.

— Разумеется. Бейб, не покажешь ли Тоэму комнату?

— Сюда, — пригласил Бейб, расплетая скрещенные толстые ножки в солдатских штанах. Он заковылял к двери, откуда так эффектно явилась Мейна. Тоэм бросил

последний взгляд на девушку, которая сидела, оживленно беседуя с Ханком, и последовал за бессмертным мужчиной-ребенком.

Они шли вниз длинным коридором, по обеим сторонам которого располагались комнаты, одни с дверьми, другие — без. Те, что без дверей, были, кажется, холлами, небольшими кабинетами и архивными хранилищами. Те, что с дверьми, Тоэм принял за спальни. Когда-то, пока капитан Хейзабоб не уничтожил эту ячейку, тут, наверное, кишели, шныряли и мельтешили всевозможные фантастические существа. Теперь большинству комнат суждено пустовать.

Они завернули за угол и столкнулись с ужасно древним стариком. Вокруг его сморщенных ушей курчавились во все стороны белоснежные волосы. Вместо рта была щель, вместо носа — одни ноздри, и еще у него было два непомерно больших глаза. Физиономия состояла из массы морщин. Старик плакал. Молча, без стонов и всхлипываний, просто из глаз тек поток слезной жидкости да тело тряслось, когда он проковылял мимо, даже не бросив на них взгляда.

— Сиэ¹, — сказал Бейб.

Тоэм оглянулся на мужчину-младенца:

— Что?

— Его так зовут — Сиэ.

— А почему он плачет?

— Потому что видит.

— Что видит?

— Не сейчас. В свое время поймешь. Тебе вряд ли понравится.

Тоэм пожал плечами и двинулся за человечком. Если этим людям захочется, они оставят его дожидаться в полном мраке, что он уже уяснил из опыта общения с Ханком и белоглазым мальчиком. Лучше слушаться и ждать ответов. И надеяться получить хоть какие-нибудь.

— Все довольно искусно устроено, — заметил он, пока Бейб показывал ему комнату и ванную. — Ходы, офисы, комнаты. Как удалось их выстроить, если вам нельзя появляться среди людей? Я хочу сказать, надо ведь было раздобыть материалы и все прочее.

— Это Старик, — пояснил Бейб. — У него доступ к роботам. Мы их запрограммировали на рытье пещер везде, где обнару-

¹ С и э — провидец, пророк (англ.).

живались осадочные породы, и использовали всевозможные густеющие автопластики для стен и потолков... и почти для всей мебели. У Старика есть кредитная карточка. Он может достать что угодно, благодаря своим неограниченным возможностям на черном рынке, и получает счета, в которых покупки указываются как нечто совсем иное. Никто не знает, что он приобретает на самом деле.

— Тогда, значит, Старик на самом деле не мутант?

— Строго говоря, нет, — подтвердил Бейб, выпуская сквозь зубы тонкую струйку не имеющего запаха дыма.

— А кто? — спросил Тоэм, валясь на необычайно удобную постель.

— У-упс! Секрет. Лучших плодов с дерева не стряхивают.

— Прошу прощения.

— Спи. Сможешь утром сам найти дорогу назад в центр управления?

— Думаю, да.

— Тогда спокойной ночи.

И он вышел, закрыв за собой дверь.

Тоэм растянулся на койке, погасил свет. Голова шла кругом от всяких вещей, от сотен вещей, каждая из которых озада-

чивала больше других. Он отправился разыскивать Тарлини и обнаружил, что поражен девушкой-кошкой Мейной. Он верил в верность. Накрепко. Но при мысли о гибкой фигурке, ножках-лапках, таинственных губах в нем принимались бродить соки...

Дверь вдруг распахнулась. Он мигом вскочил. Сиэ смотрел на него пустыми плачущими глазами.

— Что вам угодно? — спросил Тоэм.

Старик просто смотрел, и все...

Откуда-то издалека неслись всхлипывания, далекий-далекий плач, откуда-то из глубины чрева Сиэ, из дальних-дальних глубин его души...

Столь же внезапно, как появился, мутант исчез, внушительно хлопнув дверью. Зашаркали по бетону ноги, потом шарканье постепенно затихло в коридоре.

Тоэм был уверен, что не сможет сейчас заснуть. За считанные дни его выбросило из горизонтального мира самолета-одиночки и зашвырнуло в мир горизонтально и вертикально переплетающихся причин и следствий, целей и средств, потоков и подводных течений. Даже собственная его цель начала завлакиваться туманом. При-

шлось хорошенько напрячься, вспоминая, как выглядит Тарлини. И сперва он вообразил ее с зелеными глазами.

Неужто таково свойство современного мира? Неужто он разбивает любовь и воспоминания о любви? Или это сам Тоэм переменился?

Даже если отбросить сомнения, все равно не заснуть. Кругом кишмя кишат фантастические вещи, фантастические люди, собственно говоря, ведется противозаконная деятельность.

Он был уверен, что не заснет. Абсолютно. Но тут же почти мгновенно провалился в сон.

Глава 9

Он проснулся и уловил собственный запах.

Не очень приятный. Встал, разделся, пошел в ванную и полчаса простоял под душем, смывая все налипшее на него за прошедшие дни, смывая вместе с грязью и потом все то, чего нельзя видеть и чують носом, но что тем не менее явственно ощущается.

Вода журчала, лепетала, разговаривала, как море.

«Вода, — думал он, — это лоно. С водой из отверзающегося в земле чрева выползает жизнь и получает хороший шлепок по попке от парок и фурий. Вода очищает жизнь и уносит грязь, оставляя вещи первоначально чистыми, какими Природа впервые выпускает свои создания из рук. Весной она падает с небес, разливается по земле светлым потоком, разбрызгивается, счищает с нее пятна, оставленные дьяволом. А зимой опускается мягким, белым покровом целомудрия, восстанавливает девственную плеву земли, чтобы все снова стало чистым, невинным и сладким».

Внимательно вслушиваясь, он проговорил с водой полчаса, смеясь над рассказанными ею байками, вздыхая над поведанными секретами, хмурясь над философскими комментариями, брошенными мимоходом по дороге в канализацию.

Вернувшись в комнату, Тоэм обнаружил исчезновение своего старого костюма, вместо которого его поджидала рабочая солдатская одежда тусклого оливкового цвета. Он знал — это униформа низшего класса ромагинского общества. Натянул грубые,

но удобные вещи, соединил концы магнитной застёжки на поясе, сунул ноги в черные сапоги, точно такие же, как старые, только длиной не до колена, а до середины икры — еще один знак принадлежности к низшему классу. Из запомнившихся ему исторических сведений, почерпнутых в книжках Тригги Гопа, можно было вывести, что мятежи неизменно идентифицируются с простыми людьми — в таком случае эти люди, пусть даже простые, не меньше всех прочих готовы, желают и могут рискнуть головой.

Он пристегнул реактивный пояс, сунул в карман газовый пистолет, который остался нетронутым. Мысль о стремлении окружающих продемонстрировать свое к нему доверие согревала — он уже успел позабыть о возможности верить людям и заслуживать от них того же.

Открыв дверь, Тоэм наткнулся на девушку-кошку. И сумел только выдавить:

— У-уф!

— Я пришла проводить тебя в столовую, — со смехом сказала она. — Мы не ждали, что ты проспишь до обеда.

— Вы тут чересчур хорошо устроились. Я думал, кровать опоила меня дурманящими снадобьями.

— Драконьей кровью, — подсказала она притворно зловещим шепотом. Глаза ее сияли как звезды.

Она направилась в конец бокового коридора, который ответвлялся от его собственного, и толчком распахнула дверь:

— Сюда.

Он придержал створку:

— Сперва леди.

Ему показалось, что она покраснела.

— Спасибо, — застенчиво сказала девушка и вошла в комнату.

Мутанты сидели за столом. На одном конце Корги, бок о бок с Ханком, Бейб напротив Рыбы, а Тоэму указали на стул рядом с Мейной. Сиэ приткнулся в углу, бормотал что-то про себя, без конца плакал.

— О, — сказал вдруг Тоэм, — если я занял его место...

— Нет-нет, — возразил Корги, и глаза его налились сияющим золотом.

— Я, в конце концов, только незванный гость, и...

— Он всегда сидит в углу, — пояснил Корги.

Похоже, все чувствовали себя не-

— Можем подставить к этому столу другой, и я там устроюсь, — предложил Тоэм.

Мелькнула кошачья лапка, тоненький пальчик коснулся его руки.

— Я кормлю его после того, как мы все поедим. Так у нас заведено.

Тоэм оглядел присутствующих, потом вновь перевел взгляд на Мейну:

— Он что, не может есть сам?

Глаза ее неожиданно вспыхнули ярким светом, полыхнувшим откуда-то из-под зеленой радужки.

— Нет, он не может есть сам! Да, он почти беспомощен! Тебе-то какое до этого дело?

Он так и сел, разинув рот:

— Э-э-э... я совсем не хотел...

— Ну конечно, — поспешно вмешался Корги. — Ты просто многого не понимаешь. Мейну порой сильно заносит. — Он послал ей суровый взгляд.

Она уже подавила свой гнев и проговорила, глядя Тоэму прямо в глаза:

— Извини. Я не хотела. Корги прав. Это нервы.

Принялись за еду, но атмосфера, несмотря на взаимные извинения, оставалась по-прежнему напряженной. Тоэм больше

всего на свете желал никого не обидеть. Если бы только у Тригги Гопа имелись материалы, способные дать темному человеку необходимую информацию...

Еда оказалась более изысканной, чем на борту корабля Хейзабоба, и каждый кусочек по вкусу превосходил все, что когда-либо Тоэму доводилось пробовать. Тонкие, нежные побеги каких-то зеленых овощей подавались в масляном соусе, посыпанные мелкими черными орешками. На столе стояли три разных сорта фруктовых салатов. Главным блюдом была запеканка из лапши в необычайно приятном горчичном соусе с миниатюрными луковками.

— Мы не едим мяса, — сообщил Корги с другого конца заставленного тарелками стола. — Почти все из нас с виду наполовину животные. В каком-то смысле это было бы все равно что поедать братьев. Мы ограничиваемся фруктами, овощами, орехами. Мейна творит из них настоящие чудеса.

— Мейна еще и готовит? — уточнил Тоэм, с восхищением поглядывая на нее.

— О да. Мейна, кроме того, специалист по стрельбе из ручного лазера. Луч-

ший снайпер, вернее, снайперша в наших рядах.

Она улыбнулась Тоэму, привередливо отбирая змееподобные стручки зеленой фасоли.

— Наверное, тебе интересно узнать, чем занимается каждый из нас, — сказал Корги, воодушевленный излюбленной темой. — Бейб, хоть и выглядит совсем безобидным, величайший в нашей части Галактики мастер по взрывчатым веществам. Ему нередко приходится выручать мутантов из лап ромагинов. Бейб может сделать бомбу из льда и воды.

— Преувеличиваешь, — заметил Бейб с полным ртом запеканки.

— Не очень, — продолжал Корги. — Бывали случаи, Тоэм, когда нам без Бейба не удалось бы спасти своих братьев по духу. Ромагины и сетессины всеми силами стремятся захватывать их в плен, пытать и казнить. Формально, раз уж они нас породили, должны были бы помогать или хотя бы обеспечить работой и предоставить гражданство. Вместо этого нас убивают на месте. На мой взгляд, они пытаются очистить собственную совесть от жутких деяний, ставших причиной наше-

го появления. Если видеть в нас исчадия ада, приписывать нам связи с дьяволом или с врагами, убийства обретают смысл. А когда всех перебьют, перед ними не будет больше маячить напоминание о совершенной когда-то ошибке.

— Суперэго¹, ненавистное чудовище, проклятие всей их жизни, — добавил Бейб.

— Теперь Рыба, — рассказывал Корги. — Мастер на все руки. Он может ходить по земле, дыша легкими, и плавать в море, отключив их и пользуясь второй дыхательной системой. Ты видишь жабы. Когда приближается корабль, который везет в доки мутантов, чтобы там выгрузить и отправить на казнь, он подплывает, взбирается на борт и, как правило, успешнейшим образом выполняет свою миссию.

Рыба не потрудился поднять глаза. Он, на взгляд Тоэма, держался в сторонке от всей компании.

¹ С у п е р э г о (Сверх-Я) — в теории психоанализа З. Фрейда психическая инстанция, которая формируется под влиянием окружающей социальной среды и служит источником моральных и религиозных чувств, контролирующим и наказующим агентом.

— Ханку поистине цены нет, так как он немножечко телепат.

— Ясновидящий?

— Да. Ромагины сказали бы тебе, что таких вещей не бывает. А он — живое опровержение.

Ханк ухватил щупальцем листик салата и принялся жевать.

— Ханк сообщает нам, когда чувствует, что кто-то из мутантов попал в беду. Если индивидуум, особенно мутант, попадает в тяжелую ситуацию, испытывает боль или даже просто страх, он излучает сильные нейтронные волны. Ханк умеет улавливать их. По его указаниям мы приступаем к действиям. Не каждому бункеру, как называем мы это место, посчастливилось заполучить телепата.

— Ханк сообщает вам о прибытии корабля с мутантами?

— Верно, — подтвердил Корги, глотнув вина — янтарной жидкости, которая переливалась, как кристалл, и преломляла свет, будто была не вином, а драгоценным камнем. — А у меня множественный мозг.

— Что?

— Множественный мозг. Я вижу происходящее в данный момент и могу мгновенно

но предсказать возможное развитие этих событий в будущем.

— Ты видишь будущее?

— Нет-нет. Ничего подобного, никакого волшебства и прочих кошмаров. Я вижу вероятности. Существуют тысячи, миллионы, бесконечное множество возможных вариантов будущего. Я могу проанализировать их в любую критическую минуту. Если девяносто процентов вариантов будущего сулят нам провал, мы не рискуем. Если шансы в нашу пользу составляют пятьдесят на пятьдесят или больше, идем на дело.

— Пятьдесят на пятьдесят не так уж и много, — сказал Тоэм.

Корги пожал плечами и отхлебнул еще вина.

Тоэм тоже сделал глоток.

— И разумеется, — продолжал Корги, — все мы способны заглядывать в Запредельное, все обладаем силой, которая раздвигает Порог. Таковы парапсихические таланты, которые, кажется, каждый из нас получает в наследство.

Тоэм отставил бокал с вином:

— Вот чего я никак не пойму: в чем там у вас дело с этим Порогом, молекулой скорлупы и переброской?

Корги тяжело заворочался на стуле:

— Довольно трудно объяснить это существу, незнакомому с основами физики и с общепринятой терминологией. Одним словом, есть способ разом избавить Вселенную от ромагинов и сетессинов. И кстати, Ханк поделился со мной информацией, которая полностью переменит наш план.

Все головы повернулись к Ханку.

— Не знаю, — начал тот, сворачивая на столе псевдоруки, — может, мы сконцентрировали более мощные силы, чем удавалось когда-либо какой-либо другой группе. Но я, находясь в такой близости к мощному полю, получил сатори — озарение. Мы пытались удерживать на месте Вселенную, перемещая ее части — миры ромагинов и сетессинов, — и, открыв в молекуле скорлупы щель, протолкнуть их туда. Меня озарило, что это ошибка, и поразило, почему, черт возьми, никто раньше этого не понял. Мы приписывали неудачи своим слабым способностям и надеялись усовершенствовать их. Однако ошибка кроется в методе, а не в средствах. Слушайте же — идея в том, чтобы переместить всю Вселенную, а миры ромагинов

и сетессинов оставить, где были. Размеры протискивающейся Вселенной заставят Порог разойтись самостоятельно и удержат его в таком положении. Нам и беспокоиться будет не о чем.

За столом несколько секунд царило молчание.

— Клянусь Богом! — сказал Бейб.

Жабры Рыбы взволнованно затрепетали.

— Ханк, я люблю тебя, — сказала Мейна.

— Я контактировал со Стариком, — влез Корги, — он сказал, через неделю можно будет попробовать. Мы собираемся сосредоточить свои силы в сочувствующих мутантам мирах Федерации и надеемся, что ромагины и сетессины ничего не пронюхают до того, как мы сумеем приступить к действиям.

— Постойте, — дрожащим голосом проговорил Тоэм. — А как насчет моей Тарлини?

— Господи милостивый! — сказал Рыба. — Ты не соображаешь, что это гораздо важнее любой отдельной личности? Не видишь, что это все означает?

Тоэм встал, вдруг разозлившись:

— Я вижу, что это все означает. Вы отказываетесь мне помогать и не держите своего слова. Я вижу, какого сваял дурака!

— Постой! — крикнул Корги и тоже поднялся. — Он прав. Мы ему обещали. Можно договориться, чтобы нашу группу эвакуировали последней, а тем временем пособим ему отыскать невесту.

— Я согласен, — сказал Бейб.

— Я тоже, — поддержал Ханк.

Мейна сидела молча.

— Завтра приступим к поиску, — заключил Корги. — А сегодня, поскольку сопровождать тебя на улицах мы не в состоянии, изучай план улиц города. Я помогу. У нас есть гипнотические машины, которые кое-чему научат, а прочее будем вдалбливать тебе устно, пока насмерть не врежется в память. Ты должен знать столицу сверху донизу и снизу доверху.

Они снова сели.

— Нам никогда не хотелось уподобляться ромагинам и сетессинам. Мы держим слово. Мы боремся с ложью и двуличием, друзья, и никогда не уступим.

Остаток дня прошел в занятиях с гипнопедагогом и допросах, которые вели

Корги с Бейбом, бомбардируя Тоэма вопросами, проверяя заученное, заставляя мысленно рисовать каждое здание, с которым знакомила его машина. За час до завтрака Корги предложил принять душ и передохнуть, предупредив, что вечером последует продолжение. Утомленный, Тоэм охотно согласился.

Покинув центральный пост управления, Тоэм вышел в холлы. Он уже понял, что их насчитывается с десятков и все пусты, тогда как раньше были полны других мутантов.

Добравшись по коридору до поворота, который вел к его комнате, он услышал пение.

Веселое...

Веселые, сладкие ноты достигали слуха, слабые, точно в скалах распевала сирена...

Мягко...

Мелодично...

Почти как в трансе...

Он направился на звуки, ныряя из одного коридора в другой, и вскоре попал в зал, дальняя стена которого состояла из натурального камня, обрываясь в нечто вроде пещеры. Здесь роботы перестали применять автопластик.

Веселое щебетание...

Он приблизился к устью пещеры, проскользнул в естественный вход, огляделся.

Мелодичная трель, похожая на птичью, но не совсем...

Известняковые сталактиты свисали вниз, сливаясь на полпути с взмывающими вверх сталагмитами. Камни сверкали разноцветными искрами. Пол покрывала целлулоидная пленка сырости, с потолка сочились капли известкового раствора. Вода разговаривала с ним даже здесь: кап-плюх-кап-плюх.

Веселое мурлыканье...

Кап-плюх...

Мелодичное...

Кап-плюх...

Теперь пение стало громче, отзывалось легким эхом. Он шел на звук через узкий туннель, вылез в более просторную пещеру, где небольшой подземный поток впадал в мелкое озерцо, отражавшее с зеркальной точностью неровный свод, так что вода фактически отрицала собственное существование.

Она сидела на камне, нависшем над водою, вздернув колени, свернувшись, совсем как кошка, примостившаяся на подокон-

нике. Повернувшись к нему спиной, наполовину скрытой гладкими, блестящими волосами.

— Как красиво, — сказал он.

Она не оглянулась.

— Я знала, что ты тут. Подглядывал исподтишка, скажешь, нет? — Она повернулась и улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ.

— У меня слух как у кошки, — рассмеялась она. — Я услышала твой первый шаг из зала.

— Я неуклюж от природы, — признал он, усаживаясь с ней рядом. — Что собой представляют все эти пещеры?

— Здесь вся земля изрыта ими, точно пчелиные соты, потому что мы их перенесли вместе с городом. У нас есть выход, черный ход, вот через эти отверстия.

— А песня, которую ты пела...

— Одна из написанных Рыбой.

— Рыбой?

— В ней будто воды текут, ты не уловил? Океан шумит. Слова — сплошной бред, написаны только затем, чтобы создать ощущение моря.

Она снова запела, и он понял, что все так и есть, почти ощутил водовороты и

волны. Это были те самые разговоры воды, которые он так любил слушать.

— Мутанты вашей группы очень талантливы, — вымолвил он наконец.

— Когда утрачиваешь нормальность, что-то приобретаешь взамен, Тоэм. Природа увечит тебя в зародыше, расплющивает в пьяном безумии, потом сокрушается и в последний момент награждает множеством талантов, иногда даже сверхчеловеческих. Каждый известный мне мутант обладает каким-то дарованием, каким-то прекрасным достоинством вдобавок к умению видеть и раздвигать Порог.

— Ясно.

— Сомневаюсь, — фыркнула она и встала.

Они двинулись краем озера.

— Нет, — заверил он, — мне правда ясно. Я могу понять, на что это должно быть похоже. У меня ведь тоже не настоящее тело. Я сам прошел через нечто подобное.

Он изложил свою историю, поведал о химических баллонах, о трансплантации мозга, о машине, похороненной под восьмьюдесятью тремя милями песка

возле Того Места, Где Обычно Стоял Город.

— Все это хорошо, — заключила она, морща маленькое, идеальное личико в гримаске отвращения, — но лишь доказывает, что на самом деле ты все-таки ничего не понимаешь.

Он взглянул на нее и почувствовал, как язык сам собою заплелся в узел. Судя по вспышкам в ее глазах, вот-вот должно было произойти нечто. Но что именно — он не знал и не имел возможности это предотвратить. Не знал даже, хочет ли он это предотвратить.

— Тебе даже в голову не пришло, что с помощью твоей машины, одного из редчайших ромагинских «Джамбо», можно дать Ханку настоящее тело! Можно вытащить Бейба из его идиотского обличья и переместить во взрослое, сильное, большое тело вроде твоего собственного!

Сердце екнуло у него в груди. Дважды.

— Ну конечно! Какой я дурак! Пошли назад. Я могу сделать это для каждого мутанта, которого ты ко мне приведешь.

— Нет.

Он остановился, вытаращил на нее глаза:

— Что значит это твое «нет»?

— Неужели ты еще глупее, чем я думала? Нет — значит нет! Нет, мы ничего не расскажем Корги. Нет, мы ничего не расскажем Бейбу. Нет, мы не переместим никого из них в человеческие тела!

— Ладно, брось. Пошли найдем Корги...

— Нет!

— Но ты сказала...

— Я тебя проверяла. Хотела выяснить, понимаешь ли ты нас хоть чуточку, Тоэм, великолепный Тоэм, герой Тоэм.

— Подожди, — отчаянно взмолился он, схватил ее за руку и уловил заключительные содрогания перед тем, как вулкан начнет извергать лаву. И не испытал желания присутствовать при извержении.

Она выдернула руку:

— Это ты подожди! Почему ты считаешь, что Бейб приспособится к нормальному существованию, а? Он двести двадцать три года был мутантом. Он двести двадцать три года оставался младенцем. И в один миг получит нормальное мужское тело и ничего не подумает на этот счет? А Ханк? Чертовски утонченный

Ханк. Ханк, извергающий естественные отходы в виде зеленой жидкости с дьявольски гнусным запахом. Думаешь, Ханк приспособится и станет нормальным, не получив психологической травмы, не помешавшись рассудком?

— Автоматические хирурги очень хорошие. Они не совершают ошибок, когда...

Она издала нечто вроде краткого рычания.

— Я имею в виду не физические последствия. Нет, парень, я говорю о психических травмах! Глубоко в его душе прячутся ид, эго и суперэго¹, даже если он все эти годы подавлял человеческие желания и питал лишь желания, присущие мутантам, потому что только их мог удовлетворять. Все эти годы эго лепило его, внушало ему, что он выше нормальных людей, лучше, счастливее, меньше склонен к предубеждениям и предрассудкам, отличается свободомыслием и талан-

¹ Принятые в психоанализе психические инстанции: и д (Оно) — наиболее примитивная часть человеческой личности, подчиненная принципу удовольствия; э г о (Я) — следующая принципу реальности и согласующая требования ид с условиями социальной среды; с у п е р э г о (Сверх-Я) — высшая моральная и оценочная инстанция.

тами. Ты хочешь переделать его ид, перевернуть с ног на голову, расколотить в прах старый и вставить новый. Парень! Ты хочешь сказать ему, что все человеческие желания, не подлежавшие удовлетворению, снова в его полной власти. Ты хочешь расколошматить его эго, сообщив ему, что он врал сам себе, что нормальным быть лучше. Ты хочешь всю его жизнь растоптать в пух и прах, размазать, спалить и развеять по ветру оставшийся от нее пепел. И не соображаешь, почему это сведет его с ума.

— Я даже и не думал...

Она резко развернулась к нему, в ее глазах горела то ли ненависть, то ли другое, неясное чувство — похоже, ясно-сти ему никогда и ни в чем уже не добиться.

— Ты даже и не думал! Ты ни разу не удосужился сложить все вместе! Кстати, мистер Тоэм, почему это вы воображаете, что нам вообще хочется на вас походить? Что приводит вас к мысли, будто быть нормальным такой уж кайф? Мы требуем равенства, парень, а не единообразия. Мы стремимся жить в мире, где нам не придется шмыгать в подполье, как

крысам. Мы не желаем быть человекоподобными и нормальными. Мы другие. Мы не такие, но, Господи Боже ты мой, не уроды. Большинство — почти все из нас — удивительны, а не безобразны. Мы — новая мифология мира сего, герой Тоэм, причем не сочиненная, не записанная на бумаге. Мы живем, дышим, ходим... Мы — воплощение фантазий. Тебе стоило бы повидать кое-кого из живущих в других пещерах этого мира и всех прочих миров, кое-кого из погибших от рук старика Хейзабоба. Они прекрасны. Фантазмагория сказочных существ, которые миллионы лет прятались в тайниках творческого воображения, а теперь вышли на свет и живут. Они действительно лучше нормальных людей.

Он схватил ее за плечо, дернул к себе:

— Все правильно. Я всему верю. Но для чего надо на меня злиться?

— Ты не поймешь! — прошипела она.

— Черт побери, все кругом заявляют, что я не пойму! А объяснить никто не желает.

— Ты не можешь понять.

— Заткнись!

— Не можешь!

Он ударил ее по лицу и заворуженно уставился на оставшийся красный отпечаток. От нее исходил сильный, сладкий, чуточку мускусный запах. Касаясь губами ее губ, он не слишком задумывался о том, что делает. По правде сказать, вообще ни о чем не задумывался. Просто такую форму выражения нашло для себя переполнившее его ощущение бессилия и смятения. Краткий миг она отвечала на поцелуй, потом вырвалась и бросилась назад к бункеру. Из главной пещеры крикнула:

— Ужин почти готов. Сегодня готовят мужчины. Может, будет не так вкусно, но все равно поторопись.

И исчезла.

Глава 10

— Невольничий рынок, — сказал Корги, мерцая глазами, состоявшими лишь из туманных пятен и бликов.

— На улице Продавцов Наслаждений.

— А по карте в каком квадранте? — спросил Бейб.

— Во втором.

— Перечисли платформы, принадлежащие разным торговцам, в том порядке, в каком они стоят на рынке.

Тоэм оживил в памяти гипноуроки, вызубренные за день:

— Реддиш, Фулмоно, Кингер, Фастен, Фрин, Рашинджи, Таламан и Фросте.

— Очень хорошо, — заключил Корги. — В самом деле отлично.

— Все платформы принадлежат одним и тем же людям — ромагинскому совету губернаторов. Свободной торговли на рынке наложниц не существует, хотя совету губернаторов желательно произвести обратное впечатление.

— Откуда ты это выкопал? — поинтересовался Бейб, попыхивая сигарой, не имеющей запаха.

— Сам прочитал... проштудировал несколько исторических книжек.

Корги перебрал в уме заготовленный перечень вопросов, казавшийся бесконечным.

— Как ты отыщешь в том квадранте бункер, если понадобится помощь или укрытие?

— Пойду в общественную уборную возле тюрьмы, займу третью от конца кабин-

ку, нажму кирпич, десятый от пола и пятый от левой перегородки.

— Ладно. Считаю тебя подготовленным. Отправишься на рассвете, когда рынки готовятся к дневной торговле. Доберешься до рынка наложниц. Я контактировал со Стариком, рассказал ему про тебя и про план Ханка. Он согласен с идеей Ханка и признает, что тебе надо дать шанс найти Тарлини. Он связывается со всеми прочими группами и эвакуирует их на дружеские разоружившиеся планеты. Мы по расписанию присоединяемся к большой группе мутантов на Колумбиаде. И потом приводим свой план в действие. Надеюсь, ты понял, что мы хотим сделать. Собираемся... создать — слово не совсем точное, но сойдет — Вселенную, где не будет воинственных миров. Надеемся получить возможность жить в мире. Если желаешь отправиться с нами, возвращайся сюда не позже чем через двадцать четыре часа после ухода. За это время ты должен найти свою женщину. Мы показали тебе весь город по картам, обучили обычаям низшего класса, чтобы ты мог вести себя свободнее большинства представителей высших слоев общества. Бейб выдаст тебе тысячу

кредиток. Если твоя женщина появится на платформах и если тебе повезет, на выкуп хватит. На непредвиденные расходы дадим еще пятьдесят. Сопровождать тебя не имеем возможности. Можем лишь пожелать удачи.

— Я отыщу ее и приведу обратно, — пообещал Тоэм и встал. — Думаю, еще успею отдохнуть до назначенного времени.

— Обязательно, — подтвердил Корги.

— Спокойной ночи, — сказал Бейб.

— Спокойной ночи, — ответил Тоэм, выходя в коридор и чувствуя, как его провожают глаза и полуглаза. В голове царила полнейшая сумятица. Разговор с Мейной повис на нем тяжким грузом, внушив непривычное ощущение собственной неадекватности и бессилия. Неведомо почему завтрашний поиск волновал его совсем не так, как следовало. Положим, Тарлини отыщется, значит ли это, что он вернется домой? Даже совсем сбив с толку, цивилизованные миры очаровали его. Ему уже мало деревьев с красными листьями, рыбы и фруктов. Простая жизнь улетучилась, оставив после себя пустоту в его существовании, в нежной ткани души.

В размышления вторгся странный шум, настойчиво привлекая внимание. Он остановился, прислушался. И услышал — да, вот опять — звериные звуки, шорох... и стон. Действительно, очень странно. Вроде бы из комнаты Сиэ.

Снова.

Но Сиэ вслух не кричит...

Сиэ трясется, да...

Сиэ плачет, конечно...

Но Сиэ не стонет, как будто от боли.

Как правило, нет.

Еще раз внезапный визг, на сей раз громче. Впрочем, казалось, будто источник этих звуков — что бы он собой ни представлял — старается их подавить, наложить на уста печать, сдерживать рвущийся из легких вопль...

Он тихонько подкрался по коридору к дверям, легонько толкнул, заглянул...

И замер в ошеломлении.

Заледенел...

Там, в стариковской постели, была Мейна. Трико спущено сверху до пояса. Груды голые, и к одной из них присосался угнездившийся, как дитя, на ее коленях Сиэ. Груды Мейны выглядели не столько

полными, сколько длинными, с мясистыми сосками, напоминавшими вымя животного.

Внезапно она судорожно вздернула голову и глянула на него.

— Ты... — начал было он.

— Вон! — завопила она.

Слова застряли в горле, он подавился труднопроизносимыми согласными, неуверенно пытаясь уловить ускользающий смысл происходящего...

— Вон!

Он закрыл дверь, голова шла кругом. Почему именно Сиз из всех живущих на свете? Почему этот лепечущий идиот? Даже с Бейбом было бы лучше. Не говоря уж, конечно, про Корги. Он повернулся и побежал, зажимая руками уши, чтобы не слышать никаких стонов. Нашел свою комнату, пинком распахнул дверь, упал на кровать, не включив свет. Почему, почему, почему? И почему, черт возьми, это его так волнует? Разумеется, нехорошо с ее стороны, но он-то с чего взбесился? Забудем об этом. Сотрем из памяти. Тебя это совершенно не касается. Хочется ей старика, и на здоровье. Идиота! Слюнявого дурака!

Дверь с грохотом отлетела, на пороге была она, снова одетая, стояла в прямоугольнике света, лившегося в открытый дверной проем.

— Уходи! — бросил он.

Она захлопнула за собой дверь, включив ночничок, который немного разогнал тьму.

— Ты! — выдавила она, шипя скорее по-кошачьи, чем по-женски, и в единственном этом слове заключался целый абзац.

— Теперь моя очередь сказать «вон»! — Он сжал кулаки, ища, куда бы ударить, и не переставая гадать, откуда в нем столько ярости. — Ты у меня в комнате. Я хочу, чтобы тебя здесь не было.

— Меня не интересует, черт побери, — опять зашипела она, а коготки на подушечках ерзали туда-сюда, втягивались, высовывались вновь и вновь. — Меня, черт возьми, ни капельки не интересует, чего ты хочешь! Какое ты имеешь право соваться в чужие комнаты?

— Я думал, с ним что-то случилось. Услышал скулеж... как будто кому-то больно.

— Он меня укусил. Он меня укусил, герой Тоэм, а не тебя!

— Я думал, что он один... этот старый дурак причинил тебе...

— Заткнись!

— Убирайся! — заорал он в ответ, решившись на сей раз преодолеть ее злость своей собственной ненавистью.

— Нет. Не уйду, покуда не растолкую тебе, герой Тоэм, какой ты на самом деле слизняк!

— Я не герой.

— Знаю.

— Уходи!

— Нет. Я начала тебе говорить об этом в пещерах до ужина. Ты думал приятно провести время, привлеченный моим сходством с животным, сочтя меня похотливой. Ты думал, я так и взовьюсь от крепкого поцелуя.

— А ты взрываешься только от старых дурней...

Она вспрыгнула на спинку кресла, усе-лась, сохраняя идеальное равновесие, готовая ринуться за мышкой.

— Это он-то старый дурень? Да тебе неизвестно и половины того, что известно ему. И никто из нас с ним не сравнится. И никто даже не представляет, что он видит, герой Тоэм. Дурень... надо же! Это ты

дурень. Чертов дурень, герой Тоэм. У него есть причина скулить, потому что он видит. Видит!

— Что? — спросил он, заинтригованный против собственной воли.

— Бога! — выпалила она, перепрыгнула с кресла на шкаф, села, повернувшись великолепной спиной к зеркалу. — Бога, герой Тоэм! Сиз видит Бога и не может этого вынести. Для тебя это что-нибудь значит? Говорит тебе что-нибудь? Сиз смотрит вглубь, в самое сердце вещей, дальше звезд, за границы реальностей и полуреальностей, квазиистин и того, что мы называем Подлинной Истиной. Все это для него семечки, герой Тоэм. Сиз заглядывает в излучины, о самом существовании которых мы не подозреваем, и бросает мимолетный взгляд в уголки, о которых мы позабыли или вообще никогда не видели. Он смотрит на то, что считается Богом. И это сводит его с ума. Для тебя это что-нибудь значит, герой Тоэм?

— Я... — Он медленно сел.

— Нет. Ничего. Ты не понимаешь концепций. Но концепцию Бога, герой Тоэм, ты понимать должен. Хоть смутно. Не пе-

ренапрягай рассудок. Ведь в твоём маленьком примитивном мирке был Бог, правда? Хоть какой-то. Бог ветра. Бог солнца. Только Бог не имеет ничего общего с твоим о Нем представлением, или с моим о Нем представлением, или с чьим-либо когда-либо существовавшим представлением. Сизэ знает, что Он собой представляет. Узнав это, Сизэ сошел с ума. Так как же, герой Тоэм, каким адским видением должен быть Бог? Что это за ужас, если Сизэ в итоге прохныкал и проскулил столько лет? Может, он ничего не увидел — одну бесконечную пустоту, черноту, бездну, безбожие? Может быть, Бога нет, герой Тоэм? Впрочем, я так не думаю. По-моему, от такого видения Сизэ смог бы оправиться. Бог есть. Но Он так ужасен и так многогранен в своём ужасе, что Сизэ навеки испуган до потери рассудка.

Тоэм стиснул руками голову, словно желая раздавить ее. Все, что ему было нужно, — Тарлини. Так он думал. А разве нет? Ему не следует ни во что больше вмешиваться. По крайней мере, не следует позволять себе вмешиваться.

Она презрительно шипела:

— Разумеется, я кормлю его грудью. Он сам есть не в состоянии. Дело не только в его неспособности прокормиться, а в гораздо, гораздо большем. Он живет в обратную сторону, герой Тоэм. Если засунуть ему в живот трубку и через нее питать, он будет счастлив. Он хочет назад, в чрево, герой Тоэм. Хочет, чтобы его поглотило лоно. Но желание это неисполнимо. Он хочет, черт побери, но не имеет возможности. Поэтому и остается только кормление грудью — дальше ему не продвинуться. А иначе он умрет с голоду. Может, черт побери, это было бы лучше. Может быть, милосерднее было бы заставить его желудок замкнуться в кольцо, съежиться, биться в агонии, переваривая самого себя ради пропитания. Может, черт побери, мы должны всадить ему пулю в лоб, вышибить мозги, чтобы душа его растеклась по бетонной кровавой луже. Но я не хочу. Корги не хочет. Старик не хочет, а у Старика больше мозгов и духу, чем у всех у нас вместе взятых. В Сиэ есть нечто чудовищное, но вдобавок и нечто святое. Нечто святое, полученное от соприкосновения с неопишуемым демоном, которого называют Богом, герой Тоэм.

— Я не знал.

— О'кей, — отрезала она. — Ты не знал. И не знаешь. Только не надо считать себя таким дьявольски великолепным! Не надо судить меня, герой Тоэм, на том основании, что я, по твоему мнению, должна делать и чего не должна. Не надо устанавливать для меня моральные нормы и ценности, раз ты абсолютно не понимаешь, что я такое! Не приписывай мне добропорядочной белиберды. Теперь ты уже мог бы знать, что мир вовсе не добропорядочен.

Он вскочил, одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние, схватил ее, сдернул со шкафа.

— Не тронь меня!

— Мейна, слушай...

Она заурчала, когда он запустил руку в ее пышные волосы.

— Слушай, я совсем сбит с толку. Проклятие, я ничего не знаю. Я не просил, чтобы меня сюда приводили. Не просил, чтобы меня вытаскивали из деревни и швыряли в хаос.

Она обхватила его руками и заплакала.

— Я отправился искать девушку. Сперва хотел лишь найти ее и вернуться домой.

Ничего больше не знаю. Я должен отыскать ее, потому что лишь в этом всегда была моя цель, потому что лишь это заставляло меня жить. Отказаться от этого — все равно что убить мечту. Если я зашибу по дороге кого-нибудь, может, оно того стоит, а может, нет. Но я не хочу никого зашибить.

Она задрожала. Он поднял ее легкое тело, понес на постель.

— Сизэ, — вымолвил он. — Черт, это ужасно. Ужасно не для него одного, но для всех, кто его понимает.

Ее руки ласкали его. Позабыв о разговорах, он нашел ее губы. Маленький розовый язычок затрепетал у него во рту. Он стиснул ее грудь. И вдруг ему в бок впились когти. Он стряхнул ее. Густая кровь выступила из длинных тонких царапин на боку и запятнала рубашку.

— Зачем ты это сделала?

— Я по-прежнему для тебя только животное, герой Тоэм. Тебе хочется посмотреть, на что это будет похоже. Ты так ни разу и не сказал: «Я люблю тебя», просто принялся тискать. Желаете посмотреть, найдется ли во мне что-нибудь хорошенькое.

— Сука! — рявкнул он, растирая израненный бок.

— Хочешь узнать, мохнатый ли у меня животик.

— Покажи, — ухмыльнулся он, ощущая на пальцах липкую кровь и пламя, пожирающее рассудок.

— Ты никогда не узнаешь, — заявила она и шмыгнула к двери. — Никогда, даже за миллион лет!

Створка хлопнула, он остался один в темноте.

Прошло много времени, прежде чем Тоэм встал, зажимая ладонью горевший огнем бок и пытаясь понять, что за пламя терзает его разум. Но не нашел ответа. Огонь в боку успокоил, промыв раны. Они были неглубокие, и он быстро управился. Прижег спиртом, смазал мазью, заклеил пластырем размером с ладонь.

Стал смывать кровь с раковины и почувствовал себя совсем нереально, глядя, как алые полосы тают в струйках воды. Все начинало казаться грезой — десятками грез и кошмаров, громоздящихся друг на друга.

Потом лег в постель, устался в потолок, попытался заснуть. Но сон не шел долго-долго...

Глава 11

На следующее утро, когда Корги, Бейб, Рыба и Ханк собрались его провожать, Мейны не было. Тоэм все время ее высматривал, надеялся, что придет. Но она не пришла.

— Помни, — предупреждал Корги с туманной, подернутой искорками гуммигута серостью вместо глаз, — у тебя всего двадцать четыре часа. Возвращаясь с Тарлини сюда и получишь возможность отправиться с нами. В противном случае, боюсь, застрянешь тут, в этой Вселенной, с романами и сетессинами.

— Постараюсь, Корги, — пообещал он, пожимая протянутые руки и щупальца.

— Помни, если понадобится помощь или убежище, можешь идти в другие бункеры, — сказал Ханк.

— Не сомневайся, — добавил Бейб.

— Не буду, — заверил он их. И шагнул назад в туннель, откуда впервые — кажется, много-много лет назад — спустился в воздушном потоке.

Они закрыли за ним дверь в бункер. Воспользовавшись перископическим сканером, он, как его учили, обследовал лежав-

шую над головой аллею. Никого не обнаружил, включил воздуходув, пославший воздушные струи в обратном направлении, и те мягко, но решительно повлекли его вверх, вверх, вверх, вынесли через решетку, которая следом за ним легла, клацнув, на место и послужила посадочной площадкой, когда воздушные потоки внезапно прекратились.

Ему с трудом верилось в происходящее. Он наконец-то в столице, неподалеку от невольничьего рынка, может быть, как раз вовремя, чтобы выкупить свою Тарлини. Попытался припомнить, как она выглядит, но ясной картины не получил.

День обещал быть прекрасным. Слабенькие желтые облачка, которым предстояло рассеяться еще до появления утреннего солнца, оставались единственными пятнышками на идеальном небе. Солнце только вставало и еще не согрело прохладный ночной воздух.

Он пустился в путь, свернув с аллеи на улицу. Магазины работали — грандиозная сеть фирменных, ультрасовременных, без продавцов и маленькие уличные магазинчики, похоже всегда процветающие в загнивающем обществе, независимо от его

размеров и уровня развития. В одном местечке продавались домашние пряники, мягкие, солоноватые. Он купил один на деньги, предназначенные для непредвиденных расходов, и сжевал на ходу. Внутри все трепыхалось от возбуждения и страха, но важнее всего сохранять внешнее спокойствие, словно он здешний.

Он шел мимо фруктовых лавок, где стояли огромные корзины с наваленными грудой вишнями, представлявшими всю хроматическую цветовую гамму. Одни смахивали на те, что они с Ханком украли из грузовика на воздушной подушке, другие вообще ни на что прежде виденное не походили. Хотелось все перепробовать, но он помнил об отведенном сроке в двадцать четыре часа. На поиски может понадобиться все это время, если не больше. И он шагал дальше.

На рынке под открытым небом, где в кровавых лужах лежали боковые части туш животных, а в некрашенных ящиках с мелко наколотым льдом — куски вырезки и бифштексы, ромагинский правительственный инспектор осматривал мясо, прищипывая печать, а мясник, не особо таясь, совал ему по крупной монете за каждую

одобренную тушу. Над площадкой уже скапливались мухи, и Тоэм хорошо представлял, что тут будет твориться, когда дневная жара одеялом окутает все вокруг. И чем будет пахнуть.

Сразу за мясным рынком располагалась автоматизированная мясная лавка, где мясо хранилось в кубических стеклянных морозильниках, постоянно выставленное напоказ. Цены были раза в три выше, чем у продавца необработанного мяса, но Тоэм решил, что, не задумываясь, заплатил бы побольше. Если еще когда-нибудь сможет проглотить кусок мяса. Даже простой взгляд на сырую плоть вызывал у него тошноту. Понятно, на нем отразились привычки, предпочтения и антипатии мутантов.

Мужчина в развевающейся накидке, похожей на ту, которую много дней тому назад выдал ему автомат, важно шествовал по пешеходной дорожке. Огромный, жирный, со свиным рылом, он ковырял в зубах сверкающим ногтем. Представители низших классов отступали на мостовую, освобождая путь, хоть в том не было необходимости — ширины тротуара хватило бы, чтоб вместить человек семь-восемь в

ряд. Впрочем, Тоэм поступил точно так же. Нельзя привлекать к себе внимание, возбуждать подозрения.

Потом, переходя оживленную улицу, он увидел мальчика с белыми глазами, проезжавшего в лимузине. Рядом восседала очень богатая женщина. По поведению мальчика никак нельзя было судить, узнал тот его или нет. Тоэм хотел побежать за ним, но не побежал. Что-то в этом мальчике ему не нравилось. Больше по этому поводу он ничего сказать не мог. Может быть, дело в том, что Ханк испугался мальчика, а Ханк вроде бы мало чего пугался. Если уж мутант боится мальчишку, на то есть причина. Он переправился на другую сторону улицы и двинулся к рынку наложниц, куда открывался вход с улицы Продавцов Наслаждений.

В действительности улица Продавцов Наслаждений была никакой не улицей, а площадью. В центре площади в обширном фонтане мифологические существа из романической религии опрокидывали кувшины с весело булькающей водой над головами мраморных нимфочек. Кругом царила праздничная атмосфера. Дома были выкрашены в разные цвета и отремонтированы.

На отполированных флагштоках были натянуты многоцветные транспаранты. На площади кучками собирался народ, и наряды представителей высшего класса резко выделялись среди простолюдинов в армейской униформе. Но простолюдины тоже имели право прийти на площадь, ибо совет губернаторов не распространял социальных различий на кредитки бедняков и богачей. Одна купюра не хуже другой. Не способности, а одни только деньги обеспечивают людям равенство.

— Я припарковал яхту на нижней орбите, — сообщил один богач другому. — Прибыл на полумильной, планирую привезти домой полсотни красоток.

— Мои запросы, — заявил другой, пощипывая усики, словно прочерченные карандашом, — удовлетворить не так просто. Ищу одну-единственную девушку — если такая вообще найдется, — достойную покупки с аукциона.

— Ты просто сноб, — констатировал первый.

Тоэм прошел мимо. Большинство простолюдинов нацеливались на посещение Дома любви и Дома невест, где за две купюры можно купить пятнадцать минут с жен-

щиной. Лишь немногим хватало денег на покупку собственных рабынь, собственных наложниц. Они жадно поглядывали на торговцев, которые устанавливали трибуны на отведенных им платформах.

Постепенно с течением времени все больше и больше народу прибывало на площадь. Набрались уже сотни две, причем большую часть составляли простолюдины. Кучка представителей общества в накидках сгрудилась вокруг плаката «Убей мутанта — спаси свой мир», вывешенного на доске объявлений с материалами, пропагандирующими различные политические программы — естественно, в пользу убийства мутантов, — отличавшиеся одна от другой только методами уничтожения.

Прозвучал гонг, шут потешной песенкой возвестил об официальном открытии торговли на рынке. Юные простолюдины повытаскивали деньги и ринулись к дверям домов наслаждений. Простолюдины постарше соглашались подождать, ибо это событие, пусть даже необходимое и желанное, успело утратить для них свою уникальность. Немногочисленные молодые простолюдины, которые отказывали себе во всем и месяц за месяцем копили кре-

дитки, стояли, разглядывая платформы, не зная, куда бежать. Кто-то мигом и наобум купит первых попавшихся на глаза девушек. Другие будут ждать, пока не выставят всех и в запасе никого не останется.

Через миг, как по тайному сигналу, из-за занавесов в глубине платформ возникли торговцы и принялись расписывать товар. Все в усыпанных драгоценностями накидках ярчайших расцветок, с застежками не в четверть дюйма, а скорее в целый дюйм. Торговец Кингер, оказавшийся прямо перед Тоэмом, махнул рукой в сторону занавеса, вызывая первую женщину. Поистине потрясающая блондинка, высоченная, как минимум, шести футов ростом. Огромные груди выпячивались вперед благодаря надетому на ней тонкому лифу из мерцающего пурпурного материала. Шелковая юбочка практически не прикрывала сосуд наслаждений.

— Прошу вас, джентльмены... — повторял торговец.

Тоэм переводил взгляд с платформы на платформу. Он не мог рисковать и вести наблюдение лишь за одним купцом, поскольку Тарлини могли продать у него за спиной.

Реддиш предлагал краснокожую прелестницу с Шоуни, планеты, заселенной индейцами и располагавшейся на самом краю Галактики, на которую часто совершались набеги. Ставки росли бешеным темпом. Невольница обещала принести еще более крупный куш. Фулмоно продавал близнецов, смуглых девушек, по его утверждению, из бассейна Амазонки, с самой Земли. Фастен обводил кончиком трости ноги девочек, которая, видно, была чуть не до смерти перепугана, видя вокруг плотоядные физиономии, но, похоже, решила не выдавать своего страха. Фастен отмечал великолепную полноту икр, замечательные коленки. Рашинджи...

Рот Тоэма раскрылся, закрылся и снова раскрылся. Женщиной Рашинджи, той самой, кому предстояло расхаживать среди присутствующих, собирая с победителей торгов деньги (все платежи наличными, никакого кредита), была Тарлини! В ослепительно алом платье с черной брошью. Колышущиеся груди показывались из остроугольного декольте. Она улыбалась идиотской улыбкой со своего сиденья на краю платформы. Рашинджи в данный момент продавал очень привле-

кательную девушку, но все внимание Тоэма было устремлено на столь хорошо знакомое лицо и фигуру. Что она делает в качестве помогающей купцу женщины? Почему выглядит такой довольной?

Возбуждение на площади достигло пика. Он прорывался через толпу, распахивал, не разбирая, богатых и бедных, пытаясь пробраться к платформе Рашинджи. Повис на задней стенке, высматривая Тарлини. Она хохотала над замечаниями торгующихся, собирая их денежки в черный мешок, который держала на золотой цепи. Она его не видела. Он с некоторым ошеломлением сообразил, что она не узнает его, даже если увидит. У него теперь волосы светлые, а не темные, и он ничуть не похож на ее Тоэма.

Гибкая юная девочка-женщина, которую в данный момент продавал Рашинджи, ушла за семьсот шесть купюр.

Друзья осыпали расплачивавшегося богача поздравлениями...

Тоэм отовсюду чувствовал запах пота...

Тарлини, улыбаясь, доверительно беседовала с толстяком из высшего класса, который скорее скалился с вождением, чем улыбался...

Шум торгов грохотал в ушах...

Голова почти неудержимо шла кругом. Зачем она это делает? Почему помогает торговцу? Плату всегда собирает самая доверенная и любимая жена купца. Неужели она пошла за Рашинджи замуж? Нет! Или да?

В этот самый момент он решил убить Рашинджи за все, что тот сделал с Тарлини. Но как бы сначала с ней переговорить?..

Карман оттягивал бумажник с деньгами. Если предложить цену за девушку и купить ее, Тарлини придется прийти к нему за деньгами.

На подмостках как раз ждала стройная блондинка, явно больше других желавшая быть купленной и с бравадой выставлившая напоказ свое добро.

— Пятьдесят, — сказал какой-то богач.

— Семьдесят, — сунулся другой.

Тоэм задержал дыхание и выкрикнул:

— Сто!

Все головы повернулись к нему.

Рашинджи вглядывался, напрягая глаза:

— Наличными, парень. Найдется у тебя столько наличными?

Он вытащил из кармана кошель, открыл его и помахал кредитками:

— Сбережения за всю жизнь.

Богач загоготал.

— Пускай получает, — разрешил первый претендент.

Второй презрительно на него зыркнул:

— Двести!

Тоэм услышал собственный голос, рывуший:

— Двести пятьдесят!

— Четыре сотни!

— Пять!

— Шесть!

— Семь пятьсот.

Он чувствовал, как по подбородку течет пот. Надо все бросить. Можно купить кого-то другого, кто никому больше не нужен. В конце концов, он покупает лишь ради возможности поговорить с Тарлини. Но теперь, пробудив в богаче гнев, Тоэм знал, что тот постоянно будет перекупать у него любую девушку.

— Мне предложено семьсот пятьдесят кредиток, — подытожил Рашинджи, довольный, что обыкновеннейшая, хоть и смазливая проститутка принесет ему столько же, сколько девственница.

— Мистер Главойрей, — обратился он к богатому участнику торго, — желаете перекрыть эту ставку?

Мистер Главойрей посмотрел поверх голов своей свиты на простолюдина, осмелившегося с ним торговаться.

— Желаю, — заявил он. — Тысяча!

Толпа охнула в один голос.

— Тысяча двадцать пять, — сказал Тоэм, дрожа в предвкушении поражения.

Мистер Главойрей нахмурился:

— У меня с собой только тысяча. Выпишу чек...

Тоэм услышал собственный голос:

— Нет! Это незаконно. Никаких чеков, никаких кредитных карточек. Условие — платить наличными!

— Он прав, мистер Главойрей, — признал Рашинджи.

— Тогда дайте мне послать за деньгами. Они придут через час.

— Необходимо получить у меня разрешение на отсрочку аукциона, — провозгласил Тоэм, припоминая вычитанное в книжках Тригги Гопа. — А я в таком решении отказываю.

— Ну раз так, — сказал Рашинджи, поворачиваясь к Тоэму, — она твоя.

Друзья богача подняли протестующий гам. Рашинджи замахал в их сторону, призывая к спокойствию:

— Это справедливо. Простолюдин, я велю ей искупаться и подойти к тебе у фонтана. — Он отвернулся и хлопнул, вызывая следующую женщину.

Тоэм оглядывал толпу, разыскивая взглядом Тарлини. Он выиграл право поговорить с ней. В голове кишмя кишели вопросы.

— Тысяча двадцать пять кредиток, дорогой сэр, — прозвучал рядом ее голос.

Он быстро взглянул на нее:

— Тарлини!

Рот ее медленно открылся.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Я Тоэм.

— Какой Тоэм? — переспросила она, теряя терпение.

— Твой Тоэм. Твой мужчина.

Она оглянулась, тараща глаза:

— Ты не Тоэм. Тоэм темный. А ты светлый.

— Да, правда. Но я Тоэм. Меня убили после того, как нас похитили ромагины... вернее, убили мое тело. А мозг спасли, и тело у меня теперь новое.

— Ты несешь чепуху. Прошу, тысяча двадцать пять кредиток.

Он схватил ее за плечо:

— Слушай, Тарлини, я...

— Пожалуйста, дорогой сэр, не троньте меня.

Он нерешительно отвел руку:

— Слушай, я могу доказать. Помнишь деревья с красными листьями, и одно из них над нашей хижинкой? Мы жили, любили друг друга на травяном ковре, и ты все твердила, что он полон рисунков, похожих на людей, на их лица. Мы собирались пожениться через месяц.

Она долго смотрела на него:

— Да, я так говорила, и мы там жили. Откуда ты все это знаешь?

— Я Тоэм!

За последнюю девушку разгорелся жаркий торг. Выкрикивались ставки, веселя обе стороны, а Рашинджи все по-прежнему поднимать цены. Тоэм заговорил громче:

— Помнишь море, как оно разговаривало? Мы сидели на берегу, и я всегда слушал море, беседовал с ним. Ты говорила, что я сумасшедший, но уверяла, что все равно меня любишь.

Она нервно крутила в маленьких ручках денежный мешок:

— Ну и что? Что из того... если ты Тоэм?

— Как «ну и что»? Можешь уйти со мной, вот что. Я десятки раз прошел через ад, добираясь сюда.

Глаза ее вдруг сверкнули, а голос слегка изменился.

— А почему ты уверен, будто я — Тарлини?

— Ты ведь сказала...

— Меня зовут Рашинджиана.

— Ты взяла себе имя Рашинджи?

— Меня зовут Рашинджиана.

Он пошатнулся:

— Тарлини, не может быть, чтобы ты вышла замуж за этого... этого...

— Меня зовут не Тарлини, — твердо заявила она.

— Но почему за него?

— Он мне подходит.

— Я подходил тебе больше.

Она нахмурилась:

— Ты никогда не показывал мне чудес Вселенной, еды, вин, диковинных мест и вещей.

Он вздохнул, утирая пот с нижней губы:

— Слушай, Тарлини, я только что сам открыл для себя эти вещи. Я про них и не знал никогда.

— Меня зовут не Тарлини. Кроме того, даже если и так, даже если бы тебя на самом деле звали Тоэм, ты всего-навсего простолюдин. Ты не способен удовлетворить желания, которые пробудили во мне новые вещи, не способен утолить мой голод.

Рассудок его разрывался от боли, пытаясь освоиться с новым порядком, с внезапно обрушившимся на него более ясным понятием о человеческой натуре. Сценарий разыгрывался старый-престарый — тысячелетней давности, — но ему это было неизвестно. Солнце казалось гигантской свечой, с которой на все кругом капал расплавленный воск, заливал дома и людей, просачивался Тоэму в уши и обволакивал пленкой мозг. Он схватил девушку за руку, впился ногтями:

— Слушай, Тарлини... ну хорошо, Рашинджиана. Через несколько дней ты окажешься запертой в другой, более тесной Вселенной. Не понимаю, каким образом, только мутанты собираются...

— Мутанты? — переспросила она. — Ты с ними связан? Ты извращенец?

Он вонзил ногти глубже, надеясь, что из-под них сейчас брызнет кровь:

— Слушай...

— Помогите! — заголосила она. — Извращенец! Любитель мутантов!

Толпа в ужасе раздалась в стороны. Несколько торговавшихся богачей рванулись к нему. Схватив Тарлини еще крепче, он перебросил в свободную руку газовый пистолет. Первым поверженным оказался мистер Главойрей, его нога превратилась в окровавленный кусок мяса, хуже всего, что можно было увидеть на уличном мясном рынке.

— Ты пойдешь со мной, — приказал он, отпустил ее руку и обхватил тонкую талию.

— Нет!

На его шею легла рука. Он нырнул, развернулся и выстрелом выпустил нападавшему кишки. Другие приостановили наступление, с опаской поглядывая на Тоэма.

— Пусти меня, простолюдин! — вопила Рашинджиана.

Солнечный воск стал еще горячее. Первые его слои, налипшие на Тоэма, начи-

нали густеть. Если не пошевеливаться, скоро вообще нельзя будет сдвинуться с места. Он дотянулся до реактивного пояса, поднялся, повернул к центру города, к бункеру. Потом маленький вращающийся шарик, который вылетел из дула ружья полисмена, взорвался под ним.

Сладкий запах...

Голубой туман окутал его, поглотил и увлек за собой сквозь густеющую и густеющую пелену к полной тьме...

К смерти?

Глава 12

Нет.

Не к смерти.

Хотя, рассуждал он, очень может быть, что и так. Вполне возможно. Он заключен в сверхнадежную камеру на третьем этаже столичной тюрьмы. Размерами меньше ярда на ярд. Можно только сидеть, и все. Он сидел и смотрел в окно через массивные стальные прутья на колесо для четвертования, возводимое во внутреннем дворе тюрьмы. На свое собственное колесо, возводимое по его душу.

Суд здесь, безусловно, творился быстро, никто не мог пожаловаться на юридическую волокиту. Его арестовали, осудили и приговорили к смерти в течение трех часов после поимки. Теперь уже сообщения должны облететь весь город, появиться в газетах, по телевидению. Утром, как раз к истечению отведенных ему двадцати четырех часов, во дворе соберется толпа — поглядеть, как ему разрубят руки и ноги, послушать, как он с проклятиями будет умирать на почерневшем от крови колесе.

Ну и ладно.

В конце концов, то, что заставляло его двигаться, дышать, жить, умерло — любовь Тарлини к нему и его любовь к ней. Ее любовь испарилась естественным образом, его была убита на рынке. Тарлини сплошь изрешетила ее безобразными дырами. Мир вовсе не добропорядочный. Мейна права.

Но он пока еще не готов умереть. Любопытство вселяет в него волю к жизни. С той поры как из маленькой ампулы перестал капать наркотик и мозг Тоэма очнулся, его мучило столько таинственных концепций, идей и людей, что он не мог

уже рассортировать их по порядку. Некогда он стал бы молиться, теперь не мог. Он думал о Сизэ, лепечущем, уstraшенном, превратившемся в мумию, в сушеный овощ перед лицом какого-то неизвестного ужаса, с которым всем — и самому Тоэму тоже — предстоит встретиться после смерти. Тут крылась вторая причина нежелания умирать. Что лежит по другую сторону завесы, за газовой дымкой, повисшей между жизнью и смертью?

Кое-какие ответы. Вот все, чего ему теперь хочется. Что это за Порог? Что это за молекулы скорлупы? Добьются ли мутанты успеха или потерпят поражение? И что именно они стараются сделать? И кто они — демоны или ангелы?

И Мейна. Если бы только выманить у Мейны улыбку, может, не так трудно было бы предстать перед лицом смерти. Но перспектива быть преданным смерти через четвертование, не получив никаких ответов, выглядела неприятной.

Пришло время ужина, и ему принесли миску червей.

Он не стал есть, несмотря на заверения стражника, что это единственный

последний ужин, подобающий извращенцу.

Он успокаивал себя в ночной тьме, сидя и глядя, как подмигивают и сверкают звезды, словно страшное множество угрызений совести, в наказание уязвляющих мозг. Драконьи глаза. Искры из пышущей драконьей пасти. Адские огни. Он пытался припомнить побольше метафор и сравнений, не позволяя себе спать, оставаясь настороже. Он решился не засыпать в последнюю и единственную ночь в своей жизни.

Из-за прутьев решетки дул холодный ветер.

Он думал о Тарлини. Рассудок час-тенюко любит мучить себя, перебирая ошибки, неверные шаги и просчеты. Он превратно судил о любви этой женщины. А теперь сам себя подвергал пыткам. Когда его бросили в эту камеру, он плакал, осознав, что она с ним сделала, но теперь все слезы высохли. Он явился из нежного мира в жестокий. Он переменялся, она тоже. Но предвидеть такой перемены он не сумел.

Он думал о Мейне, гладкой и мягкой...

Он думал о Ханке, навсегда заточенном в своем жалком тельце...

Он думал о Мейне, теплой и гибкой...

Где-то в глубине души у него тоже было желание, чтобы с ним нянчились, а он пристроился бы у нее на коленях, укрылся бы под ее защитой...

Хотелось бы, чтобы она не испытывала к нему ненависти или хотя бы ненавидела его чуть поменьше...

Он думал о Тригги Гоппе, о мозге, оставшемся жить после гибели тела. Зачем? Затем, чтобы время от времени наблюдать за взрослением своего ребенка. Двадцать странных лет Тригги Гоп парит в пространстве, ищет читателей, людей, жадных до информации, а находит в большинстве случаев воинов. Он пытался припомнить, что такое сказала библиотека насчет их новой встречи, и стихи... Когда-нибудь, может быть... Он постарался вспомнить. Да. Четыре строчки, которые тот человек сочинил сам. Тоэм повторил их, обращаясь к сверкающим драконьим глазам:

Возможно, однажды, в пустом кабаре,
На чернильную ночь или белый день
Со снежным ковром на земле иль траве
Ляжет прошлого желтая тень.

— Очень поэтично, — проговорил голос прямо перед ним.

Он охнул, вскочил на ноги.

— Ради бога, — сказала Мейна, заглядывая через решетку, — потише! Хочешь, чтобы копы со всего света сюда примчались?

— Это ты!

— Ш-ш-ш!

— Но как...

— Кошки гуляют, где им вздумается, герой Тоэм. Даже по стенам высоких домов, совершая невозможное. Найдется подходящая водосточная труба, и вполне достаточно.

— Тебя поймают! — воскликнул он, оглядываясь через плечо на дверь камеры.

— Обязательно, если ты будешь упорствовать и орать во все горло, — прошипела она, подцепляя каждый прут снизу, где они уходили в гнезда на подоконнике, металлическими крючками и смазывая каждый крюк тонким слоем зеленой жидкости.

— Что ты делаешь?

— Вызволяю тебя. Ляг на пол. Дело не шумное, только дьявольски жаркое.

Он не стал спорить и лег на живот возле двери. Мейна отпрянула от окна, быстро вскарабкалась вверх по стене каким-то немыслимым образом, как и добиралась сюда. Раздалось внезапное шипение — пф-ф-ф! — но никакого шума. Он спиной ощутил жар сквозь тонкую ткань рубашки. Потом глянул вверх — посмотреть, что именно происходит. Огня вроде бы быть не должно, иначе... Вгляделся пристальнее. Да, пламя, темно-темно-синее, почти черное. Камера к тому времени совсем раскалилась.

— О'кей, — шепнула Мейна.

Он встал, подошел к окну.

— Нет! Не трогай. Еще горячо.

Она вытащила из висевшего на спине рюкзака небольшую баночку с белыми кристаллами и посыпала подоконник. Пошел пар, раздалось потрескивание — хрусть-крак, — а на прутьях и на бетоне стал образовываться ледок.

— О'кей, — снова сказала она, пряча банку. — Ну вот. Возьмись за решетку и выверни на себя. Расплавилась только концы.

— Угу, — буркнул он, наваливаясь на решетку.

— Если это в человеческих силах, ты справишься, герой Тоэм.

Позже он так никогда и не мог с уверенностью сказать, удалось бы ему справиться без подобного стимула или нет. А так его словно ударило под дых, и в кровь хлынул поток адреналина. Он выгнул решетку назад и вверх, над толстой стеной получилось отверстие, куда можно было протиснуться. Сел на подоконник, безнадежно цепляясь за прутья. Гладкий фасад здания пересекал узенький карнизик, шириной всего в дюйм. Как раз на нем примостилась Мейна, легко балансируя на кончиках лапок, храня идеальное равновесие.

— У тебя есть реактивный пояс? — спросил он.

— Не каждый способен раздобыть его с такой легкостью, как ты.

— Но я не смогу пройти по этому чертову карнизу!

— Ш-ш-ш! Мы все предусмотрели. Нам известно, что ты — жалкое, ни к чему не пригодное нормальное существо.

Он ничего не сказал.

Она вытащила из рюкзака крепкую нейлоновую веревку, привязала одним

концом к прутьям, чуть не столкнув его с ненадежной опоры.

— Упирайся ногами в стену, чтобы не сорваться вниз и не ободрать руки. И потише, пожалуйста... если это не выходит за рамки твоих скудных возможностей.

Он ухватился за веревку, оттолкнулся от стенки, изогнулся дугой, повернулся лицом к зданию, уткнулся ногами в стену, откидываясь назад. И как можно тише начал спуск.

Поворот...

Прыжок...

Поворот, прыжок, поворот...

Человек-паук...

Мейна ждала, наблюдая за спуском.

Глаза ее в свете звезд горели зеленым.

— Очень хорошо, — донесся снизу голос.

На миг он заледенел, вообразив под ногами караульных. Потом в голове прояснилось, и он узнал голос Бейба. Последние несколько футов Тоэм пролетел, бросив веревку, оставив ее болтаться на стенке. Приземлившись, взглянул вверх. Мейна все выжидала на карнизике, смахивая на огромную самку вампира, свившую в тенечке гнездышко. Но вот она с

величайшей ловкостью извернулась и двинулась по узкому карнизу к водосточной трубе.

— Туда, — сказал Бейб, настойчиво дергая его за рубашку, — в кусты.

Они побежали. Тоэм пригнулся и без каких-либо происшествий укрылся в кустах. Оттуда они посмотрели, как Мейна легко ползет вниз по зданию, почти не пользуясь водосточной трубой. Грациозно извивается, вниз, вниз, вниз... Спрыгнула наземь, опустилась на лапки-мячики, мгновение покачалась взад-вперед. Потом скорчилась чуть ли не вдвое, прильнула к земле, почти слившись с ней, и ринулась через внутренний двор туда, где они поджидали.

Бросила:

— Пошли, — и возглавила шествие, укрываясь за живой изгородью, протянувшейся параллельно улице.

Тоэм следовал за ее покачивающимися бедрами, теряя из виду темную фигурку в еще более темной ночи и вновь примечая, когда свет уличных фонарей пробивался через отверстия в изгороди и сверкал на ее волосах искрами, попавшими, словно мошки, в шелковистую сеть. Бейб замыкал

ряды, зажав в зубах незажженную сигару. Они пробирались, петляя, срезали путь по задворкам Дома невест и внезапно остановились на краю главной авеню.

— В чем дело? — спросил Тоэм у Мейны, выглядывавшей на улицу из укрытия за грудой мусорных ящиков в закоулке.

— Слушай.

И тут он тоже услышал. Легкое постукивание сапожных каблуков по тротуару — хлоп-шлеп, — чеканящее ритм. Они прижались друг к другу, нырнули поглубже в тень, посматривая в щелочку между стеной и помойкой. Через миг мимо промаршировал отряд Ромагинских Королевских Гвардейцев, в яркой, разноцветной форме с перьями, которая как-то неуместно выглядела на темных ночных улицах. Числом их было двадцать, и шагали они, чтобы занять посты вдоль городской стены и у городских ворот, сменив уже отдежуривших караульных. Офицер разведет их по позициям, оставит одних, заберет других, уставших, закончивших службу, и со временем вернется в гарнизон, шагая уже чуть помедленнее и не так бойко отбивая ритм.

Ромагины, на взгляд Тоэма, параноидально боялись мутантов. Ирония же судьбы состояла в том, что столицу пытались уберечь от мутантов, охраняя ворота, тогда как эти самые мутанты фактически жили в городе, вернее, под ним.

— Обождем пару минут, прежде чем пересекать улицу, — сказала Мейна.

Он придвинул губы поближе к изящной раковине ее уха:

— Слушай, я хочу поблагодарить тебя за спасение моей жизни. Это было очень опасно и трудно.

Она обернулась и изобразила улыбку, не выражавшую особого удовольствия. Уголки рта напряглись, выгнулись вверх, изображая радость, блеснули острые зубки.

— Я скорее оставила бы тебя там пропадать, герой Тоэм. Но они применили бы пытки перед повешением, пытаясь добыть информацию насчет нас.

— Пытки?

— Тут они мастера. Мы не могли рисковать, чтобы ты им все выложил. Мы обязаны были прийти на выручку.

Он угрюмо отодвинулся, сел и стал молча ждать.

— О'кей, — сказала она наконец. — Быстро перебегаем улицу и ныряем вон в тот переулок. Беги на цыпочках, не поднимай много шума.

Она сорвалась первой, точно летящая пушинка, почти совсем не касаясь земли, в полной тишине. Добралась до темного места у входа в противоположный переулок и махнула рукой следующему.

Улица представляла собой широкое открытое пространство с фонарями, которые в этот критический момент казались ярче полуденного солнца. Тоэм все равно побежал, стараясь не слишком тяжело бухать в землю ногами и не особенно преуспевая в своих стараниях. Относительно спокойно достиг тени, однако не с такой легкостью, как Мейна. Затем последовал Бейб. Он не шел, а ковылял.

— Эй! Стой! — прокатился сверху по улице голос.

Бейб припустил изо всех сил.

Два ромагинских гвардейца вывернули из-за угла и бросились следом.

— Стой, убью!

Мейна выпрыгнула на открытое место, скорчилась, нацелила ручной лазер. Стражи, не успев вытащить свое оружие, обру-

шились на дороге кипящей, булькающей массой расправленной плоти. Она в самом деле была чемпионкой по снайперской стрельбе.

— Спасибо, — пропыхтел Бейб, вваливаясь в закуток между зданиями. Грудь его ходила ходуном, двойной подбородок покрылся потом.

По улице понеслись отрывистые крики, по бетону зацокали сапоги — клип-клип. Солдаты выскочили из-за угла, как только Мейна подстрелила двоих их товарищей. Теперь начнется охота. Никто не убьет ромагинского солдата в его собственном мире — никто, кроме мутанта.

— Скорей, — бросила Мейна, исчезая во тьме.

Тоэм и Бейб кинулись следом, стараясь двигаться так же тихо, как она, но безуспешно. Слабое эхо шагов обязательно должно было привлечь гвардейцев. И точно.

Тянувшиеся по сторонам переулка стены влажно блеснули, когда ручные лазерные фонари осветили нишу, откуда они только что убрались, и принялись медленно шарить по сторонам, ближе, бли-

же, еще ближе. Тоэм почувствовал, как поток света окатил его на мгновение, пролетел мимо, потом метнулся назад и остановился на нем.

— Стой!

Позади загрохотали сапоги. Тоэм отказался от попыток блюсти тишину и сосредоточился на мелькающих ногах девушки-кошки, стараясь не уступать ей в скорости.

Она резко вильнула в боковой проход. Теперь они направлялись в трущобный район города, где гораздо меньше фонарей, а дорожки между постройками извилистые и запутанные, как в лабиринте, что, возможно, даст им преимущество. Булыжная мостовая под ногами была скользкой от вываленного из окон мусора. Лазерный фонарь на них уже не светил, но голоса позади слышались совсем близко. Они опять повернули. Еще раз.

Мейна затормозила рывком и, тяжело дыша, остановилась. Тоэм удивился и с удовольствием отметил, что это неутомимое существо все-таки проявляет признаки усталости. Почти как он.

— Слушайте, — сказала она, — вот эти переулки справа выходят на авеню Ни-

щих. Стена между авеню Нищих и соседней улицей невысокая. Если мы через нее переберемся, оттуда всего квартал до аллеи, где вход в бункер.

— Нет, — ровным тоном сказал Тоэм.

— Что это значит? — чуть ли не прорычала она.

— Нет. Эти переулки не выходят на авеню Нищих. Если хочешь туда попасть, бежать надо прямо, а не направо. Ты потеряла ориентировку.

— Ты рехнулся. Следуй за мной.

Он схватил ее за плечо:

— Ладно, раз уж тебе так ненавистна мысль быть уличенной в ошибке — особенно мной. Но помни, у меня в голове запечатлена карта города.

Шаги и голоса слышались громче.

Где-то простонала сова, преследователи в ходе погони побеспокоили ее в собственном доме...

— Бейб, ты на чьей стороне? — спросила она, поворачиваясь лицом к мужчине-ребенку.

Тот посмотрел на Тоэма, потом опять на нее. Вспомнил, как быстро она действовала, как замечательно выстрелила и спасла ему жизнь.

— Пожалуй, на твоей.

— Черт, — простонал Тоэм.

— Выбирай, либо пойдешь сам, либо с нами.

— Вперед, леди, — сказал он.

Она свернула в проход меж двумя зданиями, перекрытый кровлей от непогоды. Там царила чернильная тьма. Продвигались они осторожно, но неуклонно, то и дело чувствуя мягкие тельца крыс, которые тыкались им в ноги, пытаясь убраться с пути. Пахло канализационными отходами и гниющими пищевыми отбросами. Все это перекрывала удушающая вонь от экскрементов животных и мерзкие ароматы питающихся мусором растений.

Они миновали проход, выбежали на следующую улицу и оказались прямо перед гарнизоном на авеню Королевской Гвардии.

— Я... — начала было она.

Заряд лазера врезался в кирпичи прямо над их головами, осыпав плечи водопадом оранжевой пудры.

Второй грянул чуть ниже...

— Ну, пойдете теперь за мной? — проревел Тоэм.

Способ доказательства правоты был нелегким, но он ликовал.

На ее лице отразилось смущение, которое он наблюдал впервые, прекрасные черты исказило нечто сильно напоминавшее смертную муку.

Ш-ш-шлеп! Третий выстрел.

Бейб взвизгнул.

Они оглянулись, увидели у него на руке черный шрам, из которого начинала бить кровь. Лицо Бейба, крепко зажавшего рану, перекосилось от боли.

— Сюда! — крикнул Тоэм, схватил их обоих и повернул назад в крытый проход. Он бежал первым, Бейб за ним, Мейна позади. Они ворвались в переулок, откуда выскочили лишь несколько секунд назад, и столкнулись с гвардейцами, которые начали их преследовать первыми.

Тоэм обрушился на самого крупного из них, мускулистого мужчину в красных перьях, золотой накидке и серых панталонах офицера. Они сшиблись на каменной мостовой, затылок офицера врезался в стену дома. Мейна, разнеся в кашу голову второго гвардейца, завертелась юлой и опалила из ручного лазера ноги треть-

его, который потерял сознание, не успев даже охнуть.

Тоэм заехал кулаком в физиономию офицера, увидел кровь, ощутил одновременно тошноту и восторг. В желудке екнуло, он замешкался на мгновение, когда консервативная сторона его натуры на секунду взяла верх над садистской. Противник воспользовался заминкой, напрягся, вывернулся, ударил Тоэма ногой в грудь и припечатал его к стене. Мейна тем временем направила лазерный луч в крытый проход, преграждая путь подмоге из гарнизона.

— У-уф! — выдохнул Тоэм, когда более крупный противник прыгнул на него. Он захрипел под тяжелой рукой ромагина, которая стиснула его глотку, перекрыла доступ воздуху, сокрушила голосовые связки. Собравшись, Тоэм сильно ударил ребром ладони по черепу офицера, потом чуть ниже — в основание шеи, еще и еще. Изнутри к горлу подступала кровь, картина перед глазами то расплывалась, то снова собиралась в фокус, туда-сюда, туда-сюда, тудасюдатудасюда. Рука Тоэма двигалась самостоятельно, казалось, она ему больше не принадлежит, превратив-

шись просто в вещь, в орудие для убийства. Он смотрел, как она врезается в плоть офицера. Удар. Еще.

Вдруг послышался скрежет хрящей, уступивших насилью. На протяжении доли секунды он не мог понять, хрустнула ли его собственная гортань или спинной хребет противника. Внезапно обмякшее тело ромагина разрешило недоумения. Тоэм выбрался из-под трупа и поднялся пошатываясь.

— Сюда они больше не сунутся, — сказала Мейна, направляясь в крытый проход. — Продолжат облаву другими путями.

— Как твоя рука? — спросил Тоэм у Бейба.

Мутант заскрежетал зубами:

— Боль адская, но кровь несильно хлещет. Ожог закупорил рану, основная дыра затянулась.

— Хорошо, — просипел Тоэм. Горло жутко болело, легкие хватали воздух, словно руки Мидаса, гребущие золото. — Теперь, — скрипнул он, оборачиваясь к Мейне, — за мной.

Они двинулись вперед, тревожно прислушиваясь к голосам солдат, доносившимся с обеих сторон — гвардейцы

прочесывали лабиринт улиц и переулков, аллей и дорожек. Вскоре беглецы добрались до границы трущоб, которые ромагины прятали в сердце столицы за фасадами новых зданий, и оказались перед авеню Нищих. Она была пуста в этот поздний час, усеяна клочьями бумаги, объедками, оставшимися от прошедшего дня, когда беднота собиралась на встречу с церковником, ежедневно раздававшим тут милостыню.

Тоэм осторожно выглянул из-за угла и быстро спрятался назад во тьму.

— Проблема, — вполголоса доложил он.

— Что?

— Стражник. Вверх по улице за полквартала. Просматривает большую часть улицы. Заметит нас, прежде чем успеем перебраться через стену.

— Я потеряла лазер, — призналась Мейна. — Остался где-то там, позади.

— Он нам и не понадобится, если сумеешь проявить свои способности, — ответил Тоэм, выискивая в ее глазах зеленую искорку.

— Что ты хочешь сказать?

— Там карниз, почти такой же, как в тюрьме, чуть пошире, тянется футак в де-

сяти у него над головой. Если сможешь влезть на стену, обогнуть угол, ступить на карниз незаметно, очутишься прямо над ним. Может, сумеешь прыгнуть, свалить его, напугать, пока я добегу, не попав под луч. Выскочу в тот же миг, как ты прыгнешь. Постараюсь его пришибить.

Мейна высунулась из-за угла, рассмотрела стражника и карниз. Все было точно так, как сказал Тоэм. Она без дальнейших комментариев полезла по выходившей в переулок стене, как паучиха, плетущая невидимую сеть. Каждая щелочка становилась для ее ног надежной ступенькой, она безошибочно продвигалась вперед. Дюйм за дюймом выбралась из-под кровли на улицу, затаила дыхание.

Стражник не видел ее, держа в боковом поле зрения улицу, а не стены. Он стоял футах в пятидесяти поодаль, держа ружье наперевес. Она подтянулась к карнизу и тихо скользнула вниз, замечательно балансируя, словно в крошечных ножках были встроены гироскопы. Лапки подрагивали, но всякий раз становились на ровный киль.

Тоэм собрался, чтобы броситься вперед в ту же секунду, как она прыгнет. Он должен был действовать быстро.

Через несколько напряженных, издегавших нервы минут она встала над стражником и, не издав ни единого звука, сорвалась с маленького бетонного выступа, как будто не падала, а летела. Угодила на спину ромагину, ударив сперва ногами, и оба свалились на землю.

Тоэм выскочил из укрытия. Его шаги гулко разносились по пустынной улице, точно пистоны взрывались.

Когда он добежал, делать уже ничего не пришлось. Страж был мертв. Ровные полосы отметин от когтей располосовали его шею, оттуда текла кровь. Широко вытаращенные глаза застыли в изумлении. Он не успел даже крикнуть.

Тоэм посмотрел на Мейну.

— Давайте двигаться, — сказала она, глядя в сторону.

Из тени вышел Бейб. Мейна с Тоэмом взобрались на стену первыми, потом свесились и втащили маленького мутанта следом. Отсюда до аллеи и входа в бункер было рукой подать.

Гвардейцы еще не появились на окрестных улицах. Без каких-либо приключений добрались беглецы до решетки и теплой воздушной подушки.

Когда они прибыли в бункер, навстречу выскочил Корги, его глаза излучали волны всех оттенков желтого цвета.

— Отбываем через три часа. Ромагины разведали дату атаки. Началась облава. Они могут вторгнуться в миры Федерации, чтобы нас перебить. Ровно через три часа Старик прибудет сюда и обеспечит нам переправу.

Часть вторая

НОВЫЕ СУДЬБЫ, НОВЫЕ МЕЧТЫ

Глава 13

Они пылали в огне любви...

Обнаженные, лежавшие на своем травяном ковре в прохладной тьме хижины...

Он перевернулся, чтобы поцеловать губы, которые наверняка будут сладкими, мягкими, теплыми...

А лица у нее не было...

Не разорванное, не исполосованное яростно в кровь — оно попросту перестало существовать. «Тарни...» — начал было он. Но и имя ее ускользнуло тоже, развеялось в прах...

Он напрягся, припоминая ее лицо, словно невероятным усилием воли мог отменить то, что сделали с их любовью боги...

На секунду возник рот с жадно высунутым языком. Но вышло хуже, чем ничего, — одна эта нелепая деталь на голой лепешке лица. Он перестал вспоминать. Он просто бежал...

Он, плача, бежал из хижины...

Он бежал в холодной ночи под сиявшими над головой звездами...

Он бежал под далекий грохот прибоя...

Он бежал под лунами, желая взвыть...

Он бежал через кусты с янтарными листьями...

Он бежал среди оранжевых цветов, внезапно остановился, к чему-то прислушался. Что? Что это? Что он слышит?

Шипение. Звериное шипение поблизости в зарослях...

— Ну ладно, — сказал кто-то, тряся его за плечо, — больше некогда дрыхнуть.

Он сорвался с кушетки и встал, весь дрожа.

— Мы встречаемся со Стариком через сорок минут на краю города. Там есть выход через пещеры, который выведет нас за городскую стену. — Глаза Корги сверкали ярчайшими оттенками желтого. Его волновало быстрое приближение к кульминационному моменту всех их многолетних

трудов, к финишной ленточке марафонского забега, длившегося на протяжении столетий.

Тоэм потянулся, стряхивая остатки сна.

— Я просто жду не дождусь встречи с вашим загадочным Стариком.

— Это личность, воистину личность. А теперь пошли. Нам нельзя опаздывать.

Они вошли в пещеры, где он впервые услышал пение Мейны, где ее ненависть к нему расцвела пышным цветом, выросла, точно гриб, на глазах, за несколько кратких мгновений. Она не сказала ему ни слова с тех пор, как они вернулись в бункер, улизнув от ромагинских гвардейцев. Он точно знал, как потрясена она тем фактом, что по ее вине Бейб носит руку на перевязи, упакованной в тяжелые заживляющие бинты. Корги с Мейной шагали во главе, потом Рыба вел Сизэ, потом шел Бейб, Тоэм с Ханком на плече замыкал шествие. Миновали озеро, срезав путь по берегам, какое-то время ползли вниз через фосфоресцирующие проходы, повернули вверх и наконец вынырнули в прямой туннель без каких-либо диковин. Тоэм прикинул, что до поверхности футов десять—двадцать, а то и все тридцать.

Ханк уже пригибал его к земле своей тяжестью, в плече отдавалась пульсирующая боль. Теперь они не могли рассчитывать на поддержку реактивного пояса, и он принял вес мутанта целиком на себя, лишившись помощи дегравитатора и пропеллеров, встроенных в волшебную перевязь.

— Уже недалеко, — сказал Ханк, почувствовав, как ему нелегко.

— Даже не верится, — сказал Бейб, посасывая цилиндрик, свернутый из табачного листа. — Даже не верится, что мы в конце концов готовы устроить грандиозное шоу.

— Хотел бы я понять, — добавил Тоэм, — что это за грандиозное шоу.

— Поймешь. В свое время поймешь.

Тоэм пытался вспомнить, давно ли все это началось. И как ни странно, не смог. Неделю назад, месяц, год — неизвестно. Он лишь знал, что прошел длинный путь от хижины до «Джамбо», а потом до «извращения». Пересек миллионы миль пространства и тысячелетия цивилизации. Неким образом судьба его оказалась связанной с этими полулюдьми. В самом начале в его жизни присутствовало всего

несколько человек. Родители, девушка, которую он любил — или думал по своей неопытности, будто любит, — немногочисленные приятели из племени. Теперь в его жизнь вторглось огромное число людей и полулюдей, на дальнейшее существование которых он прямо или косвенно оказывал хорошее или плохое влияние. Его бросило в пот от внезапно-го осознания, что за этот период в неделю-месяц-год он перебил столько же человек, сколько знал в своей прошлой жизни.

— Еще полмили, — объявил Корги, обращившись через плечо.

Еще полмили, и что? Что должно произойти, когда мутанты соберутся вместе и сделают свое дело? Кто такой Старик? Что такое Порог? Хочет ли он принять в этом участие и разрешат ли они ему, если он даже захочет?

Последняя мысль тяжело уязвила его. Он думал, что нравится им — если не говорить о Мейне, — но как можно с уверенностью утверждать это? Можно ли судить об этом народце по стандартам нормальных людей? Сама Мейна велела ему не навязывать ей своих нравов и цен-

ностей. Действительно ли они хотят создать мирную Вселенную или это прикрытие более широкого плана перестройки всего порядка вещей?

Но что бы ни близились, что ни осталось бы позади, он не представлял себя никем иным, кроме извращенца, сторонника мутантов. Их цель, по крайней мере, выглядела справедливой, первой правильной целью или мотивом, обнаруженными им в цивилизации. И в личном плане он попался на удочку к этим людям — к забавному Бейбу, к Рыбе, автору песен, к компетентному Корги, к несравненному Ханку, даже, может быть, к Сиэ, после того как понял его... А ведь было еще и шипение в кустах...

— Ну вот, — сказал Корги, когда все они собрались вокруг него.

Вверху под углом зиял небольшой проем.

Сверху дул свежий бриз, шевелил волосы, щекотал ноздри ароматом свободы.

— Мы давным-давно прочистили это устье, пробиваясь к поверхности. Черный ход на всякий пожарный случай. Он выходит наверх среди груды камней прямо за воротами. Никакого укрытия нет в ра-

диусе примерно тысячи футов. Поэтому, как только выберетесь наружу, бегите. Стена слишком близко, а нам нельзя привлекать к себе внимание. Не оставляйтесь, не превращайтесь в мишень для стрельбы.

Корги начал змеей ввинчиваться вверх, в черноту, двигаясь с поразительной быстротой на взгляд того, кто считал, будто у него нет глаз, и совершенно нормально, если вспомнить, что у него есть радарные клетки. Сухая грязь сыпалась вниз, но ничего не обрушивалось.

Следующей отправилась Мейна с Сиэ, вскарабкалась, ни на что не обращая внимания, слилась со стенами. Исчезла.

За ними последовал Рыба, потом, по настоянию Тоэма, Бейб. Они с Ханком остались последними.

Тоэм напряг всю свою мощь и рванулся вперед. Он испытывал благодарность к новому сильному телу, без которого никогда не сумел бы проделать все то, чего от него ждали.

Они выбрались из-под земли, как и обещал Корги, среди груды камней. Прямо перед ними маячило темное переплетение кустов и деревьев. Интересно, подумал он,

перенесут ли они и деревья с пещерами, а потом решил, что не станут. Повсюду полным-полно других растений, точно таких же, так что нет необходимости перебрасывать все без исключения. Может быть, в старом городе эта купа кустов и деревьев располагалась поближе к выходу. Тысяча футов — чертовски длинное расстояние, когда стража так близко.

Он покрутил головой заодно с Ханком, рассматривая стену, до которой не набиралось и двухсот футов. Когда он добежит до деревьев, где сейчас ждут остальные, растительность скроет их отступление в назначенное Стариком место встречи. Единственное опасное место — вот это открытое пространство.

Снова напрягшись, он вынырнул из-за камней и побежал. Ноги слегка разъезжались на сыпучем песке. Однако он добежал бы — должен был добежать, если бы в тот момент несколькими горожанам не вздумалось выйти за ворота.

Распахнулся гигантский портал, из него хлынуло сияние, которое осветило дорогу путникам, и накрыл их с Ханком. Высветил четко. Ярко. Не прошло и пяти секунд, как вспыхнул луч посильнее и

поймал их. Песок вскипел, кругом завизжали лазерные импульсы. До зарослей было бесконечно далеко.

Прожектора, которых горело теперь больше десятка, начали обшаривать кусты, где вырисовывались темные фигуры Корги, Бейба и прочих мутантов. Полыхнули лазерные лучи, обдав сорную траву пламенем. Кусты занялись быстро, крошечный язычок огня прыгнул, вырос в непреодолимую стену. Мутанты бросились из зарослей врассыпную. Тоэм видел, как Мейна упала на живот, прицелилась и поразила из лазера прожектор. Другой. Еще один.

Он бежал свесив на сторону болтающийся язык, как собака. Упал на песок рядом с другими, вытащил собственный пистолет. Ханк тоже сжимал оружие в щупальцах. Они открыли стрельбу. Тоэм видел из своего укрытия валившихся там и сям со стены стражников. Но большинство ромагинов не давали себя подстрелить с такой легкостью, сидя за хорошо укрепленными стенами.

Мейна упорно палила по прожекторам, каждый раз попадала, и с каждым разом свет, заливавший то место, где они пря-

тались, становился все менее ярким. Стража на стенах судорожно искала ее, пытаясь поточнее зафиксировать точку прицеливания. Каждый следующий ее выстрел облегчал им расчеты, помогал выбрать правильный вектор. Из ворот вырвался отряд гвардейцев, передовая шеренга непрерывно стреляла из ручных лазеров.

— Бегите! — заорал Корги и первым последовал собственному совету.

Они торопливо обогнули стену огня, которая на мгновение отгородила их от войска, однако и ромагины вскоре преодолели ее.

Раздался крик. Тоэм, обернувшись, увидел, как Рыба загребает воздух, с усилием машет руками, будто плывет в плотной воде. А потом он упал, загорелся, перевернулся несколько раз и затих.

Тоэм посмотрел на часы.

Сперва ничего не увидел. Потом усилием воли сфокусировал зрение. До прибытия Старика оставалось еще десять минут.

Вспышка пурпурного света снесла Сиз голову, тот упал на колени, и Тоэм понял, что десять минут — это, может быть, слишком много. Слишком.

Глава 14

Они отступили за песчаный гребень, отстреливаясь от ромагинских гвардейцев, прячущихся за нанесенными ветром дюнами. Тоэм знал: все решится в считанные минуты, когда офицеры отдадут флангам приказ — продвинуться вперед и окружить мутантов. Хуже всего, что повстанцев слишком мало, чтобы предотвратить это каким-либо образом.

Откуда-то издалека уверенно надвигался рев пустынного танка, все ближе, все громче. Когда танк доползет сюда, встанет между ромагинами и мутантами и начнет стрелять, все они до последнего будут мертвы. Понятно, гвардейцы не станут рисковать собственной жизнью, раз смертоносная и эффективная боевая машина без труда перебьет врагов.

Мейна оплакивала Сиэ и Рыбу. Тоэм впервые видел ее плачущей.

Корги проклинал наступавшую артиллерию.

И тут, при мысли об артиллерии, Тоэм вдруг вспомнил про «Джамбо-10». Память о нем сохранилась где-то в дальнем закоулке мозга, иссохшая и покрытая пылью.

Да ведь у него в ухе крошечный аппарат связи!

Он поднес палец к мочке уха. Шарик сидел на месте, маленький бугорок, вшитый в плоть. Он стиснул его двумя пальцами, раздавил, приведя в действие химический передатчик. «Джей-10» должен был сразу начать пробиваться через пески, прожигая себе путь лазерным лучом. Восемьсот миль при максимальной скорости двадцать четыре тысячи миль в час. Это значит, он будет здесь через... Тоэм быстро принялся за расчеты.

Но не успел он даже прийти к какому-либо определенному мнению насчет относительного времени прибытия, как услышал рев могучих двигателей, воздух жалобно взвыл, треснул, разорвался надвое, точно старый, изношенный занавес. С грохотом выстрелили тормозные ракеты, и гигантская боевая машина опустилась в сотне ярдов впереди, скрыв их от ромагинов.

Высунулся крошечный акустический электронно-лучевой осциллограф, закрутился, ловя голос Тоэма, записанный в памяти.

— Назад и направо, — сказал Тоэм. — 340 градусов. Огонь по гвардейцам.

«Джамбо» скорректировал позицию. Ромагины сперва приняли его за свою собственную машину огневой поддержки, кем-то присланную на подмогу, повыскакивали из укрытий и побежали навстречу. Радостные восклицания и фыркание смолкли, когда первые ряды были скошены излучателем.

Гвардейцы обратились в бегство. Но лазерные лучи и гранаты крушили, не разбирая, пески и людей. Бронированный танк, заметив робота-исполина, развернулся и попытался уйти. Он прополз десяток ярдов, прежде чем выстрел из излучателя превратил его в прах.

Мутанты ликовали. Бейб обхватил Тоэма за шею и чуть не удушил его одной рукой, одновременно пихая в плечо другой, забинтованной.

— Твой? — прокричал Корги.

— Мой! — Тоэм обернулся к «Джамбо-10», застывшему со всем вооружением наготове. — Расслабься!

Урчание немного смягчилось.

— Будем двигаться перед ним к месту встречи со Стариком. Мы оставим себе этого «Джамбо», — взволнованно заявил

Корги. — Он нам может понадобиться, прежде чем все кончится.

— Эй! — крикнула Мейна, указывая на медленно выплывавшую из ворот летающую платформу. На ней сидела одна-единственная фигурка. Маленькая. Когда платформа приблизилась, Тоэм разглядел, что это мальчик с белыми глазами, альбинос, который вовсе не был альбиносом.

— Тоэм! — заорал Ханк. — Прикажи «Джамбо»...

Но «Джамбо» исчез.

На долю секунды для Тоэма вообще все исчезло, а потом...

Сокрушительная вспышка света!

Еще одна, ослепительная!

И еще!

А из тумана озоновых облаков появилась она, безликая, легкой походкой, грациозно покачиваясь...

Но без лица!

И без имени!

Он сосредоточился на лице, на том, каким оно должно было быть, на том, каким он его точно помнил...

Глаза зеленые...

Зеленые, зеленые, зеленыезеленыезеленые...

Источающие сладость губы, крошечный розовый язычок, облизывающий маленькие зубки в порыве страсти...

Шипение...

Раздался вопль, который не вписывался в видение. Греза на миг развеялась, и он вновь обрел контроль над своим телом. Потом дурман навалился еще плотнее.

Сокрушительная вспышка света!

Еще одна, ослепительная!

И еще!

Шипение...

Он коснулся ладонями ее груди, заглянул в безликое лицо...

Снова визг. На сей раз совсем близко. Собственно, прямо в ухо. На секунду мир снова открылся. Белоглазый мальчик стоял на земле на коленях, позади него висела в воздухе летающая платформа.

Щупальца Ханка тряслись, извивались. Это Ханк вопил!

Сокрушительная вспышка света!

И еще!

И из тумана выходит она...

Его охватила жажда насилия.

Визг Ханка был только прелюдией к последовавшему затем визгу мальчика. Он перекрывал все возможные визги. Вибри-

ровал всеми мыслимыми децибелами. Это был миллион миллиардов воплей, рвущихся из бездны, дробивших скалы его ушей...

Сокрушительная вспышка света!

Она, обнаженная...

Но грезы оказались нестойкими. Они отступали, как волны прибоя, становясь с каждым разом слабее, постепенно сходя на нет. Хорошо бы Ханк прекратил вопить.

Вспышка света...

Она поворачивается, обнаженная...

И еще од...

Все визги стихли, и вместе с ними улетучились крохи кошмара, следы грез. Он озирался, как пьяный. Остальные тоже приходили в чувство. Полдюжины танков приближалось к ним, полагая, что мальчик по-прежнему создает для них защитный экран.

— Огонь! — крикнул Тоэм «Джамбо».

Вздернув стволы и пушечные жерла, робот закидал танки гранатами и газовыми снарядами, расколошматил их в пыль, разворотил городскую стену и отогнал оставшихся гвардейцев в центр столицы, подальше от стен.

Тоэм почувствовал, что щупальца Ханка начинают ослабевать. Он впервые с момента устроенной мальчиком атаки повернул голову, чтобы взглянуть на мутанта. На губах его пузырилась кровь. Тоэм рухнул на колени, снял Ханка, бережно опустил на землю. Все прочие собрались вокруг. Веки Ханка отяжелели, наполовину прикрыли глаза. Кровь текла изо рта, из ушей. Он был бледен. Он умирал.

Тоэм почувствовал, как к глазам подступают слезы. Рыба мало что для него значил. Рыба был отщепенцем, одиночкой. Для Сиэ конец стал благодеянием — это создание само торопило собственную смерть. Но Ханк... Ему хотелось ворваться в город и перерезать глотку каждому попавшемуся на глаза солдату.

Кровь безостановочно стекала с губ Ханка.

— Ханк, Господи, кто он такой?

— Это не тот мальчик, — слабо вымолвил Ханк.

— А кто?

— Мутант...

— Но он действовал против нас!

Ханк закашлялся, хрипя и выплевывая кровавые сгустки:

— Тоэм, представляешь себе мутанта, родившегося без тела? Нет, я не в бреду. Другие подтвердят. Родившегося без тела, одно только сознание, чистая сущность, не заключенная в оболочку плоти.

— Я не понимаю.

— Белоглазые похожи друг на друга, они всегда одинаковые. Это живая фабрика грез, ходячий психоделик. Они создают себе псевдоплоть, тело, которое мы видим, пользуясь грубой силой мужских желаний. Похоть, похоже, сильнейшая из основных мужских эмоций. Кое в ком она так сильна, что белоглазый способен сотворить из нее тело, извлечь из этих помыслов силу и соткать для субстанции оболочку. Когда-то мужчины стремились добыть пропитание, и это больше всего занимало их мысли, но теперь никто уже не голодает. Некогда чувство самосохранения было главным, но теперь и оно ослабело. Умершего часто можно оживить. Смерть не всегда необратима. Потом это была любовь к семье. Но в большинстве людей она умерла давным-давно, когда современный мир поставил на первое место эгоистическую любовь к себе. И теперь это похоть. Белоглазые — реальные творения похоти.

Когда рождается один из них, мужчины стекаются к лону, чтобы дать ему плоть в обмен на правдоподобные грезы.

Он снова откашлялся кровью. Закрыв глаза и какое-то время тяжело дышал. «Джамбо» продолжал бомбить стены города.

— Мальчик облекается в их желания. Но форма его всегда... всегда одинаковая.

Тоэм оглядел окружающих. Мейна плакала. Возможно, и Корги тоже — желтизна его глаз обрела совсем другой оттенок, которого Тоэм еще ни разу не видел в радарной ткани. Возможно, то были слезы.

— Как плохо... все вышло... с Тарлини, — сказал Ханк. — Ужасно плохо, Тоэм.

А потом умер — и «встретил конец свой, как истый мужчина, когда-либо живший на свете». Тоэм узнал в этой фразе строчку каких-то стихов, вычитанных в книжках из запасов Тригги Гопа. Он отдернул руку от залитого кровью лица друга и встал.

— Нам надо идти, — сказал вдруг Корги, отворачиваясь от останков Ханка. — А то они вызовут тяжелую артиллерию.

Тоэм велел «Джамбо» следовать за ними.

Они тащились через пустыню, испытывая страшную усталость в каждой правильно и неправильно сложенной косточке.

— Он тут, — объявил наконец Корги, чуточку просветлев.

— Старик, — уважительно пояснил шепотом Бейб.

Тоэм увидел среди темных теней деревьев тень побольше, напоминающую корабль. Люк распахнулся. Они вошли внутрь.

— Добро пожаловать, — сказал Старик. Тоэм охнул:

— Боже милостивый, Тригги Гоп!

Глава 15

— А кто же еще? — донесся ехидный голос.

— Будь я проклят!

— Не думаю. А где остальные?

— Мертвы, — бесстрастно доложил Корги. Казалось, ему не хочется распространяться об этом.

На минуту установилось молчание, потом Тригги заговорил:

— Бывает. Так было с другими из наших рядов и будет случаться впредь. Но

мы должны помнить о конечной цели. Фактически нам всем может выпасть шанс умереть за нее. Ромагины разведали через свою шпионскую сеть, что большое число мутантов неведомыми путями проникли в миры Федерации. Они не установили, что неизвестное транспортное средство — это я. Подозрения, однако, возникли. Они не спускают глаз с Колумбиады, где сосредоточены самые крупные наши силы. В любой момент могут атаковать и попытаться уничтожить нас, прежде чем мы сможем сделать свой ход.

— Что решаем? — спросил Корги. — Я предвижу девяностопроцентную вероятность их нападения.

Все нахмурились.

— Нехорошо, — вздохнул Тригги.

— Но, — продолжал Корги, — как ни странно, вероятность успеха этого нападения составляет всего тридцать пять процентов.

— Ты уверен? — уточнил Тригги.

— Абсолютно.

— Совершим переброску через четыре часа, — объявил Тригги.

Послышались взволнованные вздохи и бормотание.

— А мы готовы? — спросила Мейна.

— Да, детка. Вы — последняя эвакуирующаяся колония. Поскольку идея о перемещении всей Вселенной, которую предложил Ханк, ваша, вы будете моим оперативным штабом.

Все заулыбались.

— Теперь прошу всех пристегнуть ремни. Тоэм, иди в главный отсек, подключись к гипноучителю. В твое отсутствие я приготовил запись полномасштабного курса, охватывающего все от «а» до «я». Он даст словарный запас и рассчитан на восприятие всеми органами чувств. Этот курс все тебе объяснит.

Тоэм поднялся:

— Надеюсь.

— Обязательно. Я уверен. Работа проделана великолепно — не сочти, будто хвастаюсь.

Пока остальные пристегивались, Тоэм вышел и отыскал гипноучитель. И успел застегнуть ремни перед самым стартом.

Записи оказались очень хорошими.

Он шагал над вселенными, разглядывал сверху каждую. Не задаваясь вопросом, где расположена точка наблюдения, просто следил за показом, устроенным исключи-

тельно с целью гипновнушения. Он понял, что каждая вселенная (а были их неисчислимые триллионы) — вещь необъятная и бесконечная и все-таки каждая отделяется от других стенкой, определенным барьером, который и окрестили Порогом. Каждую вселенную отделял от соседних один слой молекул. Фактически этот слой состоял из одной молекулы, растягивающейся во всех направлениях до бесконечности, но нигде не пересекающейся с какой-либо другой молекулой скорлупы.

Он понял, что мутанты обладают способностью выявлять эту область, наблюдать ее в естественном виде, точно так же, как он сейчас. Они могли определить местонахождение своей собственной вселенной в этой бесконечной процессии. Силой разума мутанты могли воздействовать на молекулу скорлупы, растянуть и пробить ее, проделав выход в соседнюю вселенную. Силой мысленных полей они могли охватить свою вселенную, сдвинуть с места и подтолкнуть к выходу. Сосредоточившись, они могли оставить миры ромагинов и сестессинов на прежнем месте.

Однако вселенная мутантов не должна была слиться с соседней вселенной, про-

рвавшись через молекулу скорлупы на другую сторону. Соседняя вселенная ударится о молекулу скорлупы с противоположного конца и войдет в третью вселенную. Вытесненная третья одновременно вытеснит четвертую, четвертая пятую, пятая шестую. Это положит начало бесконечной цепи замещений. Процесс естественной переброски вселенных никогда не закончится. Никаких негативных последствий не предвидится, поскольку со временем круг не замыкается сам на себя.

Мутанты хотят охватить свою вселенную целиком, за исключением воинствующих миров, и протолкнуть через проход девяносто девять и девять десятых процента ее объема. Прорехи на месте мирных миров в старой вселенной останутся пустовать (тут еще есть кое-какие неясности), равно как и в новой останутся дыры на месте воюющих. Весьма смахивает на операцию по удалению раковой опухоли, когда кусочки злокачественной ткани — в данном случае миры — вырезаются и выбрасываются. Что станет с ромагинами и сетессинами в огромной опустевшей вселенной, никого не волнует. Жестоко? Возможно, но разве не стоит всего этого

благо нейтральных народов, втянутых в восьмивековую войну?

Все это было поведено Тоэму не словами, а мысленными образами, умозрительными концепциями, которые он впитывал каждым органом чувств.

И наконец-то понял.

— Ну? — сказал Тригги Гоп, когда он вернулся от гипноучителя.

— Теперь все ясно.

— И ты с нами?

Он ухмыльнулся стене, откуда на него должны были взирать встроенные камеры.

— Конечно.

— Я рад. Ты заинтриговал меня при первой встрече. Я не удивился, узнав, что ты попал в группу Корги. Нисколько. По правде сказать, ты настолько меня заинтриговал, что я принялся за сочинение описания о твоих странствиях. Надеюсь получить от тебя полный отчет, чтобы поработать над стихами, когда мы пробьемся в новую вселенную и великий труд завершится.

— Героический эпос?

— Нечто вроде.

— Вы ведь знаете, что поиск мой оказался неудачным.

— Ну, это мы еще посмотрим.

— И смотреть нечего. Полный провал.

— Время лечит любую рану. Ну а пока не отстегивайся. Через несколько минут садимся на Колумбиаде. Мне надо присматривать за посадкой.

Тоэм откинулся на спинку кресла.

Выстрелили тормозные ракеты, библиотека дрогнула...

Глава 16

— Сядь вон там, — сказал Корги, указывая в другой конец комнаты, полной мутантов, на пустое кресло рядом с Мейной.

— Возле нее?

— Почему нет?

— Она ненавидит меня всеми фибрами души.

Корги саркастически улыбнулся:

— Неужели?

— Правда. Пожалуйста, посади меня где-нибудь в другом месте.

— Ты действительно веришь...

— Слушай, Корги, она разорвет меня в клочья, если я подойду к ней.

— Дурак.

— Слушай, не называй меня так. Сейчас все в шоке, так что заткнись.

Корги схватил его за руку:

— Нет. Ты дурак. Дурак, раз не соображаешь, что в тебя кто-то влюблен. Конечно, твоя Тарлини никогда не смотрела на тебя так, как Мейна.

Тоэм насупился в нерешительности:

— Я...

— Ты дурак. И еще раз скажу: дурак.

— Нет. Знаешь, она сказала, будто я не понимаю...

— И в самом деле. Ты не понимаешь, что ее научили воевать с нормальными, считать себя лучше, а она вместо этого влюбилась в одного из них. Все ее моральные нормы и ценности поколеблены. Она сражалась с тобой, чтобы приободриться, восстановить свою веру, пошатнувшуюся в твоём присутствии. Она влюбилась — да! — с первого взгляда. Ты же думал лишь об одном — как найти Тарлини. Ты когда-нибудь говорил Мейне, что любишь ее?

— Нет!

— Но ведь это правда?

Он попробовал возразить, но не нашел слов.

— Она хочет удостовериться, что ты нас понимаешь, ибо тогда ее любовь получит оправдание. А теперь иди, сядь с ней рядом. Час настал.

Он немножко поколебался и зашагал через комнату. Во всех отсеках чрева Тригги Гопа были мутанты. Две тысячи мутантов. Остальные оставались на электронной связи со Стариком. Момент надвигался. Тоэм упал в кресло, взглянул на Мейну и в конце концов вымолвил:

— Желаю удачи.

— Спасибо, герой Тоэм.

— Ради бога...

Но его перебил Тригги:

— О'кей, давайте готовиться. Возможно, у нас не осталось времени, но все равно попытаемся. И если сегодня нас ждет удача, вспомним, что это Ханк — отважный и умный мутант, погибший за нас, — разработал этот план. А теперь первый этап.

Тоэм разглядывал дикое сборище — двуглавых мужчин, грациозных нимфочек с постоянно меняющимися цвет глазами, крылатых людей. Великолепная фантазмагория. Они погрузились в транс, точно составляли единое существо.

Последним словом, произнесенным Мейной, было: «Тоэм».

Он смотрел на ее замершие губы. Может быть, Корги прав. Может быть, он величайший из дураков, странствовавших по космическим орбитам за тысячу лет. Он положил руку на плечо Мейне, хоть она этого и не чувствовала, и стал ждать.

— Второй этап, — сказал Тригги Гоп.

Никаких зримых внешних перемен не произошло, но Тоэму показалось, будто он чувствует, как уходит в сторону духовный поток мутантов.

— Тоэм! — рявкнул Тригги через динамик.

Он выпрямился:

— Что?

— Ромагины. Боже милостивый, десяток «Джамбо» приближается к Колумбиаде. Они обнаружат нас прежде, чем мы сможем взяться за дело.

— Могу устроить охоту на дикого гуся с «Джамбо-10».

— Возьми Мейну с собой, — сказал Тригги.

— Но...

— Она не хотела бы, чтобы ты улетел без нее. Иначе не стала бы выручать тебя

на Базе-II. Другие эвакуировались раньше. Они вполне могли уйти прежде, чем тебя начали бы пытаться и ты выдал бы их полиции.

Рот Тоэма невольно раскрылся.

— Все всё знают, кроме меня.

— Ты исключительно глуп. А теперь двигай.

Он поднял девушку-кошку на руки и понес в грузовой отсек, где ждал «Джамбо». Если его ждет смерть, что вполне вероятно, он будет не одинок.

— Третий этап, — сказал Тригги.

Вражеские крейсера парили, как семена смерти, над Колумбиадой, сканируя лежащую внизу планету. Тоэм бросил «Джей-10» вверх и подобрался к ним сзади. Они были слишком заняты поисками скопления мутантов на Колумбиаде, чтобы следить заодно за окружающим пространством.

Тоэм включил коммуникационную систему для прослушивания их переговоров. Если ими управляют не ромагины, а вживленные мозги, он не сможет в бою противостоять стольким соперникам своего

уровня. Но у него преимущество во внезапности. Он пристроился сзади к боевому звену и приготовил ядерные ракеты. Преимуществом надо воспользоваться быстро.

— Я их накрыл. Мерисив-Сити. По-моему, это Летучая библиотека.

— Заговор Федерации! — сказал другой.

— Накроем...

Ждать смысла не было. Они с каждой секундой приближались к Тригги, и именно этому Тоэм должен был помешать. Он залпом выпустил все ракеты. Вспыхнул ослепительный свет от взрыва семи ядерных боеголовок. Семь «Джамбо» разлетелись в пыль при прямом попадании, а еще один развалился на куски, зажатый между двумя взрывами. Оставшиеся два никак не ожидали подобного поворота событий.

— Кто остался? Кто остался? — орал командующий «Джамбо». — Кто вы, двое?

— Я — Сангелит, — доложила вторая машина.

Нечего терять время. Тоэм ударил по Сангелиту из всех излучателей, пробив дыру в том конце машины, где располагались силовые установки.

— Изменник! Боже мой, это изменник! — завизжала командующая машина.

Ответный залп противника не достиг цели.

Мейна застонала в кресле рядом с Тоэмом.

Он бросил «Джамбо» вниз, но недостаточно быстро. Лазерный луч противника поймал камеры наблюдения, разбил их, ослепив корабль. Пришлось полагаться на один радар. И вдруг положение резко осложнилось, ибо на экране возник десяток новых огоньков, надвигавшихся из глубины пространства. К одинокому романисту шла помощь. И если вновь прибывающие наблюдали на радаре ход битвы, им известна виновная сторона.

Тоэм протянул руку, погладил шелковистые волосы прекрасного существа, прикорнувшего рядом.

Огоньки на экране радара разрастались. Он не мог сражаться с врагами при помощи излучателей на равных — каждый из них нес по семь ракет дальнего радиуса действия. Как только Тоэм вспомнил про ракеты, на экране вспыхнули три огонька поменьше и стали быстро приближаться. Они будут тут через считанные секунды.

Тоэм расстегнул на Мейне предохранительные ремни, пересадил к себе на коле-

ни и привел в действие катапульту. Он хотел одного — чтобы она сейчас пришла в сознание и сказала ему, что он был дураком. Он оглянулся как раз в тот момент, когда и ракеты и «Джамбо» сгинули без следа...

Глава 17

В пищеварительном тракте Тригги Гопа царило буйное веселье. Он поотключал почти все аудиорецепторы, чтобы не зарабатывать сотрясения мозга. Спутники-роботы, которых они расставили в космосе, передавали сообщения из районов, где располагались миры ромагинов и сетессиннов. Миры эти исчезли, остались в прошлом. Но чего никто не ожидал, некоторые пустоты заполнились новыми мирами. Очевидно, дыры в их вселенной заткнули соответствующие остатки той, которую они отсюда вытолкнули. И если верить снимкам спутников-роботов, планеты эти были заселены не нормальными людьми, а мутантами. Естественными, натуральными мутантами, а не плодами радиации. На одной из новых планет жили — честное

слово! — сатиры! На другой — тритоны и русалки. Ах, если бы Рыба был жив! Они, ненормальные, попали в мир, где ненормальность считается нормой. Тут им самое место.

Он еще раз попробовал связаться с «Джамбо-10». И на сей раз получил ответ:

— Слушаю! Кто это?

— Тоэм, почему ты, ради Господа Бога, не отвечаешь? Я тебя вызываю два с лишним часа!

— Мы в спасательной капсуле, — сказал Тоэм. — Что стряслось с ракетами и вражескими «Джамбо»?

— Я предупредил всех, чтобы их не трогали, когда мы совершали перемещение. Они остались в старой вселенной.

Молчание. Только кошачье мурлыканье...

— Тоэм!

— А?

— Вы оба в порядке?

— Конечно. В полнейшем. — На фоне эфирного шипения послышалось хихиканье.

— Слушай, — сказал Тригги. — Ты собираешься на ней жениться?

На другом конце прозвучал смех.

Наконец Тоэм ответил:

— Собираюсь. Только не понимаю, какое вам до этого дело, Тригги.

— Будь я проклят! Мне до этого безусловно есть дело. Она — моя дочь!

— Ваша дочь! — Тоэм издал вопль, а Тригги не успел отключить связь.

Ну что ж, значит, ему предстоят грандиозные приготовления к их встрече. Он устроит в честь их свадьбы сказочное угощение с тортами, винами и разнообразными крошечными сэндвичами.

Но торты окаменели, вина выдохлись, а сэндвичи испортились, ибо они не спешили приземляться еще целую неделю.

Лицезреть Солнце

Рассказ

Я, возможно, единственный из здравомыслящих писателей, который может сказать, что уже над второй книгой, которую продал, он работал совместно с заслуженно известным писателем Айзеком Азимовым. Признаюсь, что некоторые места пришлось расширить, но это произошло следующим образом: я послал «Лицезреть Солнце» Эду Ферману в журнал «Фэнтези энд сайнс фикшн» и получил рассказ обратно с запиской, где сообщалось, что вещь нуждается в некоторых научных уточнениях, раз речь идет о путешествии на Солнце и именно это является изюминкой повествования. Это был единственный раз, когда мистер Ферман просил меня что-либо переписать, и он тогда даже сопровождал записку двумя абзацами сугубо

научной информации, полученной им у Айзека Азимова, любезно согласившегося предоставить ее мне для использования в рассказе. Уточнения не превышали сотню слов, и я включил их в рассказ, переделав не более двух страниц оригинала. Эд купил рассказ и опубликовал его. Когда я встретил Айзека в обществе любителей научной фантастики в Филадельфии в минувшем ноябре этого года, то напомнил ему о факте нашего сотрудничества и предложил ему в шутку четверть своего гонорара. Он улыбнулся своей загадочной славянской улыбкой и ответил: «Если вы не возражаете, я предпочел бы поцеловать вашу жену». После чего заключил Герду в знаменитые объятия Азимова и поцеловал не менее знаменитыми азимовскими губами. Айзек, больше я никогда не буду прибегать к твоей помощи — а что касается четверти гонорара, то ты правильно сделал, что отказался от нее, так как я давно уже ее потратил!

Как бы это выглядело:
Быстро ступить
На ревущее Солнце,
Прогуляться по его улицам,
Где растут золотые яблоки
И горят невообразимые фонари...

Амиши. «Солнечные сны»

— Потому что оно есть, — сказал я.

Раздались одобрителные смешки представителей прессы. Поблескивающие линзы телевизионщиков производили впечатление ярких, как драгоценные камни, глаз мифических драконов.

Бэкон из «Таймс» поднял руку и помахал.

Я подавил желание в свою очередь отмахнуться от него.

— Мистер Бэкон?

— Если точно — сколько дней займет такая поездка?

— Полагаю, что ответ на это можно найти в информационном бюллетене, который Космический Центр распространил полчас назад.

Двадцать четыре дня туда и столько же обратно плюс дни, проведенные там. В зависимости от того, что мы встретим, и определится продолжительность нашего «жаркого» визита.

Возник целый лес машущих рук. Вновь это глупое желание, желание закричать, которое я с трудом поборол. Вместо этого произнес: «Время истекло», — после чего встал и вышел из-за маленького стола.

Невысказанные вопросы рвались с дюжины губ так, словно они внезапно обрели собственную жизнь и отказывались подчиняться требованиям — застрять в горле или на языке.

— Прошу прощения, извините! — С этими словами я отрицательно покачал головой и направился к выходу из конференц-зала через маленькую дверь, находившуюся позади сцены.

Кирсон ждал меня в проходе.

— Прекрасно, — одобрил он.

Кирсон всегда говорит: «Прекрасно... но...»

— Но, — добавил он, следуя своему правилу, — возможно, тебе не следовало быть столь резким, ну... необщительным, что ли?

— Я могу себе это позволить, — огрызнулся я.

— Но проект не может. Мы в Космическом Центре получаем свои фонды от конгресса, а конгресс, в свою очередь, получа-

ет их от общественности. Скажи им то, что они хотят знать. Подай им как нечто общеизвестное, что автоматические зонды обнаружили все, что только могли. Сообщи им, что люди должны теперь отправиться в полностью оснащенный корабль, чтобы изучить турбулентную поверхность с близкого расстояния. Расскажи им о солнечных вспышках и солнечном ветре и о том, что мы должны больше узнать об этих вещах, прежде чем сделать космические путешествия более легкими и дешевыми. Но Бога ради, не отмета́й людей в сторону просто так!

— Моя работа — не поддержание связей с общественностью. Я обещал кибернировать корабль туда и обратно, а не отвечать на дурацкие вопросы.

— Если ты не желаешь быть в центре внимания публики, — возразил он с улыбкой недоумка, — то не следует иметь дело с Мэнди Морайн.

— Это никакие не дела, — буркнул я в ответ и пошел даже еще быстрее к двери в конце коридора, за которой в состоянии покоя находился мой аэромобиль.

Он бросился вдогонку.

— Вспомни, завтра начинается четырехнедельный период обучения — изнури-

тельные тренировки. Мэнди Морайн на какое-то время выпадает из графика.

— Да, инструктор. Мне известны правила. — Я захлопнул дверь так же быстро, как и открыл ее. Но хлопка не получилось — она закрылась с тихим шумом, и я успел ощутить на спине его глупую ухмылку. Брюс Кирсон был неизбежным злом — сама непогрешимость.

Шел дождь, холодный, морозящий. Он пронизывал меня до мозга костей. Температура внутри аэромобиля марки «чемпион» была вполне приемлемой — семьдесят четыре по Фаренгейту, поэтому я снял пальто, ослабил узел галстука и откинулся на сиденье. Шея болела от напряжения, и мне необходимо было расслабиться, но не существовало такого места, где бы я мог с уверенностью себе это позволить. Бары наверняка были переполнены, так как приблизительно в этот час закрывались все офисы, а толпы народу не в моем вкусе. Я перелистал в памяти машины карты районов города и задал наугад координаты. Закрыв отяжелевшие веки, откинулся на спину, чтобы отдохнуть, когда с мягким шумом, похожим на стон, ветер ударил под днище моей поднявшейся в воздух машины...

— Нет, — сказала она. — Боже, Боже, нет!

Он откашлялся кровью и уставился на черную лужицу.

Нога показалась придавленной под обломками, но когда он посмотрел внимательнее, то увидел, что это не так. Кожа просто стала слегка голубой, и кровь сочилась там, где он мог увидеть ее сквозь порванную штанину. Медленно-медленно до него дошло, что он слышит ее тихие стоны, время от времени перемежаемые всхлипами.

Взрыв!

Вокруг него раздавались и другие звуки. Время от времени со стуком срывался вниз кусок штукатурки. Шипением раскаленного добела металла, охлаждаемого до красного цвета, отдавались в мозгу вопли диких зверей. Свист пара. Другие стоны в отдалении и завывания сирен, просачивающиеся сквозь стены пламени.

— Морайн, — прошептал он, так как боялся говорить громко.

Раздалось невнятное бормотание, громкие всхлипы. Он заставил себя опуститься на колени — и ноге стало лучше. Только слабая боль; голубой цвет оказался просто цементной пылью. В целом сцена

была словно из Данте. Стены огня вздымались высоко, и развалины театра были завалены тем, что, как он разглядел, представляло собой части киберкорабля. Кто-то излишне нервный не выдержал и оказался не в состоянии посадить корабль точно на воздушные подушки в порту, за два блока отсюда. Он скорее разбил его, чем посадил сюда, прямо на театр.

— Морайн, — прошептал он снова, чувствуя, как сердце готово выскочить из груди. Затем, волоча ногу, пробрался через покрытые пылью развалины, вскарабкался на груды мусора — и увидел ее...

Она была без глаз.

Лицо было разбитым и почерневшим.

И из черных пустых глазниц вытекала кровь, похожая на воду со ржавчиной...

— Мой Бог! Убей меня! Убей! — взмолилась она, обращаясь к нему.

— Морайн! — пролепетал он.

— Сжался! Убей меня!

У него засосало под ложечкой. Он не мог! Не мог убить ее! Боже, пожалуйста, порazi их насмерть обоих!

Отшатнулся прочь. Бросился бежать. Но, будучи не в силах вырваться за пределы огненных стен, не мог не слышать ее.

— Убей меня, Джесси, пожалуйста!

И что самое худшее, он не ощущал жалости. Она страдала, а он пытался бежать.

Огненные стены танцевали.

— ДЖЕССИ! — Вопль потряс мир — и руки откуда-то снаружи вытащили его за стены огня...

Я проснулся от треска дождевых капель, разбивающихся о лобовой экран, напоминающий грохот камней, катящихся по горному склону. Пришло время свести до минимума кибернетику, обратиться к своим чисто физическим возможностям и мобилизовать психику.

Это был старый сон. С пятилетней бородой. Я стер пот со лба и взглянул на представшую глазам картину. Сон был старым, но это не делало его менее мучительным.

Сектор три, секция два-ноль-два. И пока это откладывалось в мозгу, машина спланировала на остановку, была просканирована личным роботом-привратником и вновь выпорхнула на трехрядную подъездную дорогу.

Будь у меня нормальное настроение, я рассмеялся бы. Это был ее дом. Выходит, это его координаты я набрал, когда задавал их наобум, ничем другим не объяснишь, почему аэромобиль оказался здесь. Однако я не рассмеялся, так как мне было не до смеха.

— Заходи, Джесси! — произнесла она.

На ней был черный костюм-мини, и ее волосы цвета меда непокорными волнами рассыпались по хрупким плечам. Глаза были голубыми, как кристаллы небесного цвета.

— Прекрасно, — отозвался я. — Это я и хочу сделать!

— Может, мне следует отослать слуг? — Она была достаточно богата, чтобы позволить себе держать слуг-людей вместо роботов.

— Нет! Тренировки начинаются уже завтра, и мне, начиная с сегодняшнего дня, придется во многом себе отказывать.

Она присела на диван, поджав под себя ноги.

— Тогда ты скоро уйдешь?

— Да!

Она полностью соответствовала тому, что о ней писали в газетах и журналах и

показывали по телевидению. Грудь были полными и твердыми, живот плоским, ноги длинными. Божественные ноги! И лицо — принцессы из сказки — белое, как сахар, безо всяких примесей. Мэнди Морайн вызвала ярость в Голливуде годом раньше, когда заявила всем в мире кино: «Я нуждаюсь в одиночестве, чтобы найти человека, которого люблю».

Она получила на сегодняшний вечер уже четыре тысячи предложений.

Ей не составило бы труда найти себе гораздо более привлекательных любовников, чем Джесси Моул, кибернетик. Любовников более отзывчивых и менее занятых, чем я, со своими вечно повторяющимися неприятностями.

Я встретил ее на съемках «Томной королевы». Меня подрадили кибернировать пещеру так, чтобы предупредить их, когда можно ожидать обвала. Я должен был подать условный сигнал за три минуты до «бедствия», чтобы они успели перевести Мэнди Морайн и других звезд на твердую почву. Мы с ней сразу сошлись. Казалось — или почти казалось, — что мы идеально подходим друг другу, как два недостающих мазка в об-

щей картине интима, как мы себе ее представляли.

Она склонилась ко мне и поцеловала. Я ощутил себя светлячком, слабый огонек которого безнадежно исчезает во мраке ночи, исходящем от нее.

— Нет! — сказал я.

— Нет?

— Завтра тренировки.

Мои глаза были прикованы к языкам пламени, игравшим в искусственном камине.

— Завтра еще не наступило. — Ее голос был как шелест нежного летнего бриза.

Языки пламени были красного и оранжевого цвета с оттенком зеленого.

— Сегодняшняя ночь — это почти завтрашнее утро, — возразил я. Не помню, убежал я от нее или ушел, но когда добрался до дома, то так и не ответил на вызов видеотелефона, так как знал, что это она. Со злорадным чувством по поводу собственной стойкости я заставил себя все-таки уснуть. На меня обрушились сны — и лицо без глаз допытывалось: «Почему ты непременно хочешь отправиться на Солнце? Почему на Солнце? Почему на Солнце?»

Следующие недели оказались именно такими, как и обещал Кирсон, — навалилось столько работы, что впору было даже быку сломать шею. Мы вновь и вновь отрабатывали экстремальные и аварийные ситуации. Тестировали и проверяли корабль. Я знакомился с ним в деталях, вникая в переплетения проводов, хаос плат, киберчипов и защитных полей. Космос еще не породили корабли с такой оснасткой, как наш. Он должен был выдержать уровень сырой радиации, способный превысить самые смелые расчеты, из которых мы исходили. Другие корабли оказывались в смертельной ловушке, попав в радиационные штормы гораздо меньшей интенсивности, чем те, с которыми предстояло встретиться нам. Если бы было экономически целесообразно оснастить и другие корабли, как наш, то необходимость в подобном путешествии, естественно, отпала бы. Беда в том, что стоимость подобного оборудования — как тут удержаться от каламбура? — была поистине астрономической. Единственная альтернатива заключалась в том, чтобы изучить область солнечных ветров в надежде попытаться предсказывать возникновение радиационных штормов в космосе и на-

правлять космические корабли в обход опасных участков. Нашему кораблю предстояло войти в историю. Он был хорошим. Бывают хорошие корабли, как бывают и хорошие женщины.

— Есть еще хорошие корабли, впрочем, и хорошие женщины тоже встречаются, — заявил Малхерби, наш капитан.

— На моей памяти такое было лишь раз, — отозвался я.

— Только раз? Ну, за последние двадцать лет мне довелось послужить капитаном на не менее полдюжине хороших кораблей.

— Да нет, я про женщин, — пояснил я, отставив чашку кофе и направляясь к окну, чтобы понаблюдать за заходом солнца. Трудно было даже вообразить свободный полет к этому светилу, состоящему из газов, таинственному и казавшемуся чуть ли не живым существом на небе. Но в ближайшие несколько недель... Желтые, розовые и нежно-голубые цвета переливались, и человек вполне мог позабыть обо всем и как загипнотизированный наблюдать, как раскручивается слепящая глаза спираль красок, закручивается и опять раскручивается, и так до бесконечности...

Это случилось на следующее утро в одиннадцать часов. Малхерби, Блэнксман — первый офицер — и врач корабля Амиши воспроизвели очередную серию ложных чрезвычайных положений, которые родились в мозгах группы экспертов по безопасности, большинство из этих экстремальных ситуаций вряд ли могли возникнуть на нашей летающей тарелке. На макете корабля затеяли пожар, и эти трое обязаны были остановить его, прежде чем кораблю мог быть причинен непоправимый ущерб. Конечно, это выглядело нелепо — ведь пластиковый макет горит намного быстрее, чем специальный сплав корпуса летающей тарелки. Я остановился на момент, чтобы понаблюдать за представлением и немного отвлечься.

Но фортуна в это утро была не в настроении. Жар — почему-то эксперты не учли, что без него пожара не бывает, — воспламенил штабель ящиков, сваленных позади арены действия. Внезапно раздался взрыв, от которого содрогнулся весь макет, — стена контейнеров пришла в движение и обрушилась на деревянную платформу, охватив огнем команду. Говорили, что я закричал. Мне же помнится

только то, что я побежал, набрасываясь на ящики и отбрасывая их со своего пути с яростью, которую никогда в себе не предполагал. Я вытащил Амиши на безопасный участок. Он был без сознания, но не обожжен. Помню, что видел и Малхерби с Блэнксманом, словом, удалось спасти всех троих. Еще помню, как суетились пожарные с рукавами и огнетушителями.

Не знаю, почему я вновь бросился в огонь? Но им пришлось в конце концов вытаскивать и меня. Всхлипывающего, как сказал Малхерби. Надо же, хныкающего!

Расписания и графики откорректировали, и запуск отложили на десять дней. Все были подвергнуты всестороннему психологическому тестированию. Большие шишки хотели быть уверенными, что мы не получили никаких душевных травм в результате этого инцидента, которые могли бы сказаться на наших действиях по достижении кораблем намеченной цели — старины Гелиоса. Но результаты тестов не пошли дальше этого пожара.

Через день после этого инцидента я набрел на Амиши, сидящего в кафетерии. Он сочинял одну из своих поэм:

Давай пойдем
По туманным тропкам,
Едва видным в лунного света клочьях
В размытом пурпуре ночи,
В переполняющем душу чувстве,
Близком к сумасшествию,
Туда, где, поникнув от грусти,
Природа ждет Второго пришествия!
И давай пойдем,
Держась за руки и смеясь самозабвенно,
Чтобы я чувствовал, как кровь бурлит
в твоих венах.

Давай пойдем!
Пусть ноги холодит вечерняя роса,
Через наполненные призраками леса
Туда, где вдали
Деревья склоняются к краю земли,
Обрывистому и ужасному.
Чтобы хватать души, не подозревающие
О том, что Природа для нас, несчастных,
Вовсе не мать, а палач всеубивающий.
Давай пойдем!
Скитальцы в чуждом нам мире,
Раскрыв одиночества крылья,
Чуждые для всех на этом свете,
Как угольки, разносимые ветром...

— Думаю, это годится, — заметил Александр. Он был молодым оператором робомехов, который должен был устранять неполадки, выявленные мной во время полета.

Я кивнул в знак согласия.

— Должен признать, что это действительно странная земля, если ты об этом.

Амиши поднял на меня глаза, явно смущаясь.

— Хочу поблагодарить тебя за вчерашнее. — Его желтая кожа, казалось, покраснела.

— Не стоит благодарности. Считай, что просто выполнил свои обязанности.

— Между прочим, — прервал меня Александер, — как себя чувствует корабль?

— Прекрасно! Так прекрасно, как это только может быть применимо к кораблю. Ваши робомехи, возможно, вообще могут оказаться бесполезным багажом.

Он захлопал глазами в ответ на мои слова, и я был рад, что их произнес. Мне не нравился Гингос Александер.

— Рад слышать в голосе оптимизм, — прогудел кто-то позади меня. Я обернулся и увидел Брюса Кирсона, с улыбкой как у идиота.

— У тебя улыбка как у придурка, — сообщил я ему.

— Спасибо и за это! — Он вновь улыбнулся. — Это самое приятное из того, что я до сих пор от тебя слышал. Все идет путем?

— Да! — кратко ответил я.

— Включая и инцидент с пожаром?

Это было грубо. Слишком топорно, чтобы вывести меня из равновесия.

— Ну, сорвался, — ответил я наконец.

— Нервишки подвели, причем без необходимости?

— Подумал, что кто-то еще остался в огне, поэтому и бросился туда вторично.

Он пристально вглядывался в меня, и я встретил его взгляд и выдерживал скорее из-за того, что еще больше боялся отвести глаза. Он вздохнул.

— Ну, тут тебя просят к телефону.

— Кто звонит?

— Некая мисс Морайн. — Он подмигнул.

— Скажи ей, что мне не разрешают подходить к телефону, пока идут тренировки, — заявил я, поправляя галстук и поворачиваясь, чтобы уйти.

Она звонила мне уже седьмой раз. Но в моей крови бурлила жажда будущих открытий, а немеркнувший глаз Солнца взирал с небес, маня к себе с непреодолимой силой.

Я умер меньше чем за долю миллисекунды.

Взглянув со стороны, увидел свое тело, привязанное к столу, утыканное иголками

капельниц; над ним раскачивались бутылки с глюкозой, как прозрачные фрукты на металлическом дереве. Под глазами темнели круги. Я выглядел мертвым — серый цвет и все такое прочее. Мне всегда казалось, что Смерть даст мне свободу в тот самый миг, как я покину тело.

Позади моего тела сидел Амиши, ответственный за то, чтобы регулировать мой замедленный обмен веществ, иными словами, отвечал за мою жизнь. Его медицинские приборы пульсировали желтыми и зелеными огоньками. В тени стоял капитан, изо всех сил делая вид, что его присутствие здесь имеет какое-то значение. Мы-то все знали, что он на корабле — пустое место, дань тем временам, когда люди плавали по морям и летали чуть выше облаков.

Я покинул капитанский мостик, проскользнул в толстый кабель и просочился по нему как световой луч, пролетев по всем его кольцам и изгибам гораздо быстрее, чем волна огибает побережье, не переставая смеяться. Все, казалось, на месте, все контакты в порядке — и, отсоединившись от системы, я впорхнул обратно в тишь и покой кибербазы под ку-

полом летающей тарелки, где должен был находиться в анабиозе, выходя из него по графику для проверок систем функционирования корабля, чтобы предупреждать остальной экипаж о существенных неполадках.

Шел второй день путешествия. Было пройдено шестьсот тысяч миль. И вторая ночь вне нашей земной реальности. В темноте кибербазы, в прохладе ее кристаллического кокона, перестав думать, я погрузился в странный сон, скорее полудрему, когда настало время дневного отдыха.

— Потому что оно есть, — сказал я («желание человека покорить природу гонит его во все мыслимые закоулки мироздания, чтобы утвердить свое превосходство во Вселенной», — лгал я себе).

Последовал рев одобрения типа «Ла-ха-ух-ха-ха» представителей прессы.

Бэкон (из «Таймс») машет рукой.

— Мистер (невысказанное: «свинья») Бэкон?

— Если точно (!) — сколько дней займет такая поездка???

Леди-репортер громко обращается из задних рядов:

— Почему вы хотите отправиться на Солнце? Почему на Солнце, на Солнце?

— *Потому что оно есть, — отвечаю (лгу) я в ее пустые глаза...*

Пробудившись, я выполнил рутинные проверки и убедился, что все в порядке. Высунувшись украдкой из подходящего для этого разъема, увидел Амиши, говорящего с Малхерби. Они, казалось, спорили, но прежде чем я успел мысленно приблизиться к ним и прислушаться, они уже разошлись. Беседа закончилась.

Бутылки из плазмы болтались над моей головой. Миллион миль остался позади.

На четвертый день я спал.

Спал и Александер. Я узнал об этом на следующее утро. Они поместили перед моим телом табличку: «ДЖЕССИ! ВОЙДИ С НАМИ В КОНТАКТ. НАМ НЕОБХОДИМО ПОГОВОРИТЬ. ЧТО-ТО НАДВИГАЕТСЯ».

Я просочился через защитные поля и провода подключения обратно к себе в голову. Они перевели корабль в автоматический режим, пойдя на риск, явно нео-

правданный — нельзя же до такой степени полагаться на машины, — и воззвали ко мне.

— Сны, — начал Малхерби.

— Ну и?..

— У всех нас. С тех пор, как покинули Землю. Прошлой ночью Александер проснулся, но его сон продолжался. Он стоял прямо у него в комнате!

Я взглянул на Александра:

— Что за сон?

— Он был ужасным! — ответил тот. Хотя я и решил, что парень, возможно, находился в бреду до этого времени, но все же не мог не заметить, как он вздрогнул при одной мысли о своем кошмаре.

— Твой ответ мне ни о чем не говорит.

— Некая... э... вещь на самом деле. Она была серой, огромной и говорила странным женским голосом.

— Говорила?

— Да.

— И что же говорила?

Он поежился:

— «Только не на Солнце, мой мальчик! Только не на Солнце!»

— Какая нелепица!

— Это именно то, что она сказала.

— Вы проверили корабль? — спросил я.

— Первым делом, — ответил Малхерби. — На нем нет ничего такого, чему бы быть не полагалось.

— Нервишки, — сделал я вывод. — Просто случай нервного расстройства. Почему же вы вытащили меня из моего кокона?

— Хотели убедиться — не было ли снов и у тебя? — объяснил Малхерби.

Я огляделся вокруг и заметил едва заметные следы страха на их лицах. Страх перед Неведомым. Невозможно не бояться звезды, к сердцу которой вы собираетесь приблизиться; сама причина страха слишком огромна, поэтому вы и стараетесь как-то адаптировать ее к человеческим меркам (ведь заглушить страх не в наших силах) — чтобы облечь страх в приемлемые формы. Только это — и ничего больше!

— Я должен вернуться в кокон, — заявил я. — Нам предстоит долгий путь, сны или не сны — это без разницы.

В кибербазе, опять вне своего тела, я предался раздумьям. Все же в этом что-то таилось. Естественно, причина должна быть чисто физиологическая, ведь сны

у всех них одни и те же — нечто общее, захороненное в самых тайниках души, — страх, свойственный людской расе безотносительно цвета кожи. Интересно!

На восьмой день я спал — прошло уже на день больше того времени, которое понадобилось Богу на Сотворение мира.

На следующее утро солнечный глаз занял уже почти все небо — монстр, готовый поглотить нас, как только мы минуем Венеру и Меркурий, находящиеся впереди по курсу.

Венеру проскочили как во сне. Газы, облака — и никакой эротики.

На одиннадцатый день я спал с мыслями о Солнце. Видения огненных шаров плясали в моем мозгу.

На следующее утро они поставили перед моим телом табличку. Красные с наклоном буквы на черном фоне: «ДЖЕССИ! ОБЩИЙ СБОР! ОЧЕНЬ СРОЧНО!»

То же самое, что и раньше.

— Сны? — поинтересовался я.

— В этот раз они зашли слишком далеко, — нервно ответил Малхерби, и я заметил, что он величает сны, как живые существа, назвав их «они». — Они атако-

вали Александера. Они загнали в угол и меня, но мои крики отогнали их.

— Их? — переспросил я.

— Ну... это, — поправил Гингос. Его рука была забинтована, и Амиши подтвердил, что пришлось наложить одиннадцать швов, чтобы закрыть раны.

— Ладно, послушаем, что за «это», — сдался я. Мое тело было каким-то вялым, хотя Амиши ежедневно делал ему профилактику.

— Я проснулся, и «это» начало монотонно повторять: «Только не на Солнце, мой мальчик! Только не на Солнце, не на Солнце!» Я сказал ему: «Убирайся к дьяволу!» «Это» стало приближаться. Большое, как робомех, громоздкое. Бубнить тоже не переставало. Затем я увидел лицо настолько, насколько мне позволяли разглядеть его тени. Благодарю Господа за этот полумрак! Вместо глаз — два зияющих кратера — и больше никаких черт, характерных для лица, — и это все, что я разглядел. Я закричал — и «это» выкатилось прежде, чем кто-то успел прийти... но перед этим оно сграбастало меня и шепотом повторило все то же самое, прямо мне в лицо. — Он протянул забинто-

ванную руку, словно та могла послужить доказательством.

Я взглянул на Малхерби, который кивнул в подтверждение его слов.

— Ну а твоя история? — спросил я у него.

— Я проснулся от криков Гингоса. Когда я приблизился к его двери, «это» выкатилось прямо на меня из коридора. Оно направлялось прямо ко мне, но я закричал, и оно скрылось в направлении кают-компаний. Мы не видели больше «ее», или «его», или «это» всю оставшуюся ночь.

Я вздохнул.

— Джесси, — попросил Амиши, — не относись к этому так легкомысленно. Случились и другие вещи. Я обнаружил пропажу почти всей своей синтетической плоти для заживления и замены живых тканей. Если у кого-то будут серьезные раны, то я окажусь беспомощным, когда придется их «штопать».

— Мы также обнаружили отсутствие одного ручного фонаря, — дополнил Малхерби, раскаты его баса звучали как погребальные колокола. — Блок питания к нему тоже пропал.

— Ладно, — вздохнул я. — Только без паники. — Они смотрели на меня в ожидании указаний. Кибернит, как полагают, должен знать все, что происходит на корабле, или, во всяком случае, быть в состоянии принять к сведению, объяснить или найти рациональное зерно. Где-то глубоко внутри меня объяснение наклевывалось, но я не мог полностью ухватить, в чем его суть. — Давайте предпримем поиски в присутствии нелицеприятного наблюдателя, то есть меня.

Мы обшарили все палубы. На самой нижней были выстроены в шеренгу пятьдесят робомехов, склонившихся ниже пояса (у них была гибкая поясница), словно собираясь коснуться пальцами рук кончиков пальцев ног (а головы их лежали возле ступней), дожидаясь, когда их активируют. Но никаких монстров!

Мы прочесали складской отсек дюйм за дюймом, открывая коробки, распечатывая канистры. Ничего! Мы исследовали каюты команды. Обыскали наружную вакуум-камеру. Но нигде не было создания, внушающего ужас, прорицателя беды, посланного Солнцем...

Они немного повеселели, когда я снова углубился в свою киберсеть, так как мы выработали план. Я должен был сквозь стены наблюдать за каютой Малхерби, ожидая приближения твари. Они были уверены, что я воочию смогу убедиться в ее существовании. А коль это произойдет, то от меня ожидали, что я разверну корабль и направлю его домой. Я же знал, что этого не сделаю. Мне нужно было Солнце по некоторым причинам.

Помещение омывалось тенями. Оно напоминало склеп с голыми стенами и из всей мебели — единственной кроватью. Малхерби места себе не находил. Это было последнее, что я запомнил.

На тринадцатый день Солнце уже казалось Богом.

Наружный корпус нагревался, и я проверил устройства охлаждения на палубах, которые должны были помочь регулировать внутреннюю атмосферу. Проверил защитные оболочки на силовых установках в межпалубных промежутках — оболочки могли выдерживать жар до определенных пределов. Все функционировало в совершенстве.

Солнце было как Бог — всемогуще.

На четырнадцатый день температура наружной оболочки поднялась до двухсот четырнадцати градусов по Фаренгейту.

Я наблюдал светило через наружные камеры, снабженные защитными экранами. Солнце теперь было как море. Матка. Источник жизни, в котором мы барахтались от рождения до смерти. В нем было все и вся — и его огромный глаз пристально, не моргая, взирал на нас.

На шестнадцатый день я спал.

На семнадцатый ничего не делал, а только наблюдал за Солнцем.

На восемнадцатый — спал.

На девятнадцатый — тоже.

На двадцатый день корпус нагрелся так, что по цвету уже напоминал спелую вишню, а на швах раскалился добела, и я врубил все устройства охлаждения на полную мощность.

Солнце полыхало, оно закрыло все небо — по сути дела, все небо было сплошное Солнце. На двадцать второй день вновь появилась табличка. Я заметил ее по чистой случайности. Решил просто взглянуть на свое тело. По мере приближения к Солнцу росло и желание — взглянуть, как там, не обуглилось ли оно...

Тогда я и наткнулся на табличку:

«ДЖЕССИ, МЫ СХОДИМ С УМА. ЭТА ШТУКА НЕ ОСТАВЛЯЕТ НАС ПО НОЧАМ, ВЫНУЖДЕНЫ СПАТЬ ПО ОЧЕРЕДИ: ПОКА ОДНИ СПЯТ — ДРУГИЕ ОХРАНЯЮТ. ПОЧЕМУ БЫ ТЕБЕ НЕ ПРОВЕРИТЬ ТО, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ ВО ВРЕМЯ СНА? МЫ ХОТИМ ДОМОЙ! ОСТАВЛЯЕМ ТЕБЕ ПИСЬМА ВСЕ ЭТИ ДНИ. ЭТА ШТУКА НАЧИНАЕТ УНИЧТОЖАТЬ НАШИ ЗАПАСЫ ПИЩИ. ЦАРИТ ПОСТОЯННЫЙ СТРАХ. МЫ ХОТИМ, ХОТИМ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ!»

Я забыл про самопроверку. Вот уже несколько дней! Эта мысль меня потрясла. За десять лет кибернирования кораблей я ни разу не пропустил анализ своего поведения во время анабиоза. В темпе просочился по всем палубам, чтобы провести окончательную проверку систем корабля, прежде чем вернуться в свое тело.

И застыл, позабыв обо всем при виде Солнца. Оно было всеобъемлющим. Лучи тянулись от его находящейся в постоянном движении мантии, как руки пробуждающегося лентяя. На поверхности возникали и видоизменялись темные облака. Солнце резало глаза даже через фильтры.

Прошел целый час, а я никак не мог оторваться от этого зрелища.

Это была сплошная вздымающаяся масса жидкого огня. Пожар, в котором воплотились все пожары всех времен. При Нероне в Риме. В Чикаго. В Сан-Франциско после землетрясения. В Хиросиме после ядерного взрыва. Да, поистине вселенский пожар! И Солнце кричало. Вопило, надсаживая легкие. В нем воплотились не только все пожары всех времен, но и вопли всех жертв этих пожаров. Альфа и Омега. Оживший Ад. И гибнущий Рай. Пожары ревели. Жертвы вопили.

Я в страхе бросился прочь сквозь устройства охлаждения, щелкая их выключателями по дороге. Проскользнул сквозь кабели и провода, проникая через стены и перекрытия, выискивая, как сумасшедший, пути для бегства, не будучи уверенным — хочу ли я их найти. Уступив желанию взглянуть, не превратилось ли мое тело еще в головешки, я проник на капитанский мостик. Тело Амиши валялось в кресле, шея у него была свернута. Малхерби был буквально разодран на клочки, а Александер лежал в луже темно-красной крови, рука сжата в кулак.

Температура была семьдесят девять по Фаренгейту. Их убило не Солнце.

На табличке значилось:

«ДЖЕССИ, ПРЕКРАТИ, БОГА РАДИ! ЭТО ТВОИХ РУК ДЕЛО. АМИШИ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЭТО ТЫ, А ТОТ МОНСТР — ЭТО РОБОМЕХ, ДЕЙСТВУЮЩИЙ ПО ТВОИМ УКАЗАНИЯМ, И МЫ НЕ В СИЛАХ ОСТАНОВИТЬ ЕГО. ПОЧЕМУ, ДЖЕССИ? ТО ЛИЦО ИЗ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ПЛОТИ, КОТОРЫМ ТЫ СНАБДИЛ ЕГО, — ОНО БЕЗ ГЛАЗ, ДЖЕССИ, И ОНО СПЛОШЬ ИЗ ОЖОГОВ И ШРАМОВ — УЖАСНО! ОПОМНИСЬ, ДЖЕССИ, ПРИДИ В СЕБЯ, РАДИ БОГА! ДЖЕССИ, ПОСЛУШАЙ, ПОВЕРНИ КОРАБЛЬ. ТОЛЬКО НЕ К СОЛНЦУ, ДЖЕССИ! ЭТО ВЕДЬ ИМЕННО ТО, ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ, НЕ ТАК ЛИ? ТОЛЬКО НЕ К СОЛНЦУ! ОСТАНОВИ РОБОМЕХА! ОСТАНОВИ ЕГО СЕЙЧАС, ДЖЕССИ! СЕЙЧАС ЖЕ! СЕЙЧАС СЕЙЧАС СЕЙЧАС! СЕЙЧАС ЖЕ...»

Я зарыдал. Я хотел повернуть корабль и в то же время не хотел. Разрывался между желанием и нежеланием, а в результате?..

Я взмыл вверх, проникая сквозь переборки и палубы корабля туда, к наружному корпусу. Система охлаждения вырубил-

лась. Жар нарастал со страшной силой. Откуда-то доносилось всхлипывание.

Оказывается, это скулил я сам.

Солнце — это огромный всевидящий Божий глаз. То, что Солнце берет, только оно и может вернуть обратно. Мои мысли закипают от жара, моего собственного — и его температура выше, чем у наружного корпуса корабля. Мое тело находится ниже на сорок палуб — и температура там сейчас сто четыре градуса по Фаренгейту. Жар в моих мыслях нестерпим, он испепеляет меня. Стены пламени смыкаются, как в Аду...

Пожалуйста, Мэнди...

Пожалуйста, Мэнди...

Помоги мне снова вернуться домой!..

Солнце не несет мне утешения — оно взирает на меня двумя черными пустыми глазницами...

СОДЕРЖАНИЕ

МУТАНТЫ. *Роман*

Перевод с английского П.В. Рубцова 7

ЛИЦЕЗРЕТЬ СОЛНЦЕ. *Рассказ*

Перевод с английского П.В. Рубцова 221

Кунц Дин
К91 Мутанты: Роман, рассказ / Пер. с англ.
П.В. Рубцова. — М.: ЗАО Изд-во Центр-
полиграф, 2003. — 255 с.

ISBN 5-227-01391-8

Тысячелетняя ядерная война между государствами сестесинон и ромагинон породила к жизни расу мутантов-экстрасенсов. Отверженные обществом, мутанты стремятся избавить свой мир от воинственных противников. Судьба сводит их с неуязвимым Тоэмом, которого ромагины выкрали из родной колонии и сделали мозгом гигантской машины-убийцы. Оказав Тоэму-помощь в поисках похищенной возлюбленной, мутанты заполучили в свои ряды могущественного воина, готового сразиться за их интересы. Грядет великая битва...

В книгу также вошел один из лучших рассказов Д. Кунца «Лицезреть Солнце».

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

Литературно-художественное издание

Дин Кунц

МУТАНТЫ

Роман, рассказ

Ответственный редактор *Р.Ш. Ахунов*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.04.2003

Формат 70х90 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 7,29

Доп. тираж 9 000 экз. Заказ № 1414

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов

во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

The book cover features a vertical illustration on the left side showing a blue-skinned mutant with orange eyes and a red hand reaching out from behind a jagged, metallic blue barrier. The background of the illustration is a dark, textured surface with a yellowish-orange glow. The title is prominently displayed on the right side.

ДКН Мутанты

Тысячелетняя ядерная война между государствами сетессингов и ромагинов породила к жизни расу мутантов-экстрасенсов. Отверженные обществом, мутанты стремятся избавиться свой мир от воинственных противников. Судьба сводит их с неуязвимым Тозмом, которого ромагины выкрали из родной колонии и сделали мозгом гигантской машины-убийцы. Оказав Тозму помощь в поисках похищенной возлюбленной, мутанты заполучили в свои ряды бесстрашного воина, готового сразиться за их интересы. Грядет великая битва...

В книгу также вошел один из лучших рассказов Д. Кунца «Лицезреть Солнце».

ISBN 5-227-01391-8

9 785227 013910

ЦЕНТРОЛИГРАФ®